

Гарри Тюрк

МИДУЭЙ

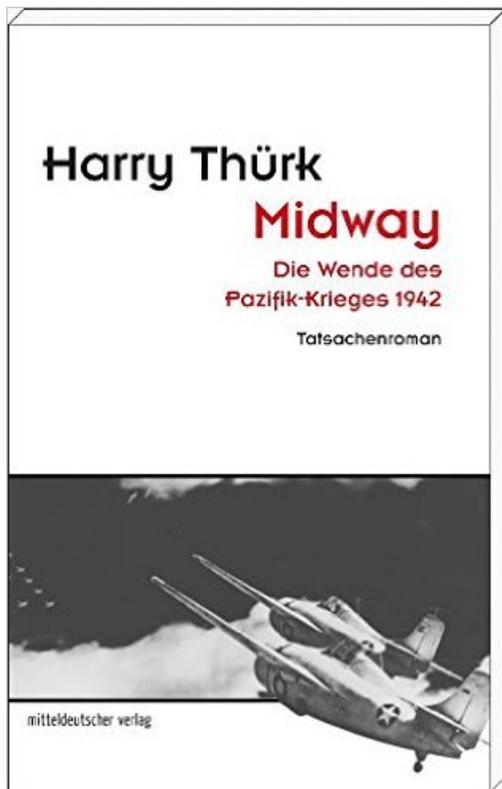
Перелом в войне на Тихом океане, 1942

Роман на документальной основе.

Первое издание вышло в Берлине в 1991 году.

Перевод с немецкого: Виталий Крюков, Киев, Украина, 2016 г.

Оригинал: Harry Thürk, Midway. Die Wende des Pazifikkrieges 1942. Tatsachenroman. Изд. «Миттельдойчер Ферлаг» Галле (Заале), 2009. (Первое издание: изд. «Бранденбургишес Ферлагсхаус», Берлин, 1991.)

О книге: Мидуэй, название небольшой группы островов к северу от Гавайев, стало синонимом переломного момента Второй мировой войны на Тихом океане. В июне 1942 года здесь в ожесточенном воздушно-морском сражении столкнулись американский и японский флоты. В результате американской победы было сломлено существовавшее до этого военное превосходство японцев на море и в воздухе.

Этот захватывающий роман на документальной основе снова демонстрирует мастерство Гарри Тюрка как талантливого рассказчика, который занимательным образом оживляет исторические события. Он подробно описывает ход сражения и при этом дает высказаться как офицерам из высшего командования, так и простым матросам.

От переводчика. Книга немецкого писателя Гарри Тюрка (1927-2005) «Мидуэй» относится к ряду его произведений, посвященных истории Второй мировой

войны на Тихом океане. На русском языке в Советском Союзе из его книг, посвященных этой теме, были изданы лишь «Пёрл-Харбор» («Тора-тора-тора!») и «Сингапур. Падение цитадели». Документальный роман «Мидуэй», вышедший впервые в 1991 году и переизданный в 2009 году, уже после смерти автора, является логическим продолжением истории японско-американского военного противостояния, начавшегося с внезапной атаки японцев на Пёрл-Харбор.

После этого внезапного нападения, в результате которого значительная часть американского флота была потоплена или выведена из строя, Америка официально вступила во Вторую мировую войну. В ходе быстро последовавших одна за другой операций японцам удалось захватить многочисленные острова в западной части Тихого океана. Под защитой этих военно-морских баз японцы теперь готовились окончательно подавить американское сопротивление.

Авиабаза американского флота на Мидуэе представляла собой значительную угрозу для Японии. Так как японцы предполагали, что американские ВМС настолько ослаблены нападением на Пёрл-Харбор, что от американцев не следует ожидать серьезного сопротивления, они решили воспользоваться этой ситуацией и захватить американскую базу на Мидуэе. Только когда американская разведка благодаря усилиям дешифровщиков во главе с Джозефом Рошфором смогла вскрыть новый японский шифр, американцы узнали, что планировали японцы и как именно они собирались осуществить свои планы.

С 4 по 7 июня 1942 года произошла гигантская морская битва у Мидуэя. Вопреки ошибочным оценкам обоих противников, что касалось сил и потерь сторон, Америка вышла из этой битвы победителем. Японцы не знали, что флот Соединенных Штатов хоть и был значительно ослаблен нападением на Пёрл-Харбор, но вовсе не был уничтожен, что он все еще располагал авианосцами, которые во время последовавшего морского сражения оказались важнейшим оружием и, собственно, привели к перелому в ходе этой тихоокеанской войны. Так в одной из величайших морских войн в истории Америка нанесла Японии сенсационное поражение.

В этой книге Гарри Тюрк, талантливый рассказчик и по праву популярный автор как в бывшей ГДР, так и в объединенной Германии, так ярко описывает действия американского и японского флотов, мужество и самопожертвование моряков и летчиков обеих воюющих сторон, как будто он сам был там и видел все собственными глазами. Жанр книги – «роман на документальной основе» – объясняется, прежде всего, живой формой изложения, но практически все герои книги – реальные люди, хотя их диалоги преимущественно и «реконструированы» автором. Поэтому книга не только увлекательна, но и достаточно информативна.

* * *

Японские имена в книге, как и в немецком оригинале, написаны «по-европейски», т.е. сначала имя, а потом фамилия, а не наоборот, как пишут их сами японцы.

Переводчик благодарит Игоря Ландера (Одесса, Украина) за большую помощь в вопросах военно-морской терминологии.

(В.К.)

Прим. редакции «Велесова Слобода»: Биографию автора вы найдете в Русской Энциклопедии [ТРАДИЦИЯ](#).

СОДЕРЖАНИЕ

Станция «Нуро»

Бомбы на Токио

Начало в Коралловом море

Развертывание

Уединенный риф

Песок и кораллы

Бомбы на Мидуэй

Шестиминутный удар

Хаос

Двойной заключительный аккорд

Маневр

Умирующие корабли

Станция «Нуро»

Ругательство было первым, что вырвалось из уст Джо Рошфора, когда зазвонил звонок. За ним последовало неразборчивое бормотание. Худой мужчина поднялся из обитого плюшем удобного кресла с подголовником, в котором он спал, вытянулся во весь свой солидный рост и в резиновых шлепанцах, которые он носил на босу ногу, прошаркал к железной внутренней двери дома и открыл ее. Перед ним лежал крошечный коридор, который снаружи защищала еще одна железная дверь. Джо Рошфор, выглядевший заспанным, с бледным лицом и давно не причесанными волосами, посмотрел наружу через глазок, ворчливо хмыкнул и открыл дверь.

Снаружи хорошо выглядевший офицер, одетый в элегантный мундир военноморского флота, небрежно прикоснулся пальцами к козырьку своей фуражки. Командер Эдвин Т. Лейтон, офицер разведки в штабе командующего американским Тихоокеанским флотом адмирала Честера Нимица в Гонолулу. На этой должности Лейтон служил еще под руководством адмирала Хазбенда Киммела, главнокомандующего флотом, которого в декабре прошлого года застал врасплох внезапный авиационный удар японцев по Пёрл-Харбору, в результате чего Киммелу пришлось оставить свой пост.

Нимиц, «новичок», оставил Лейтона у себя, потому что этот несколько пижонски выглядевший офицер был, тем не менее, весьма способным. В первую очередь у него был, так сказать, близкий контакт с японцами, своего рода чутье на них. Ведь Лейтон до войны два года прослужил в американском посольстве в Токио. Он не только хорошо знал японский язык, но и разбирался в обычаях и привычках японцев и смог с близкого расстояния изучить мышление высокопоставленных японских военных. Для Нимица он был незаменим, потому что он мог представить себя на месте японских адмиралов и предугадать их стратегические рассуждения. Это был хороший ключ для их часто трудно поддающихся разгадке намерений. А США было так необходимо заниматься этими намерениями, потому что Япония все еще представляла собой важнейшую проблему для США на Тихом океане. Первый удар пришлось перенести, теперь же необходимо было перейти в стратегическое наступление, или же триумфальное шествие Японии принесет американцам новые горькие поражения.

Джо Рошфор и не подумал вытягиваться по стойке «смирно», когда он впустил посетителя. Это не было знаком неуважения, и не было воспринято как таковой и самим Лейтоном: Джо Рошфор был тоже в звании командера, но при этом он был совершенно невоенным человеком. Даже адмирала Нимица – если тот вообще хоть раз появлялся тут, двумя этажами ниже своего штаба – Рошфор

обычно встречал в шлепанцах. Однажды он лаконично объяснил это тем, что ему приходится работать головой, а для хорошей работы головы необходимой предпосылкой является беспрепятственная циркуляция крови в конечностях. А при ношении неудобных кожаных ботинок такой циркуляции не может быть. Нимиц воспринял это объяснение без комментариев. На самом деле необычные способности Рошфора лежали вовсе не в выправке и в молодцеватом внешнем виде, и Нимиц давно это осознал. Этот Рошфор был редким сокровищем; и не играло роли, в каком виде он бродил по своему «склепу», скрывавшему самые строго охраняемые тайны американской военно-морской разведки на Тихом океане. Зато большое значение имели способности Рошфора, подчас граничившие с волшебством.

- Мы можем поговорить? – поинтересовался Лейтон. В качестве ответа он сначала снова получил какое-то бурчание. Но когда Лейтон внезапно вытащил своей левой рукой из-за спины бутылку пива «Стар», лицо Рошфора прояснилось. Он мог говорить, и он как раз и начал говорить, после того как открыл бутылку и опустошил ее наполовину.

- Подыщи себе стул, – предложил он Лейтону. Это было сказано просто так, потому что во всем помещении, в котором пребывал Рошфор, вообще не было ни одного стула, только одно кресло. Поэтому Лейтон, давно привыкший к своеобразной манере Рошфора, удовлетворился двумя поставленными друг на друга деревянными ящиками, в которых находилась картотека. Человек, который неподготовленным вошел бы в эти покои под штабом, наверняка сперва решил бы, что очутился в приюте добродушных сумасшедших. Как раз из комнаты Рошфора можно было попасть в зал, выглядевший так, как будто кто-то из озорства перемешал здесь содержимое какого-то склада бумаги и канцелярских принадлежностей. Тут царил хаос. На рабочих столах стояли радиоприемники и мощные радиопередатчики. Возле них громоздились горы бумаг, листочков, рулонов, картотечных карточек – вокруг валялись шаблоны, которые на начальной стадии использовались для вскрытия радиокода, лежали длинные ленты с комбинациями цифр, и все это перемежалось с карандашами, окурками, чашками из-под кофе, резинками, лупами, перочинными ножиками и было густо посыпано удивительным количеством пыли, лежавшей на всем, даже на лицах двух дюжин людей, у которых здесь, в центре этого ужасного беспорядка, было что-то вроде их рабочего места. Это была «Нуро» («Хайпо»), одна из двух станций радиоперехвата, которые Америка использовала в тихоокеанском регионе с 1940 года.

Помимо «Нуро» была еще одна станция, «Cast», которая раньше размещалась на Кавите на Филиппинах. Незадолго до того, как Филиппинские острова были захвачены японцами, ее передислоцировали в Австралию. Центральный офис

все еще находился в Вашингтоне. Он был там еще в 1930-х годах, и управляла им военно-морская разведка. Именно тогда, в тридцатых, флот начал заниматься шифрами и кодами потенциальных противников, потому что по мнению ученых шансы для их взлома появились бы в том случае, если бы математики, лингвисты, специалисты по шпионажу и склонные копаться в мелочах педанты из на первый взгляд не имеющих совершенно никакого отношения к этому областей стали бы в умном сотрудничестве методически разгадывать их.

Джо Рошфор, сам радиолобитель с талантом к языкам, просто ради удовольствия взломавший уже не один из более простых дипломатических кодов, стал шефом «Нуро». За этим условным наименованием скрывалось то, что на военном жаргоне флота называлось «Combat Intelligence Unit» или сокращенно CIU. На эту должность нельзя было бы подобрать более способного человека, чем Рошфор, и также выяснилось, что только лишь его методы управления гарантировали эффективное сотрудничество всей этой орды совершенно недисциплинированных, полных сюрпризов гениев, психов, сумасбродов и специалистов из совершенно необычных областей знаний. Рядом с профессором-японистом здесь можно было встретить сборище самых гротескных типов: от электрика и географа до продвинутых радиолобителей. Но общим у них всех было одно: честолюбие раскрыть любой обнаруженный радиошифр за самое короткое время.

- Ты сидишь, так сказать, на всех кораблях япошек в Тихом океане, – обратил Рошфор внимание гостя. У Рошфора был своеобразный, саркастический, кислый юмор, который при нормальных обстоятельствах мог бы сильно помешать его карьере. Но здесь ничего не было нормальным, ни карьера, ни условия. Даже офицер разведки Нимица чувствовал себя здесь лучше, чем в приемной своего шефа, где должен был царить строгий военный порядок. Он смотрел, как Рошфор осторожно поставил опустошенную бутылку к куче таких же пустых бутылок и вытер пальцы о свои потрепанные штаны. Лейтон научился ждать. С такими людьми как Рошфор нужно обращаться аккуратно, как с агрессивным боксером, не нужно заранее сердить их своими вопросами. Поэтому-то Лейтон и сказал кое-что, что было очень далеко от истинной причины его посещения: – Луау сегодня вечером. Калауеа-Пойнт.

Рошфор прислонился к штабелю картотечных ящиков, из которых тут и там высовывались бумажные «хвосты» и взглянул без особого интереса, заметив: – Эта жирная свинина, которую они жарят в яме между двумя горячими камнями, регулярно вызывает у меня расстройство желудка. После последнего луау мне пришлось восемь дней пить настойку опиума, чтобы я вообще смог снова отойти от сортира...

- Но лучше боль в заднице, чем голодное брюхо, Джо.

- Спасибо. У меня была не только боль в заднице. Моя голова от этой настойки была такой же тяжелой, как у семидесятилетнего китайского курильщика чанду.

- Бочковое пиво, – соблазнял Лейтон.

Рошфор скривил лицо. – Форма одежды?

- Выходная, гражданская.

- Возможно, у меня еще найдется рубашка, – размышлял шеф «Нуро». Когда Лейтон добавил, что приглашено еще много аборигенок, гавайских девушек со смуглой кожей, Рошфор молча задумался.

Лейтон думал, готов я биться об заклад, сейчас он подсчитывает, как долго уже он не спал ни с одной девушкой. Этот уникам может на много недель вообще забыть о мире, когда погружается в решение своей задачи, и новички это по нему даже не замечают. Он сказал: – Подумай. Это же не формальное мероприятие. Ты можешь прийти и к полуночи, когда все мясо уже съедят, и останется только пиво...

- Приглашение распространяется и на моих людей?

Лейтон кивнул.

- Ну, Эд, а для чего же ты пришел на самом деле?

Вопрос прозвучал совсем неожиданно, ни с того, ни с сего, как часто бывало у Рошфора. Он свидетельствовал о его живом уме, который Рошфор так любил прятать за своим рассеянным внешним видом. Но тот, кто знал его давно, как Лейтон, тот привык к таким сюрпризам, и потому разведчик сразу приступил к делу.

- Шеф хочет знать, как следует оценивать действия соединения японского флота в Индийском океане. Он считает, что между прежним ходом этих действий и их внезапным прекращением существует какое-то противоречие. Почему японцы отходят назад?

Рошфор проворчал: – Толковый парень, наш старик...

Потом он пошел в большой главный зал и прорычал пару слов в этот заглушающий все шум радиоприемников, пищущих радиостанций, голосов и треска машин. Пока он собирал морские карты, телеграммы, расшифрованные радио-

граммы и все остальное, у Лейтона было время подумать о том, что зависит от его информации. Нимиц высоко ценил Рошфора. Адмирал преобразует знания это дешифровщика в военные приказы еще до того, как начнется гавайская вечеринка с грилем в Калауеа-Пойнт. При определенных обстоятельствах некоторые возможные участники вечеринки появятся там со значительным опозданием. Или не появятся вообще. Например, как подводники...

Коммандер Лейтон осознавал обострившееся положение, в котором находились США на Тихом океане после первого удара японцев. Не только Филиппины, но и Гуам и Уэйк, обе базы на полпути между Японией и Гавайями, самые важные американские базы, достались японцам. Так же Гонконг и Сингапур. Большая часть китайского побережья и так уже находилась в японских руках. За прошедшее время к этому добавились острова Нидерландской Ост-Индии (нынешней Индонезии – прим. перев.), все территории, которые были в равной степени важны для японцев как из-за их богатства полезными ископаемыми и другими ресурсами, так и из-за возможности их использования в качестве баз для дальнейшего продвижения.

Стратегически важные позиции в южной части Тихого океана Япония создавала и расширяла еще задолго до нападения на Пёрл-Харбор. Ее участие в Первой мировой войне на стороне Антанты принесло Империи в 1918 году опеку над бывшими немецкими колониями на Маршалловых и Каролинских островах, согласно решению Лиги Наций. За прошедшее с той поры время там возникли вооруженные до зубов бастионы, намекавшие на намерения дальнейшего расширения японской сферы власти в направлении контролируемых англичанами Соломоновых островов, до Новой Гвинеи и дальше до лежащих западнее островов Гилберта и островов Эллис. И это вопреки тому, что бывшие немецкие колониальные владения были переданы японцам при условии, что там не будут создаваться какие-либо новые военные объекты.

Япония наплевала на все эти условия. Соломонов архипелаг с их портом Рабаул издавна был областью, об оккупации которой грезил Япония. Отсюда до Австралии, все еще самой большой и самой богатой ресурсами позиции союзников, по прямой было всего около двух тысяч километров, для японских бомбардировщиков сухопутного базирования уже не недостижимое расстояние. Между Соломоновыми островами и Австралией лежало Коралловое море. В настоящий момент активность японских военно-морских сил там увеличилась. Это могло указывать только на опасность для Австралии. И эту опасность нельзя было недооценивать. Во второй половине марта японцы впервые совершили авианалет на пятый континент, со своей базы на захваченном острове Тимор, и нанесли удар по порту Дарвин на северо-западе Австралии. Японские подлодки крейсировали перед Сиднеем.

Япония, несомненно, поняла, что США за это время уже построили транспортный мост от своих портов на Западном побережье через юго-западную часть Тихого океана до Сиднея. Австралия должна была стать прифронтовым резервуаром для ведения американцами войны в южной части Тихого океана. Но помешать этому можно было еще только путем дальнейшего выдвижения нынешних японских линий. Это была цель, к которой стремились влиятельные члены генерального штаба Японской империи. Но еще был и Индийский океан, где главной силой все еще являлись англичане. Два полюса, один из которых должна была когда-то выбрать Япония, если речь шла о дальнейшем продвижении.

7 марта англичанам пришлось оставить Рангун, столицу их колонии Бирмы. Японские войска стояли недалеко от индийской границы. Андаманские и Никобарские острова, стратегически очень важные цепочки островов в Бенгальском заливе, спустя две недели тоже уже принадлежали Японии. Цель планировщиков в Токио находилась здесь уже фантастически далеко, по крайней мере, пока англичане отходили от горьких поражений.

Сначала следовало лишить последние британские военно-морские соединения в Индийском океане их передовых баз на Цейлоне. Это должно было облегчить их уничтожение. Тем самым стал бы возможен прыжок в Индию, и наконец – так мечтали верные «Оси» Токио-Берлин японские военные – соединение с войсками Гитлера, где-то в Афганистане или на Суэце. Даже если приоритеты между обоими лежащими так далеко друг от друга театрами военных действий снова и снова смещались, в одном все были едины – в первую очередь следовало еще больше сузить поле игры Америки, пока она не очухалась после неожиданного удара, и ее промышленность не заработала в полную силу. Для этого использовались и психологические методы. Так 23 февраля японская подводная лодка внезапно всплыла у берегов Калифорнии и совершенно спокойно обстреляла из своей палубной пушки Санта-Барбару, пригород Лос-Анджелеса. После Пёрл-Харбора это стало новым шоком для американцев, хотя сам по себе ущерб от обстрела был совсем невелик. Но это означало, что японцы были уже не на отдалении в десять тысяч километров, они были здесь, рядом, на расстоянии пушечного выстрела!

Уже начался апрель 1942 года. Одно японское флотское соединение под командованием адмирала Нагумо действовало в Индийском океане, а другое приближалось к Коралловому морю – так где же противник нанесет следующий решающий удар?

- Ну, ты что, медитируешь?

Лейтон очнулся от своих размышлений, когда Рошфор вернулся, бросил кипу бумаг на пол, сел рядом на корточки и сделал приглашающий жест своему гостю. Без перехода, и не ожидая ответа на свой вопрос, Рошфор разложил морскую карту и показал на отметку восточнее Цейлона.

- Здесь находится Нагумо, человек, который нанес нам в Пёрл-Харборе неожиданный удар, потому что адмирал Киммел тогда не воспринял наши предупреждения достаточно всерьез. Ударная группа, скомплектованная аналогично той, что напала на нас тогда ...

- У вас есть что-то о концепции этой операции?

- Мы взломали их шифр и можем подслушивать приказы. Относительно их стратегической концепции мы сделали анализ, опирающийся на перехват радиодонесений и внутренней радиосвязи различных командных инстанций...

Рошфор порылся в своих бумагах, нашел один листок и прочитал его Лейтону, который уже тоже сел рядом с ним на корточки.

- План, вероятно, исходит от адмирала Ямамото, он часто открыто высказывал идею уничтожения оставшихся сил Англии в Индийском океане. За это говорит и то, что он доверил командование этой ударной группой адмиралу Нагумо. Нагумо – его человек. Вышел 2 апреля мимо Сингапура в Индийский океан. О численности кораблей у нас есть расхождения. Это нельзя определить с абсолютной точностью. Радиообмен происходит без упоминания названий кораблей, мы можем только оценивать косвенные сведения. Но похоже на то, что у них есть приблизительно пять авианосцев, четыре линкора, три крейсера, восемь эсминцев. Некоторые отклонения от этих цифр возможны.

Другое соединение, которым командует адмирал Одзава, после того как оно некоторое время шло вместе с первым, за Сингапуром двинулось своим курсом, в направлении на Калькутту. Также здесь у нас есть только оценки, которые могут незначительно отклоняться. Один авианосец, около шести крейсеров, восемь эсминцев. Эта группа действует в Бенгальском заливе, насколько мы смогли установить, без контакта с Нагумо. Тактической целью Нагумо, вероятно, является Цейлон с его двумя базами – Тринкомали и Коломбо. Оккупация, очевидно, не планируется – войсковых транспортов в составе группы нет.

Нагумо достаточно долго крейсировал вокруг Цейлона. Тот или другой признак заставляет нас предположить, что это соединение должно найти и уничтожить последние имеющиеся в Индийском океане британские военно-морские силы. Это не удалось. У японцев на кораблях нет радиолокаторов. У англичан же, по-

мимо радиолокаторов, есть еще одно преимущество – благодаря нам они знают тактические радиокоды японцев.

А те, в свою очередь, об этом не знают. Похоже на то, что Нагумо как раз заглотнул тот самый крючок, который протянул ему его британский противник адмирал Джеймс Соммервилл. Соммервилл не новичок, он уже достаточно долго воевал с немцами и итальянцами в Средиземном море. Соммервилл уклонился от Нагумо, и при этом японцы не заметили этого маневра. Японцы, вероятно, предположили, что Соммервилл со своим соединением, состоящим из старых лоханок, быстро сбежал от них в безопасное место. И они, похоже, пока удовлетворены этим, потому что они и так не планировали захват острова. Отсюда одни лишь воздушные налеты на обе военных гавани...

- Но почему же Соммервилл уклонился на самом деле? Слабость?

Рошфор на мгновение задумался. Потом он сказал: – У Соммервилла есть четыре авианосца, которые давно пора бы отправить на слом. К ним еще пять старых линкоров, шесть крейсеров и чуть больше полдюжины эсминцев. Это, очевидно, все, что ему смогло предоставить британское Адмиралтейство. Возможно, еще парочка подлодок, это мы не регистрируем так точно. Я думаю, Соммервилл действовал согласно приказу и правильно. Десант Цейлону не угрожает, поэтому было бы безумием подвергнуть это с трудом собранное соединение риску потерь в бою с японцами. Он, кстати, крейсирует где-то в районе Мальдивских островов, где у него тоже есть база. Японцы не продвинулись за Цейлон, хотя они и обогнули остров.

- Это похоже на прощупывание?

- Мы тоже так думаем. Практическая проверка. С фейерверком над Коломбо и Тринкомали, чтобы произвести впечатление. 4 апреля Нагумо отправил бомбить Коломбо три сотни своих самолетов. Больших английских кораблей там не было. Но зато подготовившаяся к приему противовоздушная оборона. Нагумо, вопреки своим ожиданиям, все же потерял там несколько самолетов. Наверное, для него это было маленьким шоком. Он, видимо, рассчитывал застать там спящих аборигенов с ржавыми пушками. Но все равно это был для него успех, потому что он обнаружил два старых и тихоходных крейсера Соммервилла, которые неосторожно сблизилась с ним. Его самолеты атаковали и потопили их. Это были «Дорсетшир» и «Корнуолл». Очень похоже прошло дело и 9 апреля у Тринкомали. Там японцы настигли старый английский авианосец «Гермес». Он затонул. Англичане пока ничего не сообщали о своих потерях, только то, что авианалет был отбит. Это, несомненно, действительно было так, какими бы ни

были потери. Тем не менее, соединение Нагумо стояло перед островом, и никто ему не мешал...

- А Одзава?

- Он в это время крейсировал по Бенгальскому заливу. Блокировал Калькутту и прикрывал Бирму. При этом он еще и потопил торговые суда общим тоннажем свыше ста тысяч тонн, если верить японским сводкам.

- А им стоит верить?

- Процентом на восемьдесят, судя по нашему опыту.

- Хорошо. И теперь обе ударные группы повернули. Просто так. Почему?

- Одзава все еще крейсирует. Повернул обратно Нагумо, который действовал западнее, прямо перед Цейлоном. Мы перехватили радиограмму. Приказ. Без объяснений. Ты хочешь услышать наше предположение?

Когда Лейтон кивнул, Рошфор продолжил: – Мы думаем, что это не тактическое, а стратегическое решение. Оно было принято в Токио. Там нет никакого желания вторгаться в огромную Индию. Японцы ведь до сих пор еще не справились с Китаем. Трезвый расчет. Бирма вместе с Андаманскими островами и Сингапуром образует барьер против британских атак из Индийского океана, барьер, лучше которого и представить себе нельзя. Благодаря ему можно чувствовать себя в безопасности от внезапных английских рейдов в Яванском море и дальше на восток. Там у них только один противник – мы. Конечно, играет роль и то, что благодаря оккупации Бирмы бирманская дорога как путь снабжения Китая может быть перерезана. Тем самым на западном фланге достигнуто достаточно много, тем более, что англичане пока не могут вести наступательные действия, так как они еще слишком слабы.

Но в Тихом океане Японии есть что терять. Из-за Соединенных Штатов, которые не слабы, просто еще в состоянии шока, как хороший боксер после несчастного для него удара противника. Поэтому приоритеты меняются: сначала нужно обеспечить и защитить завоевания в Тихом океане. Так сказать, усилить передовую линию против нас. У нас есть информация, что в Японии думают о перенесении вперед прежних линий экспансии. Прежде всего, для того, чтобы помешать нам превратить Австралию в трамплин для контрнаступления. Новая Гвинея – одна из новых японских целей. Говорят также о Новой Каледонии, о Фиджи.

Это юг. Соответствует их мышлению – обеспечение безопасности путем экспансии. И потом – в центре линии японской экспансии перед Гавайями у нас есть только одна база – Мидуэй. Можно предположить, что на нас однажды нападут там, чтобы занять нас на Гавайях. Японская база на Мидуэе, это будет означать ежедневные бомбардировки Пёрл-Харбора. Самолеты сухопутного базирования. Большая бомбовая нагрузка. Кстати, есть указания на то, что и на севере японцы думают о дальнейшем перенесении вперед своих линий, а именно на Алеутские острова. Там постоянно идет обмен радиogramмами, это привлекло наше внимание. Пока ничего точного, но движение...

Он помолчал пару секунд, взглянул на морскую карту, потом на Лейтона, и сказал в завершение: – И так, мы не господин Бог, и мы можем ошибаться. Но точно известно, что Нагумо движется на Сингапур. Возможно, курс на родину. Все авианосцы и линкоры. Небольшая группа, под командованием адмирала Хары, уже в Яванском море, по пути на юго-восток. Насколько мы поняли из расшифрованных радиogramм, цель – Коралловое море. Если ты меня спросишь, то я скажу, что мы там внизу получим следующий большой удар.

- А потом?

Рошфор пожал плечами. Спустя некоторое время он осторожно сказал: – Мидуэй.

- Но они же уже пытались атаковать его в начале войны и не смогли ничего добиться!

- Тот, кто упал, может встать и попробовать снова, – проворчал Рошфор. – Старое правило игры.

- Ты мне дашь анализы с собой?

- Рошфор протянул ему бумаги. – Там есть парочка исправлений. Это не чисто-вики.

- Не имеет значения, – заметил Лейтон. – Я все равно пересказываю их устно. Что было бы, если бы у нас не было вас, сокровищ из радиоразведки!

Рошфор скорчил рожу. – Пришли лучше нам сюда вниз пару ящиков пива. От одних похвал жажда не проходит.

Лейтон ничего не обещал. Алкоголь на службе был строго запрещен. И хотя проверок не было, все же было бы совсем неблагоприятно демонстративно

нарушить это правило как раз при постоянно думающем о дисциплине адмирале Нимице. Каким бы терпимым ни был этот тихий техасец с саркастическим юмором по отношению к людям, которые что-то накуролесили в свободное от службы время, но он точно следил за выполнением уставов, и их нарушение могло бы вызвать его гнев.

После того как Лейтон встал с пола и уже готов был двинуться к двери, он заинтересовался: – Ну, так ты придешь на луау?

Рошфор сказал только: – Будет зависеть от того, найду ли я еще чистую рубашку. Шеф запретил нам нанимать аборигенку, чтобы стирать белье, а темпы прачечной на базе ты знаешь не хуже меня, правда?

Лейтон действительно это знал, и он отказался от дальнейших пояснений. Он на прощание пожал руку Рошфору, понимая, что разговаривал с человеком, который как никто другой мог делать свои пророчества на основе глубоких знаний о противнике. Теперь нужно было убедить осторожного, много раз взвешивавшего все свои решения Нимица в том, что группа «Нуро» права.

Нимиц, главнокомандующий Тихоокеанским флотом, внимательно выслушал доклад Лейтона. Нимиц хорошо знал об ошибке Киммела, который грубо недооценил результаты своей разведки перед нападением японцев на Пёрл-Харбор. Нимиц не особо любил этих людей из подвала его штаба. Они были слишком штатскими для этого, только надевшими форму, чтобы не сильно отличаться от прочего личного состава штаба.

Тем не менее, он был достаточно умен, чтобы внимательно относиться к их анализу. Он понимал то огромное преимущество, что у него в распоряжении была структура, которая могла перехватывать и расшифровывать весь радиообмен противника, и поэтому постоянно знала о тактических распоряжениях японцев, о чем те даже и не догадывались. Адмирал за это время уже узнал от авиаразведки, что она тоже установила движения японского флота, указывавшие на перенос им основных усилий в южную часть Тихого океана. Это могло быть и обманным трюком, особенно с учетом того, что Гавайи, как и прежде, представляли собой основную опасность для операций японского флота. Противник все время высказывал мысль, что было бы чрезвычайно выгодно захватить Мидуэй, остров, лежащий примерно в двух с половиной тысячах километров от Гавайев, и оттуда с помощью налетов бомбардировщиков сухопутного базирования постоянно парализовать оперативные возможности самой важной американской базы в средней части Тихого океана. Нимиц некоторое время назад уже настойчиво предупреждал Вашингтон об этой опасности, уже началась подготовка к усилению оборонительных сооружений Мидуэя, и, кроме того, в состоянии го-

товности держались корабли, которые могли бы быть использованы в качестве оперативного резерва.

Анализ причин японских действий в Индийском океане и их прекращения, сделанный «Нуро», убедил Нимица. Там было и предсказание надвигающейся опасности в Коралловом море. Когда его беседа с Лейтоном дошла до возможности того, что японцы атакуют Алеутские острова и используют их как базу для дальнейшего наступления на Аляску, интерес Нимица снизился. Даже если они там действительно атакуют, то их успех будет ограниченным. Было известно, что у японцев практически нет войск, способных для ведения подвижных боевых действий в условиях очень сильных морозов. А если такие части и были, то они скованы в Маньчжурии, на границе с Сибирью. Нет, основная проблема лежала в центре и на юге. Если исходить из мнения аналитиков, то японского наступления следовало ожидать на юге.

- Я согласен с этим взглядом, – подвел итог Нимиц, – и я приму свои решения.

Потом он удалился для обсуждения со своими штабными офицерами. Лейтон, который больше не был здесь нужен, стал хлопотать о гавайской вечеринке с грилем этим вечером. У флота были светские обязанности, и они не должны были страдать из-за войны. Нимиц мог прийти, дамы могли присутствовать. Значит, надо было позаботиться о том, чтобы флот показал себя с самой лучшей стороны. Когда стемнело, близ Калауеа-Пойнт вспыхнуло несколько цветных огней, вопреки все еще действующему во всех остальных случаях порядку светомаскировки. Береговая охрана была предупреждена и внимательно следила за морем на случай появления вражеских подлодок, для которых эти огоньки могли послужить приманкой. Но можно было быть почти уверенным в том, что в данный момент вокруг Гонолулу не было японских подводных лодок. Их «охотничьи угодья» лежали южнее в Тихом океане, там, где американские конвои шли с Западного побережья в направлении Австралии, до упора набитые боеприпасами, пушками, продуктами и оснащением для полевых госпиталей, аэродромов и авторемонтных мастерских.

Никто не мог сомневаться в том, что именно оттуда, из южной части Тихого океана, начнется американское контрнаступление против растянутых линий японцев. Но когда именно, это было еще неизвестно. Но оно должно было начаться, и японцы тоже догадывались об этом, поэтому они не случайно планировали спровоцировать первую битву с американским флотом в Коралловом море.

Джо Рошфор все же смог найти еще чистую рубашку, цветную, с пальмами и девушками-мулатками. Именно в ней он и пришел на гавайскую вечеринку в Калауеа-Пойнт. Стройные длинноволосые девицы на его рубашке представляли

собой странный контраст с дамами, которые пришли сюда с офицерами штаба, бледными, с некрасивыми фигурами, почти без исключения с шестимесячными завивками, что было связано с новым дешевым парикмахерским салоном возле офицерского клуба.

Рошфор удовлетворился парочкой говяжьих сосисок. На яму с жарящейся там свининой он бросил лишь короткий взгляд. Вместо этого он остановился там, где наливали пиво. Поэтому он уже был подвыпившим, когда оркестр внезапно заиграл марш «Stars and Stripes Forever», что означало, что на вечеринку пришел адмирал Нимиц. Но заметил он это лишь тогда, когда адъютант адмирала появился перед ним и сказал, что он должен подойти к адмиралу.

- Боже мой, – пробормотал он испуганно, потому что он совсем не рассчитывал здесь на такую встречу. И он обратился к адъютанту с совсем невоенной просьбой – Дружище, постарайся сделать так, чтобы я не упал. Стой за мной!

В конце концов, адмирал проявил себя понимающим человеком, да и Рошфор не был настолько пьян, чтобы ему требовалась подпорка. Нимиц хорошо понимал, что с этими «яйцеголовыми» из службы радиоперехвата, которые были в своем роде уникальными специалистами, нельзя было управляться с помощью дисциплинарных наказаний. Поэтому он сначала спросил Рошфора, нормальное ли пиво, и когда тот ответил положительно, похвалил его за его анализ. Рошфору удалось стоять в некоторой степени прямо. Он даже поблагодарил адмирала понятными словами.

- На ближайшее будущее я приказываю вам круглые сутки быть чертовски внимательными, – сказал адмирал. – В ближайшие недели у нас будет очень много работы. Сможем ли мы продержаться, пока наберемся сил для ответного удара, это очень сильно зависит от вашего подразделения, командер.

- Слушаюсь, сэр, – ответил Рошфор. – Быть чертовски внимательными круглые сутки.

Кто-то сунул ему в руку бокал шампанского, и ему пришлось чокнуться с Нимицем. Он проглотил шампанское без удовольствия, и потом его отпустили. Адъютант снова привел его туда, где разливали пиво. Здесь Рошфор смыл остаток вкуса шампанского во рту последним глотком ячменного напитка, после чего двинулся назад в свой подвал, и в том же виде, в котором он был, повалился в кресло с подголовником, где уже очень скоро громко захрапел.

Бомбы на Токио

Президент Франклин Рузвельт уже через час после события узнал о том, что произошло 23 февраля 1942 года близ калифорнийского побережья. Он, молча с серьезным выражением лица, выслушал сообщение о том, что среди бела дня японская подлодка несколько минут обстреливала из своей пушки Санта-Барбару. Пусть даже о физическом ущербе не стоило и говорить, но ведь у этого дела был еще и совсем другой аспект, который доставил Рузвельту куда больше головной боли. Впервые в истории континентальная часть США подверглась обстрелу со стороны иностранной державы. И это поколебало твердо укоренившуюся в народе веру в собственную безопасность и неуязвимость. А этот народ хоть и был готов, в конце концов, участвовать в войнах, но не в таких условиях, когда могли пострадать его собственный дом и домашний очаг.

Мысль об этом пугала; распространялось ужасное видение: родная земля, оккупированная маленькими желтокожими японцами. Это снова выдвинуло на передний план не только изоляционистов, которые всегда выступали против участия Америки в нынешней войне, но и патриотов всех мастей, от размахивающей флажком тетушки, любительницы поболтать за чашкой кофе, до уважаемого гуманиста. К этому добавлялись требования отмщения, простое проявление непреодолимой в этой стране с самого ее создания склонности к кулачному праву. Дискуссия началась уже на следующий день, во всех газетах, вплоть до Восточного побережья. Фотографии показывали каждую воронку от снаряда, мельчайшие повреждения были перечислены, так что у людей могло сложиться мнение, что здесь произошло что-то ужасное. Вершиной всего стал риторический вопрос, не смирились ли Соединенные Штаты, для которых Пёрл-Харбор уже стал национальным шоком, с тем, что проклятым япошкам хватило наглости обстрелять калифорнийское побережье. Что теперь должно было произойти? Если не отомстить, не случится ли так, что наглость подданных императора Хирохито уже ни перед чем не остановится?

Рузвельт ждал не больше двух дней, пока появятся воскресные газеты, в которых это событие было бы раскрыто еще громче. Он тут же вызвал к себе адмирала Эрнеста Дж. Кинга, главнокомандующего военно-морскими силами и прямо спросил его, что он думает предпринять против японских набегов такого рода.

Кинг проронил пару замечаний о береговой охране, которая здесь очевидно проворонила противника, но у него не было других готовых предложений кроме усиления бдительности на побережье. Рузвельт не был этим удовлетворен. Общественное мнение кипело. Поэтому оскорбленную национальную гордость США нужно было снова отполировать с помощью акции возмездия, иначе рас-

пространятся недовольство, уныние и безнадежность, не самые лучшие предпосылки для усилий, которые должна была приложить Америка, пока она будет готова к решительному контрудару. Поэтому Рузвельт неожиданно задал озадаченному главному ВМС вопрос – Можем ли мы в качестве мести разбомбить Токио?

Кинг долго молчал, пока задумчиво не покачал головой и не обратил внимание Рузвельта на то, как далеко находятся от японской метрополии американские авианосцы. Но Рузвельт так легко не сдавался.

- У нас же есть авианосцы, адмирал!

- Мистер президент, с авианосцев взлетают самолеты с небольшой бомбовой нагрузкой. Одноmotorные машины. В основном это истребители, у них даже вообще нет приспособлений для подвешивания бомб. Кроме того, их радиус полета невелик. Нам пришлось бы подойти к Японии на опасную близость, чтобы при этом нанести ей всего лишь пару булавочных уколов. На большие действия наши самолеты авианосной авиации не способны, они сконструированы для того, чтобы атаковать корабли противника...

- Значит, японцы способны наносить внезапные удары, адмирал? Они могут обстреливать Калифорнию? Могут появляться перед Цейлоном и бомбить два военных порта?

- На Цейлоне их успех был очень невелик, сэр!

Рузвельт грубовато махнул рукой. Он не любил отговорок.

- Я просил вас зайти ко мне, адмирал, чтобы услышать что-то о возможной акции против Токио. Демонстративной акции, которой мы показали бы всему миру, что не только наша воля к борьбе не сломлена, но и наша способность наносить болезненные удары...

- Эту способность мы отнюдь не утратили, мистер президент, – пытался перейти на примирительную позицию Кинг.

Рузвельт тут же усилил свой напор. – Тогда просветите меня о нашем шансе сделать что-то демонстративное, что вернуло бы этой нации уверенность в себе!

Кинг понял, что он уже больше не сможет увернуться. Его загнали в угол, и ему не хватало духа ответить на требование президента четким «нет», хотя это тре-

бование звучало совершенно фантастически. В конце концов, он пообещал немедленно проверить поступившее к нему предложение об использовании с авианосцев самолетов с большей полезной нагрузкой и радиусом действия. Рузвельт дал ему на это два месяца. Но Кингу, как вскоре оказалось, даже не потребовалось столько времени.

Недавно специалисты ВВС предложили ему поэкспериментировать с взлетом с авианосцев двухмоторных бомбардировщиков В-25. Вместе с предложением они передали ему расчеты, согласно которым после некоторого переоборудования и различных мер безопасности стало бы возможно использовать эти двухмоторные бомбардировщики с моря против наземных целей. Кинг посоветовался со специалистами флота, но те считали, что этот способ является малообещающим, хотя они и не утверждали, что то, что предлагали ВВС, было вообще невозможно. Документация по этому вопросу лежала в сейфе военно-морского министерства. Сейчас, похоже, наступил момент извлечь ее оттуда и реализовать – возможно, не только для одной этой операции, которую хотел президент.

Еще в тот же день Кинг дал сигнал начать эксперимент. Он приказал отобрать во всех бомбардировочных эскадрильях добровольцев для этой тайной миссии. Когда было набрано восемьдесят пилотов, радистов и бортовых стрелков, началась тренировка во Флориде на еще сравнительно новых бомбардировщиках В-25, в которых по предложению специалистов были установлены дополнительные топливные баки и сняты определенные детали бронирования, чтобы увеличить бомбовую нагрузку и уменьшить длину разбега при взлете. Одновременно «Хорнет», один из новых авианосцев, оснащался специальными устройствами для взлета В-25, и когда пилоты во Флориде научились летать на этих бомбардировщиках, началась тренировка на авианосце вблизи калифорнийских берегов. Экипажи все еще точно не знали, к чему их готовят. Они постоянно взлетали с палубы «Хорнета», сбрасывали над целью в пустыне макеты бомб и потом приземлялись на одном калифорнийском аэродроме, откуда их самолеты – в разобранном виде – снова доставляли на «Хорнет» для следующего вылета. На авианосце самолеты снова собирали и заново проводили тренировку.

Летчики еще не знали, что за это время в специальном штабе уже был определен курс «Хорнета» и место, откуда с него должны были стартовать бомбардировщики. Известна была и цель, карты которой были размножены для каждого пилота. Но самая трудная задача была у переговорщиков, которые находились в Чунцине, временной столице Китайской республики, возглавляемой Чан Кайши, неоккупированной японцами части Китая. Эти люди должны были провести переговоры с «генералиссимусом», и он, вероятно, был первым, который в общих чертах узнал о том, чему предстояло здесь произойти.

Ему, несколько неуступчивому и постоянно кичащемуся своими сверхдостижениями союзнику, сообщили, что группа американских бомбардировщиков взлетит с некоего секретного аэродрома в Тихом океане, сбросит бомбы над Токио, и потом полетит дальше в направлении Китая, потому что запаса топлива им не хватит для возвращения к месту взлета. Поэтому «генералиссимус» Чан Кайши должен был определить за прибрежными территориями Китая, которые почти полностью были оккупированы японцами, на землях, контролируемых Гоминьданом, несколько посадочных площадок, на которые могли бы приземлиться эти самолеты. Даже после дозаправки там возвращение было по техническим причинам, вероятно, невозможно, потому самолеты и экипажи после операции должны были остаться в Китае и продолжить воевать там.

Именно последнее, похоже, больше всего понравилось «генералиссимусу» во всем этом деле. Он дал свое согласие и уже скоро на картах переговорщиков были отмечены места, куда должны были лететь самолеты. Переговорщики полетели назад в Америку и доложили Кингу обо всем. Тот был доволен. Когда март близился к концу, все необходимые приготовления к операции были завершены, и Кинг доложил президенту, что через двадцать дней шестнадцать модифицированных бомбардировщиков В-25 стартуют с «Хорнета», отбомбятся над Токио и полетят дальше, чтобы приземлиться в Китае. Кинг также сообщил президенту, что операцией будет командовать адмирал Уильям Ф. Хэлси, опытный командир. С Гавайев выйдет еще один авианосец, «Энтерпрайз», который присоединится к Хэлси, чтобы обеспечить истребительное прикрытие. Его будут сопровождать четыре крейсера и несколько эсминцев, а также два танкера, что должно будет защитить операцию от неприятных сюрпризов. Командиром группы бомбардировщиков был выбран подполковник Джеймс Г. Дулиттл, сам летчик бомбардировочной авиации, а по профессии авиаинженер, опытный и известный своим мужеством человек.

Рузвельт, ожидавший многого от этой операции, приказал кораблю немедленно выйти в море. Экипажам он передал свои личные пожелания успеха в выполнении этого трудного задания и выразил надежду на то, что они все живыми и здоровыми долетят до Китая. Так 1 апреля 1942 года на «Хорнете», который уже находился в гавани Сан-Франциско, засвистели боцманские дудки, были подняты флаги, и плавание началось. Экипажам бомбардировщиков предстояло провести три недели в открытом море. Они устроились в своих каютах, получали превосходное питание в корабельной столовой, и проводили время в корабельном кинотеатре и за играми в покер и домино.

В Токио в это время царил победное настроение. Когда война началась с удара по Пёрл-Харбору, японские стратеги были едины во мнении, что для захвата важнейших позиций в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане – которые удерживались

живаются сегодня – потребуется около полугода. Но оказалось, что успех был в кармане уже по прошествии половины этого времени. Теперь японцы рассчитывали на то, что большие поступления сырья и военных материалов, которые можно было получать из захваченных богатых областей Юго-Восточной Азии, начнутся уже меньше чем через шесть месяцев.

Это, вероятно, решило бы самую большую проблему бедной сырьем Японии и означало достижение одной из важнейших целей войны. До сего момента потери японских вооруженных сил были в сравнении с достигнутыми результатами весьма невелики. Официально была признана гибель пяти тысяч человек. Потери самолетов составляли около 850 машин, а на море хотя и были потеряны 23 корабля, но это были преимущественно малые корабли, самым большим из них был один эсминец.

Между военными разных видов вооруженных сил в последнее время происходили долгие дискуссии о том, что нужно делать дальше. Япония достигла границ экспансии, определенных в секретных военных планах. Поэтому напрашивалась мысль, сначала навести порядок в захваченных землях, сделать перерыв, чтобы в определенной степени переварить плоды внезапного нападения. Это представлялось логичным. Однако было достаточно и голосов, настаивавших на дальнейшем военном продвижении, пока противник еще не полностью пришел в себя. Так можно было еще дальше сдвинуть границы оккупированных Японией территорий и помешать американским приготовлениям к контрнаступлению еще на самой начальной их стадии.

Многие влиятельные японские военные выступали за такой подход, к которому в перспективе относились блокада Австралии и нарушение линий снабжения из США в Австралию, а также захват Мидуэя, острова к северо-западу от Гавайев, по возможности вместе с уничтожением спешащего туда американского флота, вследствие чего, в свою очередь, приближалась возможность захвата Гавайев. К этому добавлялось создание нового театра военных действий на Алеутских островах, что должно было связать американские силы, так как речь там для них шла бы о защите Аляски. То, что Японская империя с такой программой ужасно переоценивала свои возможности, большинство опьяненных победой военных в Токио не замечало.

Так с планированием австралийской операции сначала в поле зрения попали острова Фиджи, Самоа, Новая Каледония, а прежде всего Порт-Морсби, находящийся на юго-западном кончике Новой Гвинеи. Оттуда японские бомбардировщики сухопутного базирования могли бы в любое время совершать налеты на цели в Австралии. Тогда пятый континент утратил бы свое значение опорной

базы для американского контрнаступления, он сам подвергся бы опасности оккупации.

Шансы японцев, казалось, были благоприятными. В Индийском океане адмирал Нагумо по его собственным данным потерял только пять пикирующих бомбардировщиков и шесть истребителей. Ни один из его кораблей не был поврежден. И он, как считали в Токио, поверг англичан в состояние ужасного шока, когда внезапно появился перед Коломбо. Они убежали, а это доказывало их слабость. Как выяснилось позднее, это был очень поспешный вывод. Но задание Нагумо в Индийском океане посчитали выполненным и приказали ему возвращаться. В Токио приняли решение нанести следующий удар в Коралловом море, после чего у Мидуэя американский флот должен был быть разбит в решающем морском сражении. После этого путь к захвату Гавайских островов был бы свободен, и в недалеком будущем могло бы наступить окончание американского присутствия в Тихом океане вообще.

Сначала нужно было захватить Порт-Морсби в Новой Гвинее. Затем следовало оккупировать Тулаги, маленький остров в южной цепи Соломоновых островов, очень выгодно разместившийся между Гуадалканалом и Малаитой. Только тогда можно было бы уже располагать важными плацдармами для нанесения ударов в направлении Австралии. Они находились ближе и удобнее, чем, например, Рабаул в Новой Британии или Трук, бастион на Каролинских островах.

Пока Наумо со своим соединением уходил из Индийского океана, в Рабауле и Труке уже собирались соединения войсковых транспортов. Соединенные Штаты располагали одной оперативной группой, которая могла достигнуть Кораллового моря в самый короткий срок: один авианосец «Лексингтон», четыре тяжелых крейсера и десять эсминцев. Другое соединение для подкрепления уже было в пути. В него входили авианосец «Йорктаун», два крейсера и шесть эсминцев. И потом в южной части Тихого океана еще был австралийский тяжелый крейсер «Австралия», который с двумя американскими крейсерами находился под командованием британского контр-адмирала Джона («Джека») Крэйса. Всем им угрожали не только надводные силы противника, но и японские подлодки, действовавшие в этом районе. Радиолокаторы, которыми союзники, в отличие от японских кораблей, располагали, могли предотвратить наихудшее, они видели противника раньше, чем тот мог найти их.

Американские вооруженные силы в общих чертах знали о планах японцев. А японские стратеги понимали, что американский флот попытается помешать действиям императорских войск. Поэтому уже сравнительно рано вырисовалось, что южнее Соломоновых островов и Новой Гвинее, в Коралловом море, должно произойти столкновение, исход которого может стать весьма важным для буду-

щего. Но до этого пока не дошло. «Хорнет» все еще шел из Сан-Франциско в сторону Японских островов, пока еще необнаруженный, и экипажи бомбардировщиков, дремавшие в своих каютах, подбадривали друг друга перед предстоящей им необычной операцией.

Собственно, шестнадцать бомбардировщиков должны были взлетать с «Хорнета» только тогда, когда корабль пришел бы в точку примерно в восьмистах километрах к востоку от Японии. Но – как это часто бывает – случай привел к другому развитию событий. В первые утренние часы 18 апреля операторы радаров на «Хорнете» забили тревогу. На своих экранах они обнаружили два корабля, идущих навстречу их оперативной группе. «Нэшвилл», один из крейсеров сопровождения под командованием контр-адмирала Спрюэнса, получил приказ пойти навстречу неизвестным – однозначно японским – кораблям и уничтожить их. Но оба «японца», внезапно оказавшиеся втянутыми в бой с американским крейсером, еще успели передать домой по радио сообщение о присутствии иностранных кораблей в этом районе, еще до того, как «Нэшвиллу» удалось потопить артиллерийским огнем хотя бы один из двух сторожевиков береговой охраны, «Карита Мару». Другой однотипный корабль успел сбежать. Как выяснилось позднее, предупреждение хоть и было принято в Японии, но ему не придали должного значения.

Адмирал Хэлси, когда «Нэшвилл» еще стрелял, появился на мостике «Хорнета». Его командир, Марк Митчер, опытный мореход, хорошо знавший многие моря, человек с морщинистым обветренным лицом, который на службе обычно носил бейсбольную кепку, покачал головой и показал на часы. Два часа после полуночи. Потом он лаконично сообщил Хэлси, что взлетевшие с «Энтерпрайза» самолеты узнали, что на небольшом расстоянии находится множество маленьких японских судов.

- Что же делать? – адмирал повернулся к командиру. – Эти ребята могут натравить на нас японский флот.

- Могут, могут, – подтвердил Митчер, потом он предложил сместить курс на пару румбов. Когда адмирал согласился, он отдал приказ. Но он знал, что одно это еще не могло дать гарантии того, что их небольшое соединение не подвергнется атаке. С началом дня следовало считаться с появлением японских самолетов-разведчиков. Это были воды, в которых японцы были как у себя дома, и они могли за несколько часов стянуть сюда свои силы. Поэтому он предложил адмиралу, который командовал операцией, начать ее раньше.

- Пусть самолеты взлетят сразу на рассвете, – посоветовал он. – Когда они будут в воздухе, мы можем лечь на курс, который японцы так быстро не обнару-

жат. И даже если они нас увидят, у нас тогда бомбардировщики будут уже в воздухе, на пути к цели, и они смогут выполнить свое задание, пока мы тут будем биться с японцами.

Хэлси задумался. То, что предлагал старый вояка Митчер, было логично. Но была одна проблема. В момент восхода солнца американцы все еще находились бы на расстоянии свыше тысячи километров от Токио. Это было больше, чем планировалось, и из-за более длинного пути подлета к цели уменьшалось расстояние, которое самолеты могли бы еще пролететь уже после бомбардировки, пока у них не кончится горючее. Больше, чем достаточные 4000 километров B-25 все равно не смогли бы пролететь назад. Взгляд на карту показал адмиралу, что если они взлетят так, как предлагает Митчер, то они еще только едва-едва смогут дотянуть до контролируемой китайцами территории. Но в любом случае не все смогут приземлиться на предложенных посадочных площадках; нужно было предусмотреть и аварийные посадки. Митчер пожал плечами и напомнил о том, что их главная цель – бомбежка Токио, а не сохранность самолетов. У Хэлси было мало времени для раздумий, потому он быстро принял решение.

- Рискнем! Мы должны рискнуть, потому что есть опасность, что японцы уничтожат самолеты еще до взлета или собьют их во время набора высоты.

Митчер почувствовал облегчение. Он в любом случае почувствовал бы себя лучше, когда громоздкие бомбардировщики с их опасным грузом, наконец, взлетят и уберутся с палубы «Хорнета».

По корабельному телефону он вызвал на мостик подполковника Дулиттла. Дулиттл был выходцем из калифорнийской авиапромышленности и сыграл важную роль в переделке, оснащении и проведении тестовых полетов B-25. По его указаниям с самолетов сняли все, что предположительно могло не понадобиться в этом полете. Так сэкономили вес для дополнительного топлива и увеличения бомбовой нагрузки. Даже 12,7-мм пулеметы на задних турелях, предназначенные для обороны от вражеских истребителей, были на большинстве самолетов сняты.

Теперь, когда Дулиттл выслушал Хэлси, он задумался лишь на короткое время. Ситуация была ясна. Когда самолеты уже будут в воздухе, уклониться от противника будет легче, чем сейчас. Он подошел к карте и измерил расстояния. Наконец, он взглянул на адмирала и сказал: – Я согласен с взлетом на восходе солнца, сэр!

Это означало, что к приготовлениям нужно было приступить незамедлительно. Хэлси отдал соответствующий приказ. Поднятые на палубу самолеты быстро

подвигали в сторону, чтобы взлетная полоса освободилась. В люки еще быстро залили по паре канистр бензина, потом началась подготовка к взлету.

Митчер переживал из-за слишком сильного волнения на море и меняющегося ветра. Он положился на определенное успокоение, которое нередко происходит на море по утрам, если только речь не шла как раз об усиливающемся штормовом циклоне. С восходом солнца механики еще раз проверили правильность настройки взрывателей, потом экипажи залезли в свои машины. Через час после восхода наступило время взлета. Погода лишь очень незначительно улучшилась, но Дулиттла это не беспокоило, доложил он Хэлси. Тот похлопал его по плечу и пожелал удачной посадки. О попаданиях в цель в Токио он больше не говорил, потому что и так все были согласны с тем, что эта операция проводится больше ради психологического воздействия, чем ради поражения определенных целей.

Солнце уже на одну ладонь поднялось над горизонтом, когда последняя из шестнадцати машин, подпрыгивая, поднялась с палубы «Хорнета», немного опустилась вниз, а потом со всей мощностью моторов взлетела вверх. Все взлеты произошли без инцидентов, хотя некоторые из бомбардировщиков, оторвавшись от палубы, так сильно опустились вниз, что их обрызгали волны, пока летчикам, наконец, удалось набрать высоту. Так техника, которая была придумана, оказалась, в конечном счете, пригодной.

Дулиттл во главе своей группы летел западным курсом. Он должен был с двенадцатью другими самолетами атаковать Токио и Йокогаму, оставшиеся три машины должны были у японского побережья полететь своим путем; их целями были Осака, Кобе и Нагоя – все три важные военно-морские базы.

Около полудня в Токио прозвучал один из сигналов учебной воздушной тревоги, целью которой было приучить население к мероприятиям противовоздушной обороны. Японские самолеты на малой высоте прожужжали над столицей, после того как сирены загнали жителей в убежища. Потом зенитные пушки дали несколько выстрелов холостыми, и был объявлен отбой. Люди на улицах болтали о только что пережитом, когда появилось еще несколько самолетов на большой высоте. Но они, казалось, не имели никакого отношения к учениям. Возможно, они просто опоздали. Во всяком случае, они летели, видимые только как точки на ясном небе, своей дорогой, как будто они не имели отношения к тому, что только что происходило. Только сирены внезапно снова завывали.

Люди растерянно смотрели в небо. Это что, продолжались учения? Такая же растерянность царила в этот решающий момент и в японской ПВО. Там размышляли, не произошло ли недоразумение, не был ли включен дополнительный ва-

риант учений. Предполагали все, что угодно, только не то, что это были американские самолеты, которые приближались на большой высоте разомкнутым строем. Поэтому слишком долго не было тревоги ни у зенитной артиллерии, ни у дислоцированных вокруг Токио истребительных эскадрилий. Невероятность того, что это может быть противник, перевесила все другие соображения.

Командование противовоздушной обороны звонило в штаб ВВС с вопросом, продолжают ли еще учения. Командный пункт зенитной артиллерии интересовался, нужно ли стрелять картушными зарядами. А командир истребительной авиации в районе Токио пытался добиться согласования полетов в воздушном пространстве столицы. Этот хаос приобрел опасный акцент, когда взорвались первые бомбы. Только тогда Токио действительно очнулся и понял, что он стал уязвим для войны, которую он сам и начал. Сильный шок!

Беспорядочно начала стрелять зенитная артиллерия. Где-то поднимались истребители, кружились на высоте, искали врага. Ущерб на земле был невелик. Жертвами бомб стали пара казарм, склад с военным имуществом. Возле доков были взрывы, от которых погибли преимущественно гражданские лица – но и здесь, как и в случае с обстрелом японцами калифорнийского побережья, больше всего преобладал страх. Теперь японцы не могли чувствовать себя в безопасности, до них добрались, противник был здесь, и следовало ожидать еще больше таких дней как этот.

В-25, сбросив бомбы, взяли курс на юго-запад и постарались как можно быстрее набрать высоту. Тем не менее, два бомбардировщика стали жертвами истребителей.

Экипажи обоих сбитых самолетов были взяты в плен и приговорены к смерти, так как их обвинили в том, что они своими бомбами убили гражданских лиц. Нескольким публично отрубили голову, от чего японское правительство, вероятно, ожидало смягчения шока, вызванного этим воздушным налетом, а также, возможно, удовлетворения чувства мести.

Один из В-25 из-за ошибки штурмана отклонился очень далеко на северо-восток и на последней капле топлива еще смог сесть на аэродроме Владивостока. Все остальные самолеты были потеряны над Китаем. Они не нашли предусмотренные посадочные площадки или не смогли долететь до них из-за нехватки топлива, поэтому совершили аварийные посадки на территории, контролируемой Гомиьнданом, что обеспечило им выживание. Некоторые экипажи, когда топливо подошло к концу, и они были уже уверены, что находятся над территорией, контролируемой Гомиьнданом, решили оставить самолеты, и выпрыгнули с парашютом. Среди них был и подполковник Дулиттл, переживший этот досто-

примечательный рейд. Позднее летчики обходными путями вернулись в Америку.

В Токио прилагали все усилия, чтобы приуменьшить значение налета. Постоянно говорилось о небольшом ущербе, нанесенном бомбардировкой. Японские власти этим пытались отвлечь внимание от главного аспекта, а именно от уже вырисовывающейся перспективы того, что развязанная Японией война шаг за шагом вернется к ней назад. Пока об этом не разрешалось говорить. «Токийская Роза», выросшая в США японка, диктор направленных на американских солдат пропагандистских передач Токийского радио, которая прекрасно знала не только язык, но и сленг американских военных, каждый день зачитывала подробные сообщения о приговорах и казнях американских летчиков. Но японские пропагандисты были уже настолько сами убеждены в правильности своих аргументов, что они не осознавали, что как раз такие сообщения еще больше усиливали сопротивление против Японии.

В США отказались от того, чтобы особо оплакивать судьбу казненных, хотя о ней и упоминали надлежащим образом. Все внимание преимущественно направляли на всю эту окутанную тайной миссию, которая впервые показала Японии, что ее час приближается. От одного побережья Америки до другого газеты и радиостанции провозглашали, что время, когда агрессивная Япония с безопасной дистанции могла наносить удары по позициям США, прошло. С этой поры сам агрессор, его страна, станут мишенью для контрударов союзников.

Массивная пропаганда оказала нужное воздействие, она во многом способствовала усилению пошатнувшейся уверенности Америки в себе. Нью-йоркские газеты вышли с большими заголовками на первых страницах: «Doolittle has done it!» («Дулиттл сделал это!»). О технических проблемах в связи с рейдом ничего не говорилось, поскольку и для японцев все еще было загадкой, как противнику удалось совершить налет на такое расстояние на тяжелых бомбардировщиках сухопутного базирования. Там ломали голову над техническими вопросами, потому что взлет двухмоторных В-25, сравнительно тяжелых самолетов, с авианосца просто считался невозможным. Америка сначала не предоставляла никаких подробностей. Вместо этого запустили слух, что бомбардировщики взлетели с какой-то таинственной базы под кодовым наименованием «Шангри-Ла» и будут это делать и в будущем.

Но дальнейшие операции такого рода пока не планировались. Американская стратегия в общих чертах придерживалась своей старой концепции – поддерживать Китай и по возможности мешать дальнейшему продвижению далеко продвинувшихся передовых линий Японии на Тихом океане. Гавайские острова, как и лежащий дальше на северо-запад от них Мидуэй, были самыми важными

позициями США в центральной части Тихого океана. На юге самой важной задачей США было по возможности предотвратить захват японцами дальнейших островов, пока Австралию преобразовывали в самую важную опорную базу, концентрируя там войска и вооружение, которое морским путем доставлялось с Западного побережья США. Когда необходимая для наступления сила будет достигнута, предстояло систематически захватывать японские островные базы в южной части Тихого океана, пока не будут достигнуты острова Нидерландской Ост-Индии, Филиппины, после чего тогда последней и решающей целью стали бы сами Японские острова.

Длинный, трудный путь предстоял американским вооруженным силам, и об этом у них было ясное представление. И их успех в существенной степени зависел от того, чтобы опасность не угрожала двум угловым опорам этого протянувшегося больше чем на семь тысяч километров фронта: Мидуэю и Австралии. Обоим можно было угрожать с моря и с воздуха. Чтобы атаковать Мидуэй, потребовалась бы морская операция японцев. Опасность для Австралии состояла в том, что – как уже было доказано первым воздушным налетом на порт Дарвин в феврале – опасность приходила из воздуха, сначала, во всяком случае. Если японцы смогут захватить Порт-Морсби на Новой Гвинее, то он станет опорным пунктом для нападения на Австралию, опасность которого не стоило недооценивать. Но какой будет первая цель японцев?

Адмирал Нимиц, который в Пёрл-Харборе ждал оперативную авианосную группу Хэлси с «Хорнетом» и «Энтерпрайзом», обоими авианосцами, был осторожным человеком. Он учитывал возможность близкого удара японских сил флота по Мидуэю. Но его разведка пока постоянно передавала ему новые сведения, согласно которым японцы на своих базах на Соломоновых островах, в Новой Британии и Новой Ирландии готовились к скачку в Порт-Морсби и в Коралловое море.

Начало в Коралловом море

Старшина Джо Мартинелли, главный радист на американском авианосце «Йорктаун», движущемся по Соломонову морю, был одним из первых, кто догадался о том, что предстояло их кораблю. Он получил радиограмму с приказом об изменении курса. Маленький, жилистый радист из Нью-Йорка, предки которого два поколения назад иммигрировали в США из Италии, за годы службы на флоте научился составлять из различных признаков общее представление о всяких вещах еще до того, как о них начинали говорить. Корабль получил приказ полным ходом идти на юг. «Йорктаун» с февраля находился в огромном морском пространстве к северу от Австралии. Здесь было мало крупных кораб-

лей противника, лишь подводные лодки, которые должны были угрожать морскому маршруту из США в Австралию.

Безусловным признаком того, что скоро должен был наступить конец их сравнительно спокойного крейсирования, было для Мартинелли то обстоятельство, что телеграмма была зашифрована, причем лишь недавно обновленным оперативным шифром, который, как говорили, было сложно взломать. Лицо шифровальщика, после того, как он расшифровал сообщение, более чем отчетливо сообщило Мартинелли, что предстояло что-то неприятное. И потом ему пришлось несколько позже отправлять зашифрованную радиограмму на «Лексингтон», тоже авианосец. Офицеры долго совещались, склонившись над морскими картами, прежде чем текст был готов. Они измеряли расстояния и рассчитывали их соотношение со скоростью корабля, это указывало на договоренность о месте встречи в море. Итак, готовилась какая-то большая акция. В противном случае каждый корабль выполнял бы свои собственные задания со своим сопровождением...

Южный Тихий океан. Для Мартинелли это всегда было преимущественно спокойное, синее море, над ним ослепительное солнце. Жара, которую он любил. Идиллические пальмовые острова с темнокожими жителями. В этом отношении он был доволен тем, что служит здесь. Только дальше наверху на севере слишком многие острова были заняты японцами и превращены ими в военные базы, и на них были уже не приветливые смуглые аборигенки, а маленькие солдаты Тэнно, готовые к прыжку.

В южной части Тихого океана было свое особое обстоятельство. Для Соединенных Штатов в случае с войной, которую начали японцы, речь шла не только о победе над агрессорами – речь шла скорее о политическом и экономическом доминировании в тихоокеанском регионе. Большая война, которая началась в Европе больше двух лет назад, претерпела важное изменение, с тех пор как Япония начала открытую борьбу против Соединенных Штатов на Тихом океане.

Раньше Америка заботилась о том, чтобы поддерживать своих европейских союзников, преимущественно англичан, но также и СССР. «Победить Гитлера – это первоочередная задача всех народов», говорилось в политических декларациях из Вашингтона. Военные поставки отправлялись преимущественно не совсем без собственного интереса: каждая победа европейцев над Гитлером снимала некоторое бремя с Соединенных Штатов, которые формально еще не ввязались в этот конфликт, но могли догадываться, что он их не минует. Вопрос времени. Граждан Соединенных Штатов настроили на то, что Европа – это именно то место, в котором решается судьба мира, которому угрожает немецкий фашизм. При точном рассмотрении это было изрядным упрощением. Когда Со-

ветский Союз был втянут в войну, как раз этот аспект пропаганды был, однако, еще сильнее акцентирован. Помощь поставлялась усиленно. В Европе, так это объяснялось, находился ключ к избавлению мира от нынешней трагедии.

Все это постепенно изменилось после первого удара японцев по Пёрл-Харбору, классического внезапного нападения. Лозунг о том, что Тихий океан должен оставаться американским морем, воодушевил массы населения, как оказалось. Если ранее изоляционисты нередко выступали со своим старым лозунгом «Америка в первую очередь!», когда речь шла о Европе, то сегодня они кричали: «Тихий океан в первую очередь!»

Это, естественно, следовало большей частью приписать внезапному нападению японцев. Но, с другой стороны, здесь снова пробивалась старая изоляционистская позиция о том, что нужно предоставить «гнилую Европу» ее собственной судьбе и сконцентрироваться лучше на собственных интересах в Тихом океане, на буквально неистощимых возможностях, которые открывались для американской торговой нации на его берегах. Тихий океан в американских представлениях сразу стал основным театром военных действий, где решалась судьба мира. Но и это тоже не соответствовало действительности. Правда состояла в том, что судьба войны решалась в определенной степени на каждом из ее театров, хотя стратегические аспекты были разные.

Радист старшина Мартинелли лишь несколько дней назад в одной радиопередаче, которую он случайно поймал во время скучной ночной смены, прослушал статистические данные, которые были показательными в этом отношении. Согласно этим сведениям в настоящее время в тихоокеанском пространстве находилось примерно 35 тысяч американских солдат. Следующие 25 тысяч в это время готовились для использования на Тихом океане. В довольно откровенном комментарии одновременно говорилось, что правительство США теоретически еще видит решающий театр военных действий на европейских полях сражения – но, пожалуй, только теоретически. И тогда такой комментарий был лишь мнением отдельного журналиста.

Генерал Дуглас Макартур, главнокомандующий войсками союзников в Австралии, был известен тем, что рьяно настаивал на том, чтобы все американские ресурсы были брошены на борьбу с японцами на Тихом океане. Европа была для него вспомогательным театром военных действий. Макартур был постоянно недоволен накоплением американских сил в Тихом океане, хотя он уже сегодня имел вдвое больше солдат и вооружения, чем было направлено в любое другое место.

В радиорубке офицеры, некоторые из них старые моряки, хорошо знавшие Тихий океан, за тайным стаканчиком виски беседовали о позиции Макартура. Не все были с ним согласны. Так думал и Мартинелли. Он считал Японию опасным, но со временем все же, преодолимым противником. Его прошлый опыт во многом способствовал этому представлению. Он еще до войны ходил по морю, знал Новую Зеландию и Австралию, и он знал массу тех островов, на которых теперь сидели японцы. Это было ужасно растянутое пространство, где они, пожалуй, ошиблись в расчетах. Завоевания были сделаны относительно быстро при нынешнем состоянии сопротивления, но чего будет стоить японцам удержать их?

Где хронически страдающая от дефицита сырья, только сейчас мобилизующая свою науку Япония могла бы взять силы и средства, которые были необходимы для этого? Мартинелли не был шовинистом, но он в долгосрочной перспективе оценивал возможности Америки выше возможностей Японии. И не случайно. Он еще перед войной, работая на торговом флоте, достаточно часто бывал в японских портах.

Офицеры много говорили о Порт-Морсби. Они видели в этой гавани на юго-восточном побережье Новой Гвинеи следующую цель наступления японских войск. На самом деле не нужно было обладать большим пониманием стратегии, чтобы прийти к этому выводу. Новая Гвинея была в ее внутренней части диким, неисследованным горным районом, только на побережье находились территории, которые могли использоваться для военных целей. Так на северо-востоке залив Нассау с его гаванями Саламауа и Лаэ, которые уже служили японцам. Также аэродромы находились там. Но их большой недостаток был в том, что с них самолетам приходилось долго лететь до Австралии, курсом, который вел через высокий горный хребет Стэнли высотой 4000 метров, что требовало сильного сокращения бомбовой нагрузки у бомбардировщиков, так как нужно было брать на борт больше горючего.

В отличие от этого Порт-Морсби по своему расположению идеально подходил для концентрации тяжелых бомбардировщиков сухопутного базирования. Он лежал по ту сторону гор Стэнли, в прибрежной низменности юго-востока. Здесь кроме возможностей построить взлетно-посадочные полосы, уже имелась подготовленная глубоководная гавань, которая делала возможной доставку боевой техники любого вида. И от Порт-Морсби до Дарвина было лишь 1700 километров полета, до Брисбена на очень уязвимом восточном берегу Австралии – 2000. Между адмиралом Нимицем в Гонолулу и генералом Макартуром в Австралии были очень большие разногласия в различных вопросах, но оба они единодушно считали, что Япония как можно скорее попытается сдвинуть свою цепь баз еще дальше в направлении Австралии.

Самолеты-разведчики сообщали о подозрительных скоплениях кораблей в Рабауле и в районе Каролинских островов, так же и на Саламауа. То, что этот удар был нацелен на Порт-Морсби, было очень вероятным. Из Гонолулу было отправлено зашифрованное сообщение на «Йорктаун», что также Тулаги, на юге Соломоновых островов, относился к новым целям японцев. И с явным опасением офицеры «Йорктауна» говорили о том, что все это могло быть, вероятно, только началом для последующих японских ударов также и в других местах их далеко выдвинутых вперед линий.

Так «Йорктаун», под прикрытием трех тяжелых крейсеров и некоторого количества меньших кораблей, спешил к месту встречи, где он должен был соединиться с «Лексингтоном», который с двумя тяжелыми крейсерами в качестве эскорта направлялся из Гонолулу в южную часть Тихого океана. Дополнительно небольшая боевая группа в составе двух австралийских и одного британского крейсера взяла курс на место встречи. Соломоновы острова были узнаваемы как общее направление, так как точка встречи лежала довольно далеко к северо-западу от Новой Каледонии, в Коралловом море. Авианосную группу «Йорктауна» возглавлял адмирал Фрэнк Флетчер, группу «Лексингтона» контр-адмирал Обри Фитч. Контр-адмирал Джон Крэйс командовал тремя крейсерами.

Старшина Мартинелли к этому времени все это уже знал. У офицеров были тайны от радиста только в самых редких случаях, они перед ним открыто говорили о ситуации. Когда стемнело, Мартинелли получил свой ужин в столовой. Затем он еще сыграл партию в покер с несколькими пилотами, пока не решил пойти поспать несколько часов, прежде чем утром начнется его следующая вахта. Он хоть и немного выиграл этим вечером, но все-таки этого было достаточно для того, чтобы он спокойно и удовлетворенно заснул в своей подвесной койке. Летчикам не стоит играть в покер, думал он, прежде чем закрыл глаза, даже если они размещены на авианосце, у них и близко нет такого опыта, который бывалый старшина приобрел за долгий срок службы на море, играя в карты.

К решительному, предприимчивому вице-адмиралу Сигэёси Иноуэ на японском крейсере «Касима», находящемся перед Рабаулом на вытянутом острове Новая Британия, во второй половине апреля поступил новый приказ: выдвинуть две боевые группы в направлении Порт-Морсби и Тулаги и захватить как этот портовый город на Новой Гвинее, так и лежащий к северу от Гуадалканала в составе Соломоновых островов остров Тулаги. С Трука, большой базы на Каролинских островах, должно было отправиться еще одно соединение, которому после боев предстояло решать оккупационные задачи. Одна боевая группа флота под командованием вице-адмирала Такэо Такаги должна была, идя с севера, обойти Соломоновы острова и в районе моря к югу от островов наблюдать за тем, чтобы подтянутые из Австралии американские силы не угрожали десантам. Такаги

командовал двумя тяжелыми авианосцами «Сёкаку» и «Дзуйкаку», сопровождаемыми двумя тяжелыми крейсерами.

Командовал десантной операцией вице-адмирал Иноуэ. Он отправил на Тулаги сравнительно слабую группу. К Порт-Морсби он послал из Бугенвиля на Соломоновых островах авианосец «Сёхо» с несколькими крейсерами и другими эскортными кораблями. К обеим группам принадлежали и десантные силы, в основном морская пехота.

Когда Иноуэ рассматривал морскую карту, он в некоторой степени мог быть спокоен. Американские силы – кроме одного авианосца, о котором знали, что он крейсировал в этих водах – могли, согласно имеющимся данным разведки, прийти только из Австралии или с Гавайев. «Дзуйкаку» и «Сёкаку» смогли бы перехватить их своей авиацией. Собственно, Тулаги и Порт-Морсби должны были быть захвачены без больших усилий, тем более что австралийцы на севере своего острова имели в своем распоряжении лишь ограниченные авиационные силы, чтобы помешать японцам. Поэтому Иноуэ в момент отплытия из Рабаула был в хорошем настроении. С одной лишь оговоркой, что он, как и многие другие высокопоставленные японские военные были в тот момент уже не особо довольны общим ходом войны.

Дело было, прежде всего, в том, что американцы не отреагировали на многие осуществленные Японией завоевания, на ее первоначальные победы, так, как этого ожидало японское верховное командование. По его расчетам уже начальная стадия войны должна была настолько деморализовать США, что они, чтобы избежать дальнейших потерь, вынуждены были бы пойти на переговоры для достижения мира на выгодных японцам условиях. Однако этого не произошло. Американцы не только нанесли ответный удар по Токио, но они также дальше развивали свои военно-морские силы, что при их промышленном потенциале заставляло предположить самое худшее. Также они в стремительном темпе усиливали свою авиацию. Они использовали новые типы самолетов, которые совсем не боялись японских машин. И по всем признакам можно было понять, что они уже несколько опережали Японию в военно-технических разработках, хотя их военная промышленность, по оценкам экспертов, еще далеко не достигла своего наивысшего уровня производительности.

Иноуэ принадлежал к тем более молодым адмиралам, которые при всем усердии, с которым Япония занималась подготовкой к войне, всегда видели ахиллесову пяту Империи в научных исследованиях. Конечно, японцы построили корабли и самолеты, пушки и танки, и располагали значительными арсеналами, прежде чем начали войну. Только был еще питаемый их высокомерием консерватизм, прежде всего, у более старых офицеров, которые твердо верили в абсо-

лютное превосходство японской расы и видели в нем господствующую над всем гарантию любого желаемого успеха. Они довольствовались тем вооружением, которое уже было, особо не задумываясь о том, что США, а также Англия, располагали военно-научным исследовательским потенциалом, который лишь сейчас начал развивать свою полную мощь.

Если, например, кто-то обращал внимание такого человека как адмирал Ямамото на эту опасность, которая уже приближалась, тогда тот сначала ссылался на морскую победу в Цусимском проливе в начале столетия, в которой Ямамото уже принимал участие, и потом с улыбкой успокаивал со ссылкой на тогдашний опыт: еще до того, как эти изнеженные своей цивилизацией американцы сорентируются в траншеях войны, они уже будут на коленях. Они будут просить о мире, только чтобы иметь свое спокойствие, и безразлично, заберут у них при этом Тихий океан вместе с Гавайями или нет!

«Но они не просят!» Вице-адмирал Иноуэ поймал себя на том, что он произнес эти слова вполголоса, когда стоял на мостике «Касимы» и пристально вглядывался в темноту ночи, которая лежала над Соломоновым морем. Он был рад тому, что штурман и другие офицеры ничего не услышали, никто не смог этого понять. Нет, они не просят! Вероятно, так думал Иноуэ, немцы тоже начали свою войну с похожими представлениями. Кроме Советского Союза и Англии у них, кажется, больше не было в Европе серьезного противника. И, все же, они потерпели зимой позорное поражение под Москвой. Им пришлось отступить, понеся большие потери. Похоже, что немцы лишь медленно оправившись от этого удара. Весной на других участках фронта они снова несколько продвинулись вперед, только перспектива того, что противник покорится после молниеносной войны, уже исчезла. Так же, как у нас, думал адмирал. Здесь этой перспективы тоже уже нет, не нужно болтать об этом. Ну, вероятно, теперь это удастся со второй попытки, утешал он себя. Мы готовы расширять наши линии так, что наши возможности многократно вырастут. Конечно, проблемы тоже увеличатся. Уже сегодня наше тыловое обеспечение работает с большим напряжением. Время против нас. У нас нет шанса превратить захваченное пространство со всеми его богатствами в окончательную победу.

Возможно, если нам удастся принудить американцев с их кораблями к последней решающей морской битве, но – пойдут ли они на это? И если да – то как они будут сражаться?

1 мая 1942 года американские оперативные группы адмиралов Фитча и Флетчера встретились в точке рандеву примерно в 750 километрах к югу от Гуадалканалы на Соломоновых островах. Теперь объединенным соединением командовал Флетчер как старший по званию. Со своим соединением он должен был крейси-

ровать два дня, пока также контр-адмирал Крэйс с его тремя крейсерами не прибудет сюда. Тогда у него в распоряжении находились бы в общей сложности два авианосца, восемь крейсеров и тринадцать эсминцев, дополнительно меньшие вспомогательные суда, танкеры и тральщики. Разведка сообщала ему, что японцы располагают в этом регионе двумя тяжелыми и одним легким авианосцами, девятью крейсерами, пятнадцатью эсминцами и точно не определенным количеством вспомогательных судов и транспортов. В общем и целом, партия, даже если противник применит все, что у него было – что было невероятно – могла начаться с равными силами.

У вице-адмирала Иноуэ было определенное преимущество во времени, и он использовал его уверенно, когда он 3 мая, едва японская боевая группа прибыла к Тулаги, после короткой артиллерийской подготовки начал высаживать войска на берег. Он рассчитал правильно – сопротивления не было. Но Иноуэ совершил другую ошибку, которая вскоре должна была отомстить. С тех пор как ведение войны на море больше не было делом одной только корабельной артиллерии, а все больше авиация становилась определяющим фактором, высадку на Тулаги, при которой все-таки определенное количество кораблей находилось у побережья, должны были прикрывать соответствующие силы авиации. Это Иноуэ упустил; он недооценил опасность. Пока два тяжелых авианосца «Сёкаку» и «Дзуйкаку» обойдут цепочку Соломоновых островов и появятся в досягаемости Тулаги, должно было пройти еще два дня. Иноуэ играл в рулетку, он надеялся, что все удастся. Вследствие этого он на следующее утро после высадки на Тулаги потерял несколько кораблей.

В день высадки японцев адмирал Флетчер сидел на своем флагманском корабле, авианосце «Йорктаун», в каюте и ел легкий ужин, который состоял из хлеба, мясных консервов, говяжьего бульона, сыра и апельсинов. Когда посыльный попросил разрешения войти, адмирал только промычал в знак согласия, так как у него рот был полон. Он взял радиограмму и прочел ее дважды, прежде чем с неподвижным лицом положил ее на стол и отпустил посыльного. Противник захватил Тулаги. Снова новая база японцев! И Флетчер решил нанести немедленный удар.

Эти типы не должны были думать, что их нашествие могло продолжаться так просто без сопротивления.

Однако Флетчеру пришлось ждать. Наступила ночь, а ни на «Йорктауне», ни на «Лексингтоне» не было оснащения для ночного старта. Кроме того, у летчиков отсутствовал опыт ночных полетов. Поэтому только утром с двух авианосцев стартовало в целом 90 машин, которые со своими бомбами и торпедами атаковали японские корабли, стоявшие на якоре всюду перед Тулаги. Адмирал Флет-

чер дал летчикам приказ: «Атаковать только корабли. Наземные цели нас не интересуют».

На это была своя причина: Тулаги и так, и эдак остался бы пока в руках японцев. Наносить потери оккупационным войскам там не имело большого смысла, Япония все еще могла восполнить их. В отличие от этого потери в кораблях могли надолго помешать японцам проводить новые операции такого рода. Потерянные корабли и суда нельзя было заменить так быстро, во всяком случае, не в Японии, даже если учесть увеличение потока сырья, который Империя могла обеспечить своими первыми захватами. Чтобы доставить это сырье к местам обработки, тоже нужны были суда. И на судоходных маршрутах японские пароходы между тем уже подкарауливали американские подводные лодки.

Когда через три четверти часа после своего старта американские самолеты появились над Тулаги, по сути сонного пальмового острова, который теперь внезапно кишел солдатами, они не позволили спровоцировать себя случайным пулеметным огнем и засыпали корабли бомбами и торпедами, вместо того, чтобы тратить время и силы на пехоту. Один эсминец и три тральщика сразу затонули, на других кораблях были повреждения, масштаб которых экипажи самолетов уже больше не смогли точно установить.

На японских авианосцах «Сёкаку» и «Дзуйкаку» пилоты истребителей со стиснутыми зубами услышали о легком успехе американских летчиков в Тулаги. Там в воздухе не было ни одного японского самолета! И как хотели бы японцы броситься на американские самолеты, они раз и навсегда заставили бы их забыть даже о приближении к японской позиции! Но потребовалось еще два дня, пока авианосная группа с двумя тяжелыми авианосцами была на расстоянии, с которого можно было бы использовать самолеты.

5 мая, когда она обошли Сан-Кристоваль, последний остров цепи Соломоновых островов, и вошла в Соломоново море, самолеты-разведчики снова и снова поднимались с палуб авианосцев в поисках американского авианосца, который атаковал Тулаги. Японская разведка все еще считала, что в этих водах есть только один «Йорктаун». О том, что здесь между тем был также «Лексингтон», японцы еще не знали. Поэтому они также были достаточно уверены, что смогут скоро уничтожить или серьезно повредить этот один американский авианосец.

Но пока еще нигде не удавалось обнаружить какой-то след кораблей противника, хотя обе авианосные ударные группы иногда сближались, как выяснилось позже, друг с другом до дистанции всего 130 километров. Только 7 мая, в первые дневные часы, разведывательный самолет японцев обнаружил два чужих корабля и идентифицировал их как американский авианосец «Йорктаун» и

крейсер сопровождения. Вице-адмирал Такаги, командующий японской авианосной группы, тут же приказал поднять в общей сложности шестьдесят торпедоносцев и пикирующих бомбардировщиков, к ним еще и истребители сопровождения, с приказом уничтожить американский авианосец и крейсер.

Только гораздо позже Такаги стало ясно, что он принял свое решение на основе ошибочного сообщения. Уже во время налета на Пёрл-Харбор стало явно, что типы кораблей часто идентифицируются с воздуха неправильно. Для этого имелись различные причины, среди прочих также недостаток тренировки. Теперь, 7 мая, этот полученный еще в первые дни войны опыт, которому, впрочем, уделялось мало внимания, подтвердился снова: разведчики обнаружили вовсе не американский авианосец и крейсер сопровождения, а американский танкер «Неошо», который днем раньше снабдил авианосец Флетчера топливом, и эсминец «Симс».

Оба корабля не сопровождались истребителями прикрытия, и поэтому они оказались довольно незащищенными перед массивным нападением японских самолетов. Под градом бомб и торпед они погибли. Авианосная группа Флетчера находилась в это время уже примерно в двухстах километрах к северо-западу от этого места. И похожая неудача постигла также несколько позже осторожного Флетчера, как и его японского противника Такаги.

Адмирал Флетчер вынужден был принять к сведению эти две легкие корабельные потери. Но они компенсировались тем преимуществом, что японцы до сих пор еще не нашли его авианосную группу. Кроме того, корабельные радиолокаторы гарантировали ему определенную защиту против неожиданностей, которая отсутствовала у японцев. Все же, радиолокатор, естественно, не заменял возможную только с использованием самолетов дальнюю разведку, результаты которой очень значительно увеличивали свободу действий для собственных контрмер. Поэтому Флетчер требовал, чтобы вокруг его соединения всегда летали разведывательные самолеты, и это оправдалось еще в тот же самый день, в течение первой половины дня: К северу от Луизианы, архипелага, который был расположен впереди от юго-восточного кончика Новой Гвинеи, было обнаружено соединение кораблей.

Радист Мартинелли принял донесение и с интересом прочитал, что речь шла, по данным пилота, о двух тяжелых крейсерах и двух эсминцах японцев, которые шли там в направлении на юг, очевидно, между островами из Соломонова моря в Коралловое море. Не успел посыльный с сообщением поспешить к адмиралу, как пришло донесение от следующего разведывательного самолета с того же направления. Он обнаружил два авианосца и четыре тяжелых крейсера на указанной позиции. Мартинелли медлил. У него было такое чувство, что что-то

здесь было не так. Один из обоих наблюдателей, вероятно, ошибся. Но который? Наконец Мартинелли сказал себе, что решать эти вопросы это не его задание, и поэтому распорядился доставить и второе сообщение адмиралу, прежде чем с сигаретой устроился перед радиостанцией.

Адмирал Флетчер не желал долго размышлять над так сильно расходящимися сообщениями. Противник был обнаружен, и его необходимо было атаковать. Сильный противник, как казалось, если там уже говорилось о двух авианосцах и четырех крейсерах. Поэтому Флетчер незадолго до полудня, после того, как оба его авианосца повернули к ветру, приказал поднять примерно 90 торпедоносцев и бомбардировщиков, а также группу истребителей сопровождения. Удаление до обнаруженной вражеской группировки составляло примерно 200 километров, это значило продолжительность полета чуть больше получаса.

Если бы атакующие пролетели определенное время еще дальше на север, то они обнаружили бы примерно дюжину битком набитых войсковых транспортов, которых сопровождал только один легкий крейсер. Но так они натолкнулись на авангард, который обеспечивал для транспортов воздушную защиту, а именно на легкий авианосец «Сёхо» и 4 эсминца сопровождения адмирала Аритомото Гото.

У «Сёхо» в воздухе было лишь несколько самолетов для поддержания связи с идущим севернее соединением транспортов. Когда атакующие американские самолеты так быстро появились над ним, то времени для старта истребителей не было. Только зенитные пушки еще находились в боевой готовности и начали стрелять. Но стреляли они с небольшим успехом. Командир торпедоносцев сразу правильно оценил положение внизу на море. Там был авианосец, и там были крейсера. Сначала нужно было вывести из строя авианосец. Так как если больше не нужно было бояться никаких авианосных самолетов противника, то крейсера превращались в легкую добычу. Это больше не было морским боем старых времен – здесь авиация противоборствующих сторон говорила решающее слово, хотя и над открытым морем. Пилот ведущего торпедоносца закричал в микрофон: «На авианосец! Крейсера достаточно далеко, чтобы нам помешать!»

Так самолеты TBD-1 с тактическим наименованием «Девастейтор» («Разрушитель») бросились на «Сёхо» и выпустили так много торпед со столь многих углов подлета, что японцы никак не могли увернуться от них всех. На учениях никогда не отрабатывалась ситуация, что так много самолетов подлетают к кораблю одновременно с многих направлений; всегда были истребители, которые отгоняли большинство из них. Но здесь истребителей не было. Семь торпед поразили «Сёхо». Примерно дюжина бомб пробили его полетную палубу, когда

пикировщики SBD-3 «Донтлесс» («Бесстрашный») нанесли по нему удар. Истребителям сопровождения ударной группы не пришлось вмешиваться, так как после таких попаданий у «Сёхо» больше не было никаких шансов выпустить свои истребители. За считанные минуты все закончилось.

«Сёхо» горел. Бомбы зажгли горючее его самолетов. Один взрыв следовал за другим. Если примерно сто матросов смогли спастись, прыгнув в воду, то остальные члены экипажа взорвались вместе с кораблем. Зенитная артиллерия японских крейсеров сопровождения все еще стреляла, когда машины авианосной группы Флетчера уже давно были на обратном пути. Они сконцентрировали все нападение на «Сёхо», хотя они легко смогли бы поразить и крейсера. Но команда звучала: сначала вывести из строя авианосец противника, чтобы выбить у него из рук его самое опасное оружие. Это тоже относилось к изменениям, которые появились в ведении войны на море: на крейсера можно было охотиться своими самолетами достаточно безопасно, как только противник уже не мог применять свои авианосцы.

Вице-адмирал Иноуэ, у которого был командный пункт на крейсере «Касима», не хотел сначала поверить в то, что ему сообщили. Он требовал категорического подтверждения, что «Сёхо» был потерян, и он это подтверждение получил.

Довольно долго Иноуэ в отчаянии ходил туда-сюда, напрягал свой мозг. Там были крейсера, теперь без воздушной поддержки, и у врага где-то поблизости был как минимум один авианосец – вероятно, даже больше, чем он один, хотя не было известно, откуда они появились так внезапно – и там, не в последнюю очередь, за крейсерами были войсковые транспорты! Тысячи японских солдат, беззащитных против торпедоносцев. Они еще не находились в непосредственной опасности, их можно было остановить, чтобы не подвергнуть опасности полного уничтожения. Иноуэ решил прекратить операцию по высадке в Порт-Морсби.

Он не консультировался с Токио. Теперь каждая минута была дорога. И если американцы обнаружат войсковые транспорты, то это означало бы конец карьеры Иноуэ. Тогда ему оставалось бы только сеппуку, ритуальное самоубийство.

Так получилось, что десантно-высадочное соединение, идущее к Порт-Морсби, уже повернуло и двинулось назад, когда на обоих тяжелых американских авианосцах торпедоносцы и бомбардировщики были заправлены для следующего полета, и к ним были подвешены новые бомбы и торпеды.

Командиры крейсеров японского соединения под командованием адмирала Гото, которые тоже повернули назад, не догадывались, что благодаря этому они

ускользнули от встречи с тремя крейсерами противника, в которой у них были бы чрезвычайно хорошие шансы. Флетчер направил три крейсера, которые шли под командованием британца Крэйса, на соединение Гото, как только он узнал, что авианосец «Сёхо» уничтожен. Таким образом Крэйс с тремя кораблями на большой скорости шел на северо-восток, чтобы перерезать путь группе Гото. Но они не могли найти даже тень японских кораблей на экранах радаров. Вместо этого, однако, им скоро сообщили о вражеских бомбардировщиках. Они приближались с Рабаула и Саламауа, откуда их быстро отправили, чтобы воспрепятствовать противнику в возможном преследовании войсковых транспортов на их обратном пути.

Адмирал Крэйс продемонстрировал в бою, который произошел в светлый день едва ли в ста километрах от юго-восточного кончика Новой Гвинеи, большое тактическое мастерство. Он приказал крейсерам идти зигзагом, с большими интервалами, в различных направлениях, и одновременно он приказал открыть огонь по самолетам из всех пушек. Ни одна бомба не попала в его корабли, хотя японские летчики после возвращения сообщали о потоплении линкора. Но линкора в этом регионе вообще не было. Пока Крэйс радовался тому, что так благополучно отделался, операторы радиолокаторов уже сообщили о следующей группе бомбардировщиков, идущей на большой высоте, на этот раз с юга. Маневрирование началось снова. Скоро опять посыпался дождь бомб. Но на этот раз дело было особенно возмутительным: атаковали их собственные машины, пилоты которых приняли крейсера за японские. Это были двухмоторные американские бомбардировщики сухопутного базирования, которые взлетели с аэродрома в Квинсленде (Австралия), чтобы включиться в борьбу. Снова подтвердилось, как ненадежно определение кораблей с воздуха, причем на обеих сторонах. К счастью в крейсера Крэйса не попала ни одна бомба, и пилоты, которые все время удивлялись, почему крейсера не применяли против них зенитную артиллерию, почувствовали облегчение от того, что ни разу не попали.

К тому времени вице-адмирал Такаги был убежден, что в случае крейсеров союзников речь шла о большом соединении с авианосцами, причем даже с несколькими, откуда бы они ни пришли. Поэтому он еще во второй половине дня приказал взлететь с Рабаула еще одной смешанной группе бомбардировщиков сухопутного базирования, которая должна была атаковать цель у входа в Коралловое море.

С Рабаула взлетели тридцать пять машин. Чем больше они приближались к области, в которой предполагался противник, тем плотнее мрачнело небо. Японские пилоты попали в неприятную ситуацию. Если они поднимались над висящим глубоко внизу слоем облаков, они вообще не могли видеть поверхность моря, если же они спускались ниже слоя облаков, то их горизонт сокращался до

нескольких километров. Кроме того, наступала темнота. Чтобы освободиться от веса и еще вернуться назад, командиру группы пришлось, наконец, отдать приказ сбросить бомбы в воду. Затем самолеты полетели обратно, на последних остатках топлива. Все же, это было не совсем просто в темноте, так как самолеты группы постепенно отдалялись друг от друга, теряя зрительный контакт. Так как у них не было радиолокаторов, и только недостаточные приборы для ночного полета, они при полете по компасу далеко отклонились от курса.

На «Йорктауне» сигнальные сирены издали пронзительный звук, когда часть сидящих в готовности пилотов истребителей как раз получала ужин. Какао и чай остались недопитыми, сэндвичи засыхали на тарелках, пудинг с изюмом вообще даже не успели подать, так быстро экипажи запрыгнули в свои самолеты.

«Йорктаун» тоже не был оборудован для ночных взлетов, но пилоты истребителей все же рискнули взлететь. Им повезло не только со взлетом, им также удалось выследить и сбить девять взлетевших из Рабаула самолетов противника, прежде чем они сами вернулись снова – частично с аварийными посадками – на авианосец. Большинство самолетов из Рабаула пропали, когда их топливо закончилось, и они вынуждены были сесть на воду. Только семи удалось снова достигнуть Рабаула.

Для обеих сторон ночь была беспокойной. Конечно, предварительное решение было уже принято. Но только следующий день показал бы, чего оно действительно стоило.

Утром 8 мая плотный слой облаков висел над японским соединением. Пилоты на «Сёкаку» и «Дзуйкаку» спешили на палубу, чтобы сделать свою утреннюю зарядку. Только что бортовые динамики передали новости, не упомянув о событиях в Коралловом море. Это соответствовало японской манере сообщения новостей: если победа была завоевана, то о ней сообщали, если же были потери, и противника не удалось победить, то сообщать об этом не стоило. Так у публики возникала блистательная картина постоянных побед, и только тайно, поддержанное личными сообщениями и слухами, медленно распространялось чувство того, что ее обманывают.

Многочисленные летчики выполняли свои упражнения, пока звучала «Уми Юкаба», популярная песня, которая завершала все передачи новостей императорского радио. После того, как последний звук отзвучал, мужчины поднялись, встали по стойке «смирно», и тогда раздался призыв «Банзай» в адрес императора Хирохито, прогремевший сурово, с желанием боя. Оставалось лишь время получить на завтрак рис с несколькими кусками рыбы, когда уже одна эскадри-

ля за другой получала приказ на взлет. Сначала взлетели истребители «Зеро», набрали высоту и наблюдали за воздушным пространством во время старта торпедоносцев и пикирующих бомбардировщиков. Фаза взлета и фаза посадки возвращающихся самолетов являлись критическими моментами, когда внезапное нападение противника могло нанести авианосцу смертельный удар. Поэтому очень большое внимание обращалось на то, чтобы всегда иметь в воздухе достаточное количество истребителей, чтобы смочь своевременно отразить подлетающего противника.

Однако, погода в районе, где находилась японская группировка, была настолько плоха, что истребители должны были оставаться на высоте менее тысячи метров, чтобы не утратить видимость в облаках. В отличие от них торпедоносцы типа «Накадзима» и пикирующие бомбардировщики «Айти» вскоре после старта исчезли с сопровождающими их «Зеро» в хмуром тумане облаков и собрались над ними, в свете утреннего солнца, чтобы взять курс на юг. Там, как предполагали, находился противник.

Японские пилоты не подозревали, что примерно в то же время, что и они, также с обоих американских авианосцев стартовала одна эскадрилья за другой, чтобы лететь к северу, где, как они знали, был противник. В действительности только около двадцати минут разделяли старт японцев и старт американцев. Но было одно важное различие, и оно, в конце концов, оказалось неблагоприятным для американцев: над их соединением лежало ясно-синее, солнечное небо.

Когда американские эскадрильи – в целом 82 машины — достигли японского корабельного соединения, они не могли увидеть цели, настолько плотным был слой облаков. Нырнуть под него, этот рецепт нападения оставался, но из-за малой высоты, в которой нуждались самолеты, чтобы вообще видеть японцев, страдал их обзор. Последствия не заставили себя ждать. Незадолго до одиннадцати часов дня торпедоносцы и бомбардировщики американских эскадрилий бросились на японские корабли. «Зеро» кружили в небе вокруг американских истребителей «Уайлдкэт». И на море появились первые следы от пузырей сброшенных торпед, бомбардировщики из облаков пикировали на японское соединение, с ревущими звездообразными моторами.

Позже выяснилось, что различные участвующие в атаке пилоты наблюдали совершенно разные результаты попадания. Один из обоих авианосцев, в чем сошлись все, вообще не получил ни одного попадания.

Это было правдой, это был «Дзуйкаку», который перенес атаку без единой царапины. Однако в «Сёкаку» попали сразу несколько торпед, вскоре после этого он был поражен двумя бомбами с пикирующего бомбардировщика. Большой

авианосец загорелся. Облако чада укутало его. Дыры и трещины в полетной палубе сделали взлет и посадку невозможными.

Поэтому вице-адмирал Такаги, который находился на тяжелом крейсере и передал тактическое руководство боем командиру «Дзуйкаку», контр-адмиралу Харе, действовал быстро. Он договорился с Харой о боевой ценности поврежденного «Сёкаку» и о шансах отремонтировать его, если ему не нанесут дальнейших повреждений. В результате этой короткой договоренности «Сёкаку», на котором пожарные команды отчаянно пытались локализовать пожар, получил приказ покинуть место боя и возвращаться в Трук, где был док. Пока он уходил, американская атака стихла. Истребителям «Сёкаку» пришлось садиться на «Дзуйкаку». С крейсеров стреляли лишь из зенитных пушек, повреждений там не было отмечено. Зенитная артиллерия и «Зеро» вместе сбили 33 американских машины. Высокая цена.

Более сумбурно обстояло дело примерно в 150 километрах южнее, где 90 японских самолетов появились над «Йорктауном» и «Лексингтоном», при лучшей видимости и, следовательно, идеальной погоде для атаки. Так отчетливо как игрушка лежали большие корабли американцев под атакующими японцами. Тем приходилось защищаться от яростно нападающих на них истребителей «Уайлдкэт», которые охраняли воздушное пространство над обоими американскими авианосцами. Но истребители, а также стреляющая из множества стволов зенитная артиллерия не могли помешать тому, что прямо в начале боя один «Айти» D3A спикировал на «Йорктаун» и поразил его полетную палубу 350-килограммовой бомбой. Бомба пробила несколько палуб, убила несколько десятков моряков и привела к трудно поддающемуся тушению пожару, который на время сделал корабль небоеспособным. Еще больше не повезло «Лексингтону»; он получил за короткое время последовательно две торпеды и две бомбы.

Затем ярость атаки японцев затихла. Они освободились от бомб и от торпед, под ними горели два тяжелых американских авианосца – они легли на обратный курс. Они потеряли примерно тридцать машин, как и американские летчики при их атаке на японские авианосцы. Так же, как и у японцев, только зенитная артиллерия стреляла с кораблей сопровождения. Остальные орудия молчали.

Еще до того, как американские самолеты вернулись, на «Лексингтоне» внезапно прозвучал сильный взрыв, вызванный загоревшимся горючим самолетов, которое вылилось из баков. Судовые двигатели больше не работали, помпы отказывали. Возвращающиеся самолеты должны были садиться, если удавалось, на «Йорктаун», многие были вынуждены также садиться на воду, откуда их экипажи потом вылавливали крейсера и эсминцы.

Контр-адмирал Фитч, командир «Лексингтона», сообщил главнокомандующему Флетчеру, что его корабль спасти невозможно.

- Даже, если он, так сказать, хоть как-то прохромает отсюда?

- Нет, сэр, – сказал Фитч. – Он больше не пройдет и дюжины морских миль.

Флетчер должен был действовать быстро. Все-таки было возможно, что японцы вернутся; у них был еще один исправный авианосец. Он приказал соединению на всякий случай повернуть на юг. «Йорктаун» хромал сзади. Его Флетчер уже решил как можно скорее отправить с сопровождением в Пёрл-Харбор для ремонта. Америке нужен был каждый авианосец, тем более что она именно сейчас снова потеряла один: к вечеру «Лексингтон» больше нельзя было спасти. Экипаж до наступления темноты покинул корабль и был принят на корабли сопровождения. «Лексингтон» потерял – кроме сбитых летчиков – 250 человек. Эсминец «Фелпс» еще выпустил несколько торпед в брошенный корабль, и он затонул, пока соединение уходило дальше на юг.

Японцы больше не пытались атаковать, тем более, что стемнело. На следующее утро американское соединение исчезло. При поверхностном рассмотрении японцы добились в этом первом морском бою, в котором участвовали лишь самолеты и зенитная артиллерия, небольших преимуществ: один американский авианосец утонул, второй был поврежден, в то время как у японцев, кроме потопленного «Сёхо» был только поврежденный «Сёкаку», ковылявший в сторону Трука. «Дзуйкаку» и дальше удержал за собой поле боя, неоспоримо, как казалось. Потери самолетов с обеих сторон были примерно одинаковы. Все же, это было очень упрощенным подсчетом. В действительности воздушная битва над Коралловым морем, которая представляла собой начало еще предстоящего решающего противостояния на море, в очень значительной степени способствовала укреплению американской позиции.

«Йорктаун» в Гонолулу смогли отремонтировать гораздо быстрее, чем «Сёкаку» в Труке. Также потери в пилотах США могли компенсировать легче, чем японцы, военные усилия которых уже достигали пределов возможного. Но самым важным было то, что США смогли пресечь удар Японии по Порт-Морсби, и тем самым впервые с начала войны воспрепятствовали наступлению агрессора. Стратегический глубокий тыл Австралия был вне опасности, и инициатива Японии на театре военных действий была заторможена, по меньшей мере.

Командование военно-морского флота в Токио не обманывалось, хотя из Кораллового моря и сообщали об успехе. Адмирал Ямамото приказал доложить обо всех деталях. Его лицо приняло озабоченное выражение, когда он услышал,

сколько экипажей самолетов были потеряны. Их трудно будет заменить. «Дзуйкаку», например, в ближайшее время не сможет действовать, также потери в самолетах нельзя уже скомпенсировать так быстро. Поэтому Ямамото настаивал на быстрых действиях: битву в Коралловом море с ее неудовлетворительным исходом нужно продолжить в другом месте! Так скоро, как только технически возможно, реализовать уже подготовленные планы и атаковать Мидуэй. Выманить туда американский флот, для открытой борьбы, тем, что угрожать Мидуэю, захватить его. И тогда нанести по приблизившемуся американскому флоту настолько сильный удар, чтобы американцы все же пошли на переговоры для подписания мира, который легализовал бы завоевания Японии. Да, Коралловое море было началом, теперь нужно продолжить беспокоить военноморские силы противника, не давать им отдохнуть, дезориентировать их булавочным уколом у Алеутских островов, заставить их раздробить свои силы, и окончательно уничтожить их у Мидуэя.

То, что не удалось в Пёрл-Харбор, он намеревался закончить там!

Ямамото еще верил, что он сможет обмануть американцев. Они не знали о его планах, предполагал он. Он не имел никакого понятия о «Нуро», и он также недооценивал аналитические способности главнокомандующего американского Тихоокеанского флота.

Адмирал Нимиц сидел над морскими картами и списками кораблей. У него осталось не так много кораблей, и потерянные заменялись слишком медленно. Нимиц долго размышлял и советовался со многими опытными штабными офицерами, прежде чем он решился поторопить экспертов в «Нуро»: нужно было узнать, действительно ли японцы хотели, как позволяли предположить различные признаки, выбрать Мидуэй следующей целью.

- Где «Йорктаун»? – хотел он узнать у своего штаба. Была ночь. В свете рабочих ламп танцевали мотыльки и маленькие комары. Когда Нимицу сообщили о нынешнем местоположении «Йорктауна», он приказал срочно отправить туда радиogramму.

Радист старшина Джо Мартинелли был рад тому, что его не ранило, когда в корабль попали бомбы. У него было ночное дежурство в радиорубке, когда поступила радиogramма главнокомандующего. В радиорубке пахло сожженной краской и смазочным маслом. Корабль с трудом двигался вперед. По шуму винтов можно было заметить, что двигателям приходилось работать на полную мощность, чтобы корабль вообще мог идти.

Радиограмма звучала так: «Идти домой самым полным ходом. Ремонтные работы по возможности начать уже на пути домой. Быстрее!»

Развертывание

Адмирал Исороку Ямамото, всегда элегантно выглядевший пятидесятилетний мужчина, стоял в своей каюте на линкоре «Ямато» и увлажнял лицо английской лавандовой водой, которую один хороший друг прислал ему из захваченных в Гонконге военных трофеев. Глядя в зеркало, он старался, чтобы его густые брови были в порядке, а воротник мундира не перекосялся. Его нельзя было назвать совсем уж тщеславным, но он все-таки следил за своей внешностью.

Долгая офицерская карьера научила его тому, что подчиненные часто судят о своих начальниках по их внешнему виду. К этому добавлялось то, что Ямамото довелось жить вне Японии, в другом мире, в котором играли роль другие ценности. Учеба в Гарварде была для него первым большим опытом в чужом мире. До сегодняшнего дня у него в памяти были лица его американских однокурсников. Они должны были принять его. Иногда он оказывался мишенью их добродушно-грубоватых шуток, и инстинкт всегда говорил ему, что за этим скрывалась недооценка его расы, также определенная самонадеянность, с которой молодые люди, привыкшие к высокому уровню цивилизации и такому же высокому состоянию ее научных институтов, смотрели на иностранца из слаборазвитой страны. Со своей стороны, Ямамото, напротив, никогда не был слишком высокого мнения о своих американских сокурсниках. Их вялая, расслабленная мораль, беззаботная жажда наслаждений укрепляли его в представлении, что каста японских рыцарей, самураев, к потомкам которых он причислял себя, все же образует в мире определенное исключение своей любовью к родине, своим мужеством, своей скромностью и готовностью к аскетизму, своей волей всегда «выпустить последнюю стрелу» после того, как противник уже был побежден.

Это мнение еще больше укрепилось у него, когда он позже, как офицер ВМФ, занимал должность военного атташе в Вашингтоне. Он презирал Америку, как это было привито ему: Япония хоть и бедна сырьем, она маленькая, но ее богатство состоит в силе ее людей, которые ничего не боятся, ни коварства иностранцев из стран по ту сторону моря, ни их хитроумных технических устройств. Японец, как говорили на офицерских учебных курсах, компенсирует все то, что еще отсутствует у нас сегодня, своим мужеством, и завтра мы захватим то, чего у нас пока нет! Так Ямамото оставался чужаком в Америке. Светловолосые, светлокожие женщины не возбуждали его; есть он предпочитал простые японские блюда, и на банкетах он был прилично сдержанным, если не считать того,

что он при случае лакомялся куском шоколада. Алкоголя и никотина он избегал как смертельных ядов.

За время его пребывания в Вашингтоне укрепилась также позиция Ямамото, что США, эта «жалкая нация торгашей», как он их называл, не были достойны владеть Тихим океаном, как тогда сильно подчеркивалось в Штатах. В японских исторических публикациях, напротив, речь шла о том, что «Тихое море» было создано богами вокруг гордой Ниппон, чтобы не допускать туда всякий чужой сброд. По мнению Ямамото – и далеко не только его одного – каждый, кто плывал по Тихому океану, должен был подчиняться японским интересам. Он, конечно, знал, что это было целью, достижение которой еще оставалось далеким, но он принадлежал к тем офицерам, которые были готовы сделать все для ее достижения.

Адмирал, естественно, знал слабости его страны. Они состояли в дефиците сырьевых ресурсов, если представить их очень кратко. Из этого следовало ограничение промышленных мощностей, что было особенно важно в сравнении с неистощимо богатой такими возможностями Америкой. Поставщики сырья ставили условия, на сегодняшний день. Итак, японцы не находились в независимом положении.

Из гитлеровской Германии в начале тридцатых годов в Японию проникло слово «автаркия». Родственные по духу японские политики, которые предприняли определенное разделение их соответствующих сфер влияния с Гитлером – по меньшей мере, на бумаге – что делало их союзниками, были убеждены, что их проблемы на пути к внушающей всем страх мировой державе нужно решить сначала путем аннексии Китая, где была Маньчжурия с ее безграничными ресурсами. На эту захватническую войну Япония пошла с большой уверенностью. В конечном счете, однако, эти усилия вовсе не оправдались. Тем более что в Китае японцам пришлось столкнуться с сопротивлением не только Чан Кайши и красных войск, но и с Америкой, которая очень скоро стала поддерживать китайцев.

Ямамото никогда не смог простить американцам то, что они сражались на стороне Китая, который он рассматривал – как и многие другие – в качестве естественного поставщика сырья для Японии, как подмандатную территорию, так сказать. Это было холодное объявление войны Японии, так всегда рассматривали это. И поэтому адмирал принадлежал также к той группе офицеров, которые с самого начала определили программу экспансии Японии в Тихом океане за счет Соединенных Штатов. Сегодня он занимал руководящую должность. Как главнокомандующий императорского военно-морского флота он располагал инструментом, с которым можно было вести спор по поводу будущего положения

Японии в мире, преимущественно, во всяком случае, потому что если военно-морской флот Японии завладеет Тихим океаном, то США должны будут отойти на свои континентальные берега, просить Японию о мире, чтобы, по крайней мере, со своего восточного побережья предпринимать что-то против Гитлера, который, со своей стороны, казался решительно настроенным на то, чтобы сделать Атлантику «своим» морем.

Удара по Пёрл-Харбору, так сегодня знали в адмиралтействе, оказалось недостаточно, чтобы нокаутировать США. Американский военно-морской флот все еще существовал, хотя и с меньшим количеством кораблей, но с авианосцами, которые вообще не пострадали в Пёрл-Харборе. Они в растущей степени оказывались преградой, это снова проявилось только что в Коралловом море, хотя результат там был показан совсем не плохой. Но – кто знал опасность, исходящую от авианосцев, лучше, чем Ямамото? Он принадлежал к первым, кто увидел в воздушной войне с моря и на море решающий фактор современного ведения войны. Поэтому Япония в умном предвидении уделяла особое внимание строительству изрядного количества авианосцев, наряду с тяжелыми линкорами с их ужасающей артиллерией, а также наряду с подводными лодками – и с мини-подлодками тоже. Этих сил должно было хватить для того чтобы окончательно изгнать американцев с Тихого океана, закрепить завоевания Японии, превратить их в производственные мощности военного назначения, укрепить собственную страну, чтобы она могла продиктовать Соединенным Штатам такой «мир», который вывел бы американцев из игры на необозримое время.

«Ямато», флагманский корабль, на котором находился адмирал в настоящее время, считался неуязвимым. Он был гордостью японского флота, линкор водоизмещением 64 000 тонн, самый большой в мире, с 640-мм орудиями, которые могли поражать свою цель на расстоянии свыше сорока километров. Время для его решающего использования еще не пришло. Но планы, которые лежали у адмирала Ямамото на столе, пока только в набросках, в подробностях еще требующие усовершенствования, очень скоро привели бы к такому использованию. Он посмотрел на часы. Через несколько минут должны были прибыть его высшие штабные офицеры, для встречи, чтобы окончательно определить время, место и условия. Ямамото надел свои белые шелковые перчатки. Он уделял большое внимание жесту демонстративно снимать их, прежде чем он подавал кому-то руку.

После массы возражений объединенное верховное командование, в котором, к несчастью, было определенное количество консервативных армейских генералов, для которых все приоритеты лежали в Китае и в захваченных областях Юго-Восточной Азии, план Ямамото о провоцировании решающей морской битвы против американцев все же был принципиально утвержден. Но в тот день 5

апреля, когда адмиралу дали знать, что к его намерениям относятся положительно, сигнала к началу операции еще не было. А потом наступило 18 апреля, день, который все решил мгновенно: американские бомбардировщики атаковали Токио!

Ямамото вместе с сообщением об авианалете узнал еще одну очень важную подробность. Хидеки Тодзио, генерал и близкий знакомый Тэнно, с осени 1941 года премьер-министр, в день американского рейда находился в воздухе в самолете связи, в служебном полете. Он видел из окна кабины, как подлетают В-25 противника, мог наблюдать падающие бомбы. Страх смешался с гневом. До сих пор Тодзио медлил – теперь он решился. В тот же день он приказал передать Ямамото, с которым он и без того дружил, указание, которого тот так страстно ждал, а именно немедленно уточнить его план для достижения решающей морской битвы против американцев и подготовить все в кратчайшие сроки.

Между тем прошли четыре недели прилежной работы штаба и усердной подготовки на выделенных для операции кораблях. Наступило 20 мая. Адъютант сообщил Ямамото, что командиры отдельных соединений и командиры некоторых кораблей собрались в салоне.

- Спасибо, – любезно сказал Ямамото. – Сообщите господам, что я сейчас приду.

Он был настроен радостно и уверен в победе. Это делало его вежливым, и в известной мере это вызывало в нем настроение, которое он знал с празднеств. То, что предстояло, было вовсе не праздником, это было окончанием приготовления к большому удару. Только – разве этот удар не будет чем-то вроде праздника?

Собственно, Ямамото не нуждался в адмиральской фуражке; в закрытых помещениях при таких поводах, который был сейчас, фуражку не носили. Но адмирал все же положил ее на согнутую левую руку, когда он вошел в салон. Здесь были развешаны карты. Висели списки с названиями кораблей. Ямамото ответил на приветствие, принял рапорт, и потом он положил фуражку на полку. После чего он попросил присутствующих отказаться от всяких формальностей. Он взял бумаги, которые принес адъютант, и огласил окончательный состав отдельных предназначенных для участия в операции у Мидуэя соединений, а также самые важные тактические принципы, которыми должны были руководствоваться командиры.

Стратегия была ясна: путем оккупации Мидуэя нужно было заставить США действовать безотлагательно, вызвать тем самым их решение по поводу использования всех американских морских сил в центральном тихоокеанском регионе, которые затем при попытке защитить Мидуэй или изгнать оттуда японцев, были бы уничтожены находящимся в состоянии готовности японским флотом. Тем самым была бы достигнута цель исключительного морского господства в этом столь важном для Японии регионе.

Пока адмирал обобщал все это, командиры кивали в знак согласия. Затем он подошел к карте. – 26 мая соединение вторжения выходит в направлении Атту и Кыски, Алеутских островов. Спустя один день адмирал Нагумо с авианосным соединением отходит в направлении Мидуэя. 28 мая десантные войска для высадки на Мидуэе покидают нашу базу на Сайпане, также и южная группа прикрытия, которой командует адмирал Курита, выходит из Гуама. Северная группа прикрытия для десантного соединения, под командованием адмирала Кондо, выходит 29 мая. В тот же день я с основными силами флота выйду на восток и буду крейсировать во время этой операции к северу, к северо-западу и к северо-востоку от Мидуэя, до тех пор, пока не наступит решение. Мы должны исследовать эти предложенные данные на их пригодность, и при необходимости, изменить их, господа...

Адмирал сделал паузу. Он, пожалуй, ожидал, что у кого-то были вопросы, но пока признаков этого не было. Командиры должны были подсчитывать данные и довольно долго заниматься всеми деталями, прежде чем они высказались. Не в первый раз говорили о способе действий в операции у Мидуэя. Ямамото решил сначала обсудить еще несколько возможных тактических вариантов, которые до сих пор были оставлены без внимания. Так он говорил об использовании авианосных самолетов, а также о шансе при слабом вражеском присутствии вокруг Мидуэя направить часть основного соединения крейсировать дальше к северу, примерно на одинаковом удалении между Мидуэем и Алеутскими островами, что позволило бы этой части соединения очень быстро вмешаться в том или другом главном направлении.

Ямамото определенно еще раз указал на то, что акция у Алеутских островов не должна была терять свой характер отвлекающего маневра. Нужно было сковать войска противника там на севере с как можно меньшими собственными затратами сил, в то время как в средней и южной части Тихого океана должно было быть вызвано решение.

- Начало нападения на Мидуэй соединения Нагумо по нашему предложению – 4 июня. Высадка на 24 часа позже. Последующие приказы отдаются уже в районе боевых действий. Кроме того: код JN-25, начиная с 25 мая, отменяется. После

этого совещания вы получите закрытые конверты с новым кодом. Передача открытым текстом только лишь от самолета к самолету, во время боя. Есть вопросы, господа?

Как всегда, Ямамото отвечал на вопросы предупредительно и любезно. Железная решимость этого мужчины в достижении своей цели скрывалась за вежливым вниманием и полным отказом от резких слов по отношению к подчиненным. Он еще раз обсудил с ответственными за использование подводных лодок офицерами положение так называемых наблюдательных завес между цепью Гавайев и Мидуэй, а также к северу оттуда. Они должны были прикрывать ударное соединение от неожиданных атак американских кораблей с этого направления. Таким образом, крейсирующая на северо-востоке основная группа – своевременно уведомленная – могла приближаться тогда в данном случае, чтобы застигнуть врасплох заманенного противника. Только командующий подводными лодками не считал количество предоставленных в его распоряжение подлодок достаточным. Но Ямамото не мог дать ему дополнительные лодки.

- Больше одной дюжины подлодок в распоряжении нет.

Он сам понимал, что для такой большой акватории этого недостаточно, но ему не оставалось ничего большего, как пообещать, что он постарается добиться того, чтобы находящиеся в море подлодки по радио получили приказ проявить дополнительное внимание и, если будет необходимо, выдвинуться в данную область.

- Еще пару слов о противнике, – сказал адмирал Ямамото, когда он завершал совещание после основательного обсуждения множества отдельных вопросов. – Мы полагаем, что американцы смогут мобилизовать от двух до трех авианосцев. Самое большее. Однако при этом нужно обратить внимание на то, что как минимум один из них располагает еще до сих пор точно не известным нам оборудованием для взлета двухмоторных бомбардировщиков. Нападение на Токио научило нас этому. Сбитые пилоты сознались перед казнью, что они взлетели с авианосца. Далее нужно ожидать два линкора, смешное количество по сравнению с нашими одиннадцатью, а также примерно двенадцать крейсеров и две – три дюжины эсминцев. В общем и целом силы, которые мы можем разбить с легкостью. Если мы к этому уничтожению военно-морских сил США добавим захват Мидуэя, то нам предстоит одержать победу вовсе не поддающегося оценке значения...

Он произнес еще несколько высоких слов о будущем Тихого океана без американского флота. Затем ординарец принес подносы с чашечками, в которых дымилось темное подогретое рисовое вино, и офицеры расстались после церемо-

ниального глотка и возгласа «Банзай!» в адрес Тэнно, который, как гордо объявил Ямамото, уже дал этой операции свое благословение.

Коммандер Джо Рошфор спокойно позволил разразиться над собой канонаде ругательств офицера разведки в штабе адмирала Нимица. Счастье, что сотрудники в смежном большом рабочем помещении не могли слышать этих слов в лязге телетайпов, писке радио и общем шуме остальных устройств. При этом Эд Лейтон ругался вовсе не по собственной инициативе. Он только передавал приказ Нимица подстегнуть людей группы радиоразведки «Нуро» к максимально результативной работе, ввиду обостряющегося положения, что можно было вывести из различных признаков.

Так можно было услышать, что японцы с уверенностью намеревались отправить большие флотские соединения, частично они это уже делали. Намечалась крупномасштабная операция. Рошфор уже довольно давно указывал на то, что ее целью, вероятно, был Мидуэй, и Нимиц, получивший указания также из Вашингтона, не оставался бездейственным. Он начал проводить мероприятия для укрепления обороны расположенного далеко на севере острова. Но до сих пор, все же, это все еще были только предположения, заставлявшие его делать это. Что будет, если японцы нанесут удар совсем в другом месте? И где бы это могло быть?

Нагумо с авианосной группой был готов к выходу в море, это следовало из радиограмм. Также то, что он связывался с Ямамото, кроме того, с группой войсковых транспортов, с группой крейсеров. Одна из групп должна была двигаться на север. Куда? Рошфор предполагал, что целью являются Алеутские острова, но у него не было доказательств. Командование в Пёрл-Харбор волновалось. В ближайшем будущем у американцев в распоряжении было бы два авианосца, «Энтерпрайз» и «Хорнет», за это время снова переоборудованный для взлета одномоторных самолетов. «Йорктаун» хромал сюда из южной части Тихого океана, сильно пострадавший. Не особо приятное положение, как считал Лейтон.

- А ты думаешь, что я считаю его приятными? – защищался Рошфор. – В конце концов, кожу с моей задницы тоже расцарапает, если эти типы снова бросятся на нас, Эд! Только вот в чем дело: они поменяли свой код. Ты понимаешь? Они используют с сегодняшнего дня новый код. Мы работаем над ним. Это дело также продвигается вперед. Но мы же не волшебники!

Он добавил ругательство, и взял бутылку пива, которую принес Лейтон. Большой глоток, однако, успокоил его настолько, что он смог добавить все-таки еще несколько деловых справок.

- Там есть соединение адмирала Хосогая. Из сообщений с подводных лодок мы знаем, что они находятся в Оминато, далеко на севере. Это два легких авианосца, пять крейсеров, еще несколько кораблей сопровождения и два конвоя с войсковыми транспортами. Но их количество невелико. Едва ли есть сомнения, что они готовятся для Алеутских островов. Оставшиеся соединения, которые использует Ямамото, могли бы пойти восточным курсом. Но целью их в равной степени может быть как Мидуэй, так и Пёрл-Харбор. И вот что удивляет меня в их радиообмене, Эд – они используют несколько постоянно повторяющихся наименований из того кода, который они уже использовали. Раньше. Если посмотреть так, то у них есть новый код, но наименования для определенных объектов или также целей, они переняли их из более раннего...

- И вы не знаете их?

- Пока нет. Мы делаем один сравнительный тест за другим. Мои люди просматривают все старые радиogramмы с прежним кодом, чтобы идентифицировать объекты. Мы должны сравнивать, это главная работа. Проредить горы документов. Это требует времени!

- Но у нас его нет, Джо!

- Эд, – попросил Рошфор, – будь добр, не повторяй мне все время то, о чем я и так знаю. Мы можем через час найти то, что мы ищем, но этот поиск может продолжаться также много дней. Я говорю только, если у меня есть уверенность. Если ты хочешь сделать что-то хорошее, то сообщи Нимицу, что мое чувство, что речь идет о Мидуэе, это не просто расплывчатое предположение. Я достаточно долго имею дело с японцами, и у меня есть хорошее чутье. Оно говорит мне: центральная часть Тихого океана и Мидуэй. Пока я буду в этом уверен, может быть уже слишком поздно. Нимиц должен пока полагаться на собственное чутье, оно будет ненамного отличаться от моего...

- О своем чутье, Джо, адмирал со мной не говорит.

- Ну, тогда скажи, что мы работаем на максимальной скорости. Он не должен считать нас лентяями, которых ему приходится подгонять!

- Он так и не считает. Но на карту поставлено слишком много.

Рошфор кивнул. Он уже больше и не прислушивался к словам собеседника. Он размышлял над этой главной проблемой: почти во всех перехваченных японских радиogramмах снова и снова появлялось название какого-то географиче-

ского пункта, о котором могли вспомнить несколько сотрудников – только они были не в состоянии определить его: АФ. Что же такое этот АФ?

- Если мы ответим на этот вопрос, то у нас будет не только место, у нас будет весь код, мой мальчик, – заметил Рошфор позже, когда Лейтон ушел, одному из своих молодых сотрудников, который появился у него. Молодой парень, математический гений, теперь энсин, который не мог препятствовать тому, что его всюду еще считали студентом колледжа, настолько невзросло он выглядел, приложил указательный палец к своему прыщавому носу и внезапно спросил: – Что вы думаете об этом, сэр, я уже все время ломал себе голову из-за Эмили...

Рошфор не дал ему продолжить, он раздраженно прорычал: – Вот только оставь меня в покое со своими историями с бабами, у меня полно других забот!

Но энсин, ухмыляясь, покачал головой и объяснил ему: – Я не про бабу, сэр, Эмили, это было наименование, которое появилось у нас несколько недель назад, вероятно, даже уже пару месяцев назад, я точно не помню, но я помню, что в связи с Эмили также появилось наименование АФ. Определенно. Иногда бывает так, сэр, что слово крутится у кого-то на языке, но нельзя понять, с чем это связано...

- Ты и твой язык! – ответил Рошфор. Но он насторожился. Его дремоту внезапно как ветром сдуло. Боксер, услышавший гонг, не мог бы быть более бодрствующим.

- Эмили... Эмили, – повторял он, – у меня тоже в голове крутится это слово. Но откуда, черт побери, оно взялось?

Поддавшись импульсу, он открыл дверь в большое помещение и прокричал через громохание приборов: – Я хотел бы знать, что такое Эмили! Что это обозначает? Кто знает это: Эмили?

Он получил ответ из угла, где сидел человек, который собирал все, что он мог узнать из японских радиogramм о новых типах самолетов, их вооружении и первых попытках использования радиолокаторов. Сын дипломата, который учился в университетах Англии и Франции, и для которого криптография была таким же хобби, как и собирание моделей самолетов. В очках, похожий на учителя старших классов. Первое впечатление было обманчивым, это был человек удивительной находчивости и аналитических способностей. И у него была европейская тренировка. Там он знал некоторых видных криптографов. Теперь он закричал Рошфору: – Если речь идет не о проститутке из Вайкики, то Эмили – это наше кодовое наименование «Каваниси» H8K1!

Больше ему ничего не нужно было объяснять, Рошфор, услышав одно это слово, все прочее тут же извлек из своей памяти. И в этот момент произошло чрезвычайно важное предварительное решение для выяснения того, что планировали японцы: «Каваниси» Н8К1 был выпускающейся в Конане вблизи от Кобе четырехмоторной летающей лодкой японцев. Еще новый тип, который был впервые применен в марте этого года. Огромная летающая лодка, обладавшая скоростью примерно 400 км/ч, умевшая подниматься до 5000 метров и пролетать расстояния до 5000 километров, была одним из самых удивительных творений японской авиапромышленности.

В марте три этих самолета, взлетевшие с Кваджалейна на Маршалловых островах, появились над Оаху и сбросили бомбы. Плохую облачную погоду нужно было благодарить за то, что они больше не причинили вреда. Однако интересно было то, что военно-морская разведка установила, что летающие лодки летали от Кваджалейна до группы коралловых рифов к юго-востоку от Мидуэя, которые были указаны на морских картах как «Риф французских фрегатов» (Френч-Фригат-Шолс). Там их ждала японская подводная лодка и заправила их. Служба опознавания самолетов дала еще относительно малознакомому самолету «Каваниси» Н8К1 обозначение «Эмили» (EMILY). Затем из расшифрованных радиogramм узнали, что место заправки указывалось как находящееся приблизительно в 1200 километрах к юго-востоку от «точки AF». Следовательно, «точкой AF» был Мидуэй.

- И вместе с тем, – говорил, потирая руки, Рошфор молодому энсину с прыщавым лицом, – у нас был бы Мидуэй в почти каждой японской радиogramме последних дней, закодированной новым шифром. Давайте исследовать это дальше...

Они нашли опорную точку. Начало было положено. Теперь можно было систематически продолжать работу.

Двумя часами позже Рошфор открыл озадаченному Лейтону, что Мидуэй, под кодовым наименованием «AF», является главной целью, последующими целями («AL», «AO» и «AOB») определенно были Алеутские острова. Речь шла о Датч-Харборе, Атту и Кыске. Перехваченный радиообмен между находящимися в полной готовности японскими кораблями постоянно давал новые сведения о плане нападения.

Лейтон тогда пришел на вызов Рошфора не один, он привел молодого капитана, который представился как особый уполномоченный Нимица. По приказу адмирала он должен был играть – в отличие от Лейтона, который только иногда появлялся в подвале – роль постоянного связного между людьми «Нуро» и адми-

ралом лично, и днем, и ночью. Он должен был немедленно передавать адмиралу даже самую незначительную новую информацию. С другой стороны – как только кто-то из «Нуро» нуждался пусть даже только в маникюрных ножницах, или у него урчало в животе, капитан должен был немедленно позаботиться о помощи. Рошфор также сразу поручил ему приобретение пива. Здесь внизу было душно; кондиционера не было, и постоянно работающие устройства добавляли еще больше тепла к и так совсем не низкой наружной температуре. На Рошфора капитан произвел впечатление умного человека, не бюрократа, однако он, разумеется, в случае сведений, которые он передавал Нимицу, настаивал на точных доказательствах. Но Рошфор еще не мог дать точные доказательства обо всем. Многие были как раз предположением. Также интерпретация «АФ» еще не была подтверждена, в принципе.

Когда молодой капитан упомянул об этом, Рошфор немедленно сделал ему предложение: – Вы как раз сказали то, о чем я думаю, мой друг! Мне тоже нужна уверенность. Только ее иногда можно достигнуть лишь с помощью маленького трюка. Можете ли вы взять на себя ответственность за то, что мы придумаем такой трюк?

Капитан не колебался, он получил от Нимица широкие полномочия. Итак, он попросил Рошфора точно рассказать ему, чего тот хотел, и затем широкая улыбка появилась у него на лице. В то время как Лейтон держался несколько в стороне, он усердно кивал. – Мы в точности сделаем это, командер! Превосходно придумано! Я сейчас же все начну...

Маленький трюк состоял в том, что самолет связи передал коменданту Мидуэя, командеру Сайрилу Симарду, тайный приказ. Сразу после этого радиостанция Мидуэя по поручению коменданта передала в Пёрл-Харбор открытым текстом радиogramму, которая сообщала о поломке опреснительной установки. С тех пор Рошфор непрерывно сидел рядом с человеком, который прослушивал передачи японских станций. В расшифровке нового кода был достигнут уже очень значительный прогресс. И теперь маленький трюк Рошфора принес уверенность, которую ждали его начальники, прежде всего, в Вашингтоне, и которые довольно часто сомневались в правильности развединформации, предоставляемой группой Рошфора.

Через два часа после сообщения из Мидуэя из Японии на готовые к отходу корабли отправилась радиogramма, в которой сообщалось, что десантные части должны учитывать, что на объекте АФ была нехватка питьевой воды. Молодой капитан стремительно выбежал из подвала и сообщил об этом Нимицу. Тот со своей стороны поднял по тревоге коменданта Мидуэя и приказал привести все

имеющиеся в распоряжении корабли американского Тихоокеанского флота в состоянии полной боевой готовности.

Подводные лодки двинулись на позиции, которые лежали в полукруге к западу от Мидуэя. То, что дислоцировалось в Пёрл-Харборе, готовилось к бою и к выходу в море. Авианосной группе адмирала Хэлси, которая находилась на последнем этапе возвращения из южной части Тихого океана, где она опоздала на сражение в Коралловом море, был отдан призыв поторопиться.

Авианосная группа адмирала Флетчера, которая из-за сильных повреждений на «Йорктауне» на несколько дней стала на якорь в гавани островов Тонга, чтобы, по крайней мере, заделать пробоины в бортах, образовавшиеся из-за попадания торпед, находилась уже в пути на север. Также ей еще раз напомнили о необходимости поспешить. На Мидуэй Нимиц уже после первого подозрения отправил новые подкрепления. Нимиц действовал осмотрительно и избегал всякого риска. И все же главнокомандующий оставался пока еще гибким в своем планировании. Пока не было точных знаний о фактическом курсе японцев, нужно было считаться и с тем, что все это дело с «AF» могло внезапно оказаться трюком противника, и на самом деле японцы двигались на сам Пёрл-Харбор, что было для них вполне возможно. Итак, Нимиц сначала еще позаботился о том, чтобы все принятые для Мидуэя мероприятия могли бы, в крайнем случае, очень быстро быть переориентированы на Пёрл-Харбор.

Рошфор не замечал никаких признаков того, что Пёрл-Харбор приводили в повышенную боевую готовность, он больше не выходил из своего подвала. Поэтому он не мог проследить, как новые соединения бомбардировщиков B-17, которые прибывали сюда с американского Западного побережья, постоянно летели дальше на Мидуэй, так же, как и новые большие летающие лодки типа РВУ «Каталина», направлявшиеся на Мидуэй, чтобы создать там систему дальней авиационной разведки над всем районом моря к западу от этого острова. Он не видел, как уходили на Мидуэй транспортные суда с оборонительными материалами – от лопат и рогаток до орудий. Истребители перевозились на Мидуэй морем, даже несколько легких танков Нимиц отправил туда.

Джо Рошфор в эти последние дни мая выглядел еще более невыспавшимся, изголодавшимся и неряшливым, чем его знали и до того – он работал круглые сутки и всегда спал лишь несколько часов в своем кресле с подголовником, когда сон буквально одолевал его. Все же, наконец, его трудоспособность и коллективная работа его хорошо сработавшихся людей принесла успех. Они смогли расшифровать новый код. И 26 мая Рошфор смог доложить об этом Нимицу. Он принял душ, побрился, причесал спутавшиеся волосы и надел форму. У него было странное праздничное настроение, когда он стоял напротив адмирала, ко-

торый протянул ему руку и попросил присесть, у Нимица вовсе не повседневный жест.

- Сначала устно, – потребовал адмирал, игнорируя документы, которые Рошфор предложил ему. Рошфор и без того знал наизусть то, что он представлял; он жил в числах, данных, определениях курса.

- Вчера вечером, – начал он, – японское адмиралтейство отправило самую важную радиogramму всем кораблям, которые предусмотрены для акции. Теперь у нас есть подробности о практически всех аспектах планирования. Согласно им нападение нужно ожидать в первой неделе июня. Акция носит кодовое наименование MI. Десантные части прибывают из Сайпана численностью примерно 5000 человек. Адмирал Нагумо возглавляет авианосное соединение, которое должно бомбить Мидуэй, чтобы тот не оказал сопротивления десанту. 4 июня предусмотрено для этого. Разумеется, отклонения возможны, если погода окажется слишком неблагоприятной. Дата могла бы тогда сдвинуться назад. Через двадцать четыре часа после подготовки должна произойти высадка. Акция на юге прикрывается группой прикрытия и флотилией тральщиков под командованием адмирала Куриты. Адмирал Кондо возглавляет десантные войска. На севере операция прикрывается основным соединением с линкорами. Здесь командует Ямамото лично. Эта группа должна также нанести главный удар, как только появятся наши силы...

- Не авианосцы Нагумо?

- Странно, но нет, сэр. Также на это я обратил внимание. Вопреки своим замечательным успехам с авианосными самолетами японцы вновь делают ставку на тяжелую корабельную артиллерию. Это может иметь две причины. В Коралловом море они потеряли много самолетов и пилотов. Они должны быть заменены пополнением. Но в японском адмиралтействе всегда были расхождения во мнениях о том, можно ли полностью заменить корабельную артиллерию воздушными силами. Я считаю, что эти дискуссии еще не закончились, поэтому мы внезапно вновь сталкиваемся с линкорами как главной ударной силой. Разумеется, мы не можем забывать, что авианосцы Нагумо, естественно, также вмешаются в любое время в морской бой...

- Очень логичная мысль. Что с Алеутскими островами?

Рошфор покачал головой. – Отвлекающий маневр, который должен сбить нас с толку, сэр. Разумеется, нельзя не обратить внимания на то, что там наверху уже тоже должны быть созданы базы. Японцы хотят открыть себе шансы для более поздних операций в направлении Аляски и одновременно создать барьер, кото-

рый разделит нас с Советами именно там наверху на севере. Причем мне, однако, не ясны более глубокие намерения, так как русские не воюют с Японией. Впрочем, отправленные к Алеутским островам японские силы очень ограничены...

- Наши силы там наверху тоже ограничены, – напомнил Нимиц. Потом он потянулся за документами; пока он читал, он вспомнил о пожелтевших от никотина кончиках пальцев Рошфора, и он неожиданно произнес: – Вы можете курить, командер!

То, что читал адмирал, ошеломляло. Враг развертывал армаду, которую никак нельзя было недооценивать. Одиннадцать линкоров и восемь авианосцев, к ним еще двадцать три крейсера и более шестидесяти эсминцев. Примерно девяносто вспомогательных судов, затем десантные катера и малые корабли. Количество авианосных самолетов оценивалось сотнями. Что мог использовать против этого американский Тихоокеанский флот? Если мы наскребем все, и при условии, что оба соединения из южной части Тихого океана придут вовремя, у нас наберется лишь три авианосца, два линкора, дюжина крейсеров и от тридцати до сорока эсминцев и фрегатов.

Адмирал задумался. Без сомнения, это должно было быть той самой решающей битвой на море, о которой давно говорила японская пропаганда, и которую Япония, по мнению ее военных, выиграла бы именно потому, что противник в настоящий момент ей безнадежно уступал. Но – так думал адмирал – поражение нельзя допустить! Последствия почти невообразимы, если Японии удастся интегрировать Мидуэй в систему своих баз на Тихом океане и оттуда сделать Гавайские острова мишенью для своих бомбардировщиков сухопутного базирования.

Вместе с тем была бы утрачена центральная часть Тихого океана. Если подумать дальше, то Австралия, естественно, оставалась в качестве трамплина. Но – насколько безопасными были бы еще морские пути из США в Австралию, если к северу от них японцы обладали бы почти неограниченным господством на море и в воздухе? Из своих бесед в Вашингтоне Нимиц знал, что – как только необходимые силы были бы собраны – удар по Японии должен был наноситься преимущественно из южной части Тихого океана. Но предпосылкой этого было то, что военный вес США в центральной части Тихого океана, в существенной степени основывающийся на Гавайях и Мидуэе, ни в коем случае не должен был стать отрицательным. Нет, это был час, в который вызов противника следовало отразить, так как за этим стоял вопрос о выживании. Хорошо, думал адмирал, мы будем сражаться. В Коралловом море мы сражались успешно. Сможем ли мы повторить этот успех здесь? Нанести им удар, который не подпустил бы их к нам, пока мы не готовы к большому контрнаступлению? Пока корабли сериями

не придут из наших доков, новые авианосцы, пока у нас не будет гораздо больше бомбардировщиков В-17, более быстрых истребителей...?

- Вы прекрасно поработали, командер, – сказал он Рошфору. Он погасил свою выкуренную только наполовину сигарету и поднялся. – Намерение операции Ямамото довольно ясно. Он хочет ударить по Мидуэю. При этом его главные силы остаются, вероятно, на заднем плане, и с ними он бросится на нас тогда, когда мы придем на помощь Мидуэю. При его перевесе он рассчитывает на быстрый успех, с двух точек зрения. Не говоря о том, что удар на север, вероятно, создаст ему трамплин на Алеутских островах...

Он подал Рошфор руку. – Спасибо, командер. Передайте благодарность также вашим людям. То, что сделали вы и ваши люди, само по себе еще не гарантирует нашу победу, но это дает нам шанс действовать умнее, чем этого ожидают от нас Нагумо и Ямамото.

27 мая в утреннем сумраке корабли авианосного соединения Тэйти Нагумо подняли якоря в Хасирадзиме. Сначала крейсера «Нагара», «Тонэ» и «Тикума», одиннадцать эсминцев сопровождения, затем линкоры «Харуна» и «Кирисима», наконец, авианосцы. Нагумо держал флаг на «Акаги». За ним следовали «Хириу», «Сорю» и «Кага».

На мостике «Акаги» адмирал торжественно поднес руку к козырьку: это был не обычный день, а день тридцать седьмой годовщины победы над русским флотом в Цусимском проливе. Хорошее предзнаменование для отплытия!

Один день спустя из Оминато, одной из северных гаваней, вышли корабли, которые двигались к Алеутским островам. Сайпан сообщил адмиралу Ямамото, что транспорты с войсками для захвата «АФ» были в пути, включая их конвой. Из Гуама пришло сообщение, что тяжелые крейсера адмирала Такэо Куриты, «Микума», «Могами», «Комани» и «Судзюя», вышли из порта.

Наконец, 29 мая, из Хасирадзимы последовали пять тяжелых крейсеров адмирала Нобутаке Кондо, легкий авианосец «Дзуйхо», два линкора и один эсминец. За ними следовали основные силы Ямамото, сначала семь линкоров, первым шел флагманский корабль «Ямато» с его гигантскими орудиями, легкий авианосец «Хосё» и конвойные авианосцы, окруженные эсминцами. Операция Мидуэй началась.

Уединенный риф

В день, когда Джо Рошфор решил загадку «AF», «Энтерпрайз», идущий из южной части Тихого океана, появился на горизонте, в сопровождении своих крейсеров и эсминцев, которые все вместе образовывали Task Force 16, оперативную группу 16, которой командовал адмирал Хэлси, прозванный его подчиненными «Бык Хэлси», пожалуй, из-за его иногда действительно грубых и шумных манер. В офицерской столовой военно-морского флота уже накрывали стол для приветственного обеда, когда начальник обслуживающего персонала получил информацию, что трапеза отменяется. На его удивленный запрос он узнал только, что адмирал Хэлси, ради которого и готовился прием, заболел.

Адмирал в своей каюте как раз готовился сойти на берег, что давалось ему в некоторой степени тяжело. Где бы его одежда ни прилегала к телу, кожа чесалась, краснела, вскоре сильно болела. Хэлси страдал от этого уже много дней, и он с трудом старался и дальше нести свою службу как прежде, но было видно, что он больше не справлялся с этим. Корабельный врач колот ему витаминный препарат, предписал порошок и лечебные ванны. Но все это не помогало. И Хэлси даже не мог точно узнать от своего корабельного врача, чем, собственно, он заболел. Доктор лишь сказал ему, что это мог быть опоясывающий лишай, но этот диагноз стоял на слабых ногах, так как картина сыпи не совсем соответствовала известному при опоясывающем лишае образцу. Когда врач еще предписал Хэлси мази с ужасным запахом, которыми он должен был мазаться днем и ночью, адмирал пригрозил, что переведет его на другой корабль. Болезнь оставалась загадкой. Хэлси больше не спал, вместо еды он мог только лишь пить жидкости, стал упрямым и усталым. Теперь ему предстоял рапорт, с которым он должен был явиться к главнокомандующему, и он чувствовал, что, помимо других проблем, у него начался также сильный жар. Как только «Энтерпрайз» причалил к пристани Форд-Айленда, Хэлси сошел с борта и отправился к зданию CINCPAC (главнокомандующего на Тихом океане).

Нимиц принял его не совсем неподготовленным. Слух о том, что командир Task Force 16 заболел, уже дошел до него. Корабельный врач уведомил отделение санитарно-медицинской службы на суше, что он не мог ручаться, что кожная болезнь Хэлси не была заразной.

- Спасибо, адмирал, – сказал Нимиц, когда выслушал рапорт Хэлси. – Вы действовали в южной части Тихого океана умно и с заслуженным успехом. Но теперь вы больны, и я не могу поручить вам новые, и весьма безотлагательные задачи. Согласны? Когда Хэлси медлил, Нимиц обратил его внимание: – То, что предстоит вашему авианосцу, вы не выдержите. Я приказываю вам отправиться в военный госпиталь и после выздоровления снова вернуться на службу. Но я

вас пока не отпускаю. Назовите мне подходящего человека, который мог бы командовать Task Force 16 вместо вас. В очень решающем бою...

- Я... – начал Хэлси, но Нимиц махнул рукой.

- С вами вопрос уже решен. Вопрос касается вашего предложения о командующем группы.

Тут Хэлси понял, что здесь уже ничего не поделаешь. В принципе, Нимиц был прав; в его нынешнем состоянии Хэлси не смог бы выполнять новую задачу в открытом море. Он думал не долго, и назвал Нимицу человека, которого он мог представить себе во главе Task Force 16.

- Я предлагаю командира моей группы крейсеров и эсминцев сопровождения контр-адмирала Спрюэнса.

- Осмотрительный человек?

- Опытный и осмотрительный, таким я его знаю, – ответил Хэлси. У него снова чесалось всюду, по всему телу, ему так хотелось почесаться, но он не решался на это в присутствии главнокомандующего.

Нимиц кивнул. – Я согласен. Я сам сообщу об этом Спрюэнсу. А вы отправляйтесь в госпиталь и доложите о себе там главному врачу Хайтаэру.

Контр-адмирал Рэймонд Эймс Спрюэнс был еще на своем флагманском корабле «Нортхэмптон», когда ему передали приказ явиться к Нимицу. Когда он выслушал решение адмирала, он сглотнул и попросил разрешения высказаться: – Сэр, я очень польщен этим доверием. Но я должен упомянуть о моем очень незначительном опыте с авианосцами. Я служил лишь на других кораблях. Пожалуйста, подумайте еще раз над этим, сэр.

- Уже подумали, – пояснил ему Нимиц. Хэлси назвал этого более молодого офицера способным, а для него этого достаточно, так как тот, кого адмирал считал способным, тот и был способен. – Вы становитесь командиром Task Force 16, Спрюэнс. На борту «Энтерпрайза» есть отлично сработавшийся и знающий свое дело штаб адмирала Хэлси, он облегчит вам работу. А у «Хорнета» есть Митчер, отличный командир. «Хорнет» будет включен в вашу группу...

Он попросил Спрюэнса подойти к карте и проинформировал его о том, что за это время узнало командование о японских намерениях относительно Мидуэя. Как обычно поступал Нимиц, он сначала осведомлялся о предложениях своего

собеседника, прежде чем отдать приказ. Так оба моряка некоторое время размышляли, было ли бы целесообразно расположить оперативную группу к западу от Мидуэя, чтобы она смогла перехватить приближающихся оттуда японцев. Против этого были те обстоятельства, что американские силы состояли преимущественно из авианосцев, оружием которых были лишь их самолеты, если не говорить о вооружении меньших кораблей сопровождения и их собственных зенитных пушках.

С точки зрения артиллерии они безнадежно уступали тяжелым японским линкорам Ямамото. Однако самолеты можно было с хорошими шансами на успех применить против больших кораблей на расстоянии нескольких сотен километров, и не было необходимо при этом подвергать опасности сами авианосцы, они могли оставаться на большой дистанции. Вторая причина состояла в том, что Нимиц все еще считал возможным обманный маневр японцев: что было бы, если они в короткий срок изменят свой курс и атакуют Пёрл-Харбор вместо Мидуэя? Чтобы быть в равной степени подготовленным к обеим возможностям, представлялось разумным разместить Task Force 16 лучше к северо-востоку от Мидуэя. Также «Йорктаун», который еще не вернулся из Кораллового моря, был бы после самого необходимого ремонта отправлен в этот район моря. Нимиц определил там место встречи и дал ему условное обозначение «Пойнт-Лак».

Он одновременно приказал, чтобы адмирал Флетчер, который с «Йорктауном» направлялся в Пёрл-Харбор, как старший по званию взял на себя командование обеими оперативными группами, Task Force 16 Спрюэнса, в которую входил, кроме «Энтерпрайза» и кораблей сопровождения, также «Хорнет», и Task Force 17 с «Йорктауном», флагманским кораблем Флетчера, вместе с сопровождением.

Спрюэнс сразу отправился на свой новый корабль. На «Энтерпрайзе» с напряжением ждали, как проявит себя новый командир, но потом оказалось, что Спрюэнс, который до сих пор никогда не служил на авианосцах, очень быстро ознакомился со всеми деталями своей новой функции и при этом охотно и внимательно слушал, когда опытные офицеры авианосца разъясняли ему подробности. Он не скрывал своего недостатка отдельных знаний, это вызывало к нему симпатии со стороны штаба Хэлси. В целом люди на авианосце посчитали, что с «новичком», пожалуй, можно сработаться.

Акватория порта была полна небольших судов, которые доставляли запасные части, топливо, продовольствие, боеприпасы и тысячи других вещей на тяжелые корабли Task Force 16. Всюду царил шум, который был здесь знаком с эпохи подготовки к большим морским маневрам прошлого. Тендеры грохотали день и ночь по темной водной поверхности, подвозили ящики и тюки, корзинки с

овощами, коробки с яйцами, перевязочный материал, огнетушители, пулеметные ленты и бесчисленные другие вещи, пока бригады ремонтников устраняли мелкие дефекты, которые всегда появляются в дальних плаваниях, все равно, пришлось ли кораблю вынести бой, или же он просто патрулировал. Это был стук молотков и шипение, сигналы и крики, из которых каждый на суше мог понять, как прилежно здесь работали. Все же, эта атмосфера сгустилась еще больше.

Во второй половине дня 27 мая поврежденный «Йорктаун» с его сопровождением дохромал до гавани. Авианосец все еще оставлял за собой в воде нефтяной след. Прежде чем команда смогла сойти с борта, он уже пришел в сухой док, где целая рать рабочих набросилась на него: сварщики и клепальщики, жестянщики, электрики, столяры. С ними пришел и адмирал Нимиц лично, чтобы проверить повреждения, которые были исправлены только временно. Борта с пробоинами нужно было заваривать заново. Это уже было не так сложно. Большого труда требовало исправление повреждений, нанесенных бомбой, пробившей несколько палуб. Здесь возникли значительные разрушения. Нужно было отремонтировать люки и шпангоуты, не забывая о подъемниках, которые служили для подъема самолетов на палубу. Флетчер думал, что понадобится несколько недель стоянки в доке.

- Три дня и три ночи, – разрешил ему Нимиц, у которого он появился с докладом. Главнокомандующий разъяснил командиру Task Force 17 ситуацию и немедленно сообщил ему, что он вместе со Спрюэнсом и его Task Force 16 представлял собой все, что США в данный момент могли использовать в Тихом океане против японской операции. Затем он поговорил с ним о новых самолетах, которые он должен был получить, чтобы восполнить потери после боев в Коралловом море, и о тактических аспектах ожидающегося боя: – С неизвестной противнику позиции, к северо-востоку от Мидуэя, нанести его кораблям максимально возможные потери, прежде всего, атаковать его авианосцы, значительно уменьшить силы его авиации, и по возможности с небольшими собственными потерями. Наши корабли могут подвергаться риску нападения только тогда, если у нас будет шанс нанести противнику более высокие потери, чем понесем мы сами. У нас есть подводные лодки в данном районе, они должны охотиться за авианосцами, Мидуэй нужно защищать. Мы применим для этого еще дополнительные силы, бомбардировщики сухопутного базирования с аэродрома Хикэм-Филд. Вы найдете общий язык со Спрюэнсом?

Важный вопрос, хотя и поставленный как бы мимоходом.

- Я знаю Спрюэнса, – ответил Флетчер. – Считаю его способным человеком.

В его устах это значило много. Флетчер был известен своими строгими критериями.

Часом позже он встретился со Спрюэнсом на «Энтерпрайзе», и он мягко улыбнулся тому, что его собеседник еще не ориентировался в каюте Хэлси, он нашел виски и лед только после довольно долгого поиска.

«Йорктаун», когда наступила ночь, был полностью освещен. В полной противоположности нескольким районам Гонолулу, где снова не было тока. Он был выключен, чтобы газорезки и сварочные аппараты на тяжело пострадавшем авианосце могли работать в полную силу.

В «подвале» офицер связи Нимица сообщил Рошфору, что началось определенное особое мероприятие в районе Рифа французских фрегатов. Рошфор был доволен, что адмирал принял его инициативу. Целью мероприятия было выяснить, было ли оправдано высказанное им подозрение, что японцы могли бы повторить в районе этого рифа кое-что, что им уже однажды удалось...

28 мая, еще до полудня, Спрюэнс с его Task Force 16 покинул Пёрл-Харбор. Девять эсминцев, шесть крейсеров, танкеры и другие вспомогательные суда, а также оба авианосца «Энтерпрайз» и «Хорнет».

В это время ремонтные бригады на «Йорктауне» еще непрерывно работали. Флетчер предписал, чтобы к работе подключились все имеющиеся в распоряжении моряки, это значило, что им отказали в увольнении на берег. Сваривались новые стальные плиты, устанавливались балки, уплотнялись люки. На палубе еще видно было место попадания, но его должны были бы закрыть только тогда, когда внутри корабля все было бы снова в некоторой степени приведено в порядок.

Это случилось уже следующим утром. Конечно, ремонт носил только временный характер. Но он сделал «Йорктаун» боеспособным в этой критической ситуации. Для косметики, как выразился Флетчер, сейчас не было времени. К полудню буксиры вытащили авианосец из заполненного водой дока в акваторию порта. Машины и рули прошли проверку. Затем тендеры стремительно носились туда-сюда и снабжали огромный корабль всем нужным для похода. В Канеохе, на авиабазе, комплектовались новые эскадрильи, которые должны были восполнить потери на «Йорктауне». Они должны были вылететь, как только авианосец будет в море, и сесть на него. Это произошло следующим утром. Task Force 17 покидала гавань, условно готовый к бою «Йорктаун» с двумя крейсерами, танкерами и вспомогательными судами, окруженными пятью эсминцами сопровождения. Теперь все, что Нимиц мог послать навстречу врагу, было в море.

Риф французских фрегатов лежал довольно точно на тропике Рака. Коралловые атоллы, населенные морскими птицами, в продолжении цепи Гавайев к их самой северной точке Мидуэю. Они находились на удалении от Пёрл-Харбора примерно 1000 километров, до Мидуэя от них было еще 1200 километров. Здесь не было растительности. Местами вода лишь чуть-чуть открывала рифы.

В другом месте они, покрытые зубцами наросты, поднимались над водной поверхностью. Между ними лежали тихие лагуны, из которых не у всех был выход в открытое море; они были похожи на лужи, в которых резвились ярко окрашенные рыбы.

В одной из этих лагун плавало уже несколько дней то, что адмирал Нимиц назвал «особым мероприятием». Помня о том факте, что эта местность в марте послужила трем летающим лодкам «Каваниси» японцев в качестве места промежуточной посадки, где их заправили с подводной лодки, Нимиц, по совету Рошфора, приказал приводниться здесь одной из больших американских летающих лодок РВУ «Каталина» с приказом оставаться здесь и ничего больше не делать, кроме как просто находиться здесь. Если противник захочет снова – как уже было в марте – заправить здесь свою летающую лодку, то присутствие РВУ сбilo бы его с толку, вероятно, даже заставило бы отказаться от своего намерения.

Рошфор считался с тем, что на этот раз это мог быть самолет-разведчик, который хотел бы в полете над Пёрл-Харбором удостовериться в том, стоял ли там американский флот на якоре, ничего не подозревая. Ему показалось целесообразным оставить противника в неведении об этом, ни в коем случае не дать ему прежде времени узнать, что флот вышел в море. Итак, самолет-амфибия РВУ стоял здесь на якоре, слегка покачиваясь на мягкой зыби. И вскоре оказалось, что это мероприятие попало точно в цель.

Вокруг рифов по очереди появились три перископа подводных лодок – замеченные экипажем РВУ. Никаких сомнений, что это были японцы. Они мало что могли сделать РВУ. Торпеды были бесполезны между рифами, все три командира японских подлодок понимали это. Можно было бы всплыть и потопить мешающую американскую летающую лодку артиллерийским огнем. Но это определенно выдало бы присутствие японских подводных лодок. У американцев были радиостанции; в одну секунду сообщение об огневом нападении было бы в Пёрл-Харборе. А у командиров подлодок был категорический приказ не привлекать к себе внимание. Ни в коем случае!

Эти три лодки принадлежали к устроенной Ямамото «завесе», которая должна была своевременно сообщать о движении американского флота из Пёрл-

Харбора. Только количество использованных подлодок было недостаточным, чтобы гарантировать полный контроль, в то время как Ямамото все-таки полагался именно на подлодки. Все же, к этому еще добавилось то, что эти три лодки были отвлечены со своих мест расположения для особого задания у рифов. Они должны были заправить здесь – как Рошфор и предполагал – две летающие лодки, которые незадолго до нападения на Мидуэй должны были осуществлять дальнюю разведку до Пёрл-Харбора, чтобы своевременно информировать японское командование о перемещениях американцев. Как и в марте, для этого задания были предусмотрены «Каваниси» Н8К1, которые взлетали из гавани в Кваджалейне, на Маршалловых островах, примерно в 4000 километрах к западу от Пёрл-Харбора.

И теперь там находилась эта американская летающая лодка! Что здесь произошло? Вынужденная посадка на воду? Судя по внешнему виду РВУ, самолет не был поврежден. Сломался двигатель? Эти самолеты-амфибии летали на одном моторе еще дальше до дома! Японцы посчитали присутствие РВУ тревожным, тем более что у самолета наверняка была связь по радио с Пёрл-Харбором. Итак, главная подлодка появлялась каждую ночь снаружи на море, на безопасном удалении, и по радио вынуждала станцию в Кваджалейне дать ответ на вопрос, придут ли собственные летающие лодки ввиду неожиданного присутствия американцев.

Целыми днями они не получали ответа. Наконец, только в ночь с 30 на 31 мая поступила радиограмма: «Каваниси» не прилетят, их действия были отменены из-за американского присутствия на рифах.

Для двух японских подводных лодок, которые появились ночью вне зоны видимости сидящих с сигаретами в зубах на крыльях РВУ американцев и связались между собой, это значило возвращение на их позиции в «завесе» к востоку от Мидуэя. У третьей лодки был приказ лечь в засаду прямо перед Мидуэем. Это была I-168.

О том, что теперь нельзя было осуществлять дальнюю авиаразведку большой американской базы Пёрл-Харбор, командиры подлодок особо не думали – для них действовал приказ прекратить операцию. Но они также не задумывались и о том, что между тем за морем к востоку от рифов целыми днями можно было наблюдать только с помощью их перископов. А у перископов было лишь очень ограниченное поле видимости. В любом случае две американские оперативные группы, группа Спрюэнса и группа Флетчера, давно прошли мимо рифа и независимо друг от друга двигались к той далекой точке в океане к северо-востоку от Мидуэя, которую Нимиц окрестил Пойнт-Лак, «Точка удачи».

Адмирал Ямамото ничего не узнал об этом. Пока он со своими силами приближался с запада, он ошибочно полагал, что оставшийся американский флот все еще находится в Пёрл-Харборе. Он предполагал, что американцы скорее постараются спрятать свои последние корабли в безопасной гавани, чем подвергнуть их в открытом море ударам японцев, тем более, что они также при последнем столкновении в Коралловом море не смогли одержать однозначную победу. При этом дело вовсе не обстояло так, что адмирал Ямамото недооценивал ценность дальней разведки, нет – Кваджалейн вообще не сообщил ему, что летающие лодки «Каваниси» не взлетали. Там полагались на неосведомленность американцев, не хотели совершить какую-нибудь ошибку, открыв в рифах стрельбу. И так противники сближались друг с другом. Но только один из них, а именно американцы, знали, что враг движется им навстречу.

Между тем авианосное соединение адмирала Босиро Хосогая 3 июня приблизилось к Алеутским островам на дистанцию использования самолетов. Оба десантных соединения были готовы. С авианосцев «Рюдзё» и «Дзюньё» взлетели бомбардировщики, которые атаковали американскую базу Датч-Харбор на расположенном восточнее острове Уналашка. Они нанесли там некоторый ущерб, но на базе было совсем мало солдат, и она и без того не смогла бы вмешаться в бой вокруг западных островов этой цепи, Атту и Кыска. А как раз они и были целью японских десантных войск. Американские солдаты были только на Кыске, а именно один лейтенант и десять солдат. Отделение охраны без тяжелого оружия. Они были взяты японскими десантными подразделениями в плен после короткого боя.

Для более длительного эффективного сопротивления здесь не было никаких предпосылок. На Атту вообще не было американских войск. И здесь, так же, как и в Кыске, чуть больше одной тысячи японских морских пехотинцев сошли на берег. Они разыскали там примерно три дюжины местных жителей, эскимосов, а также американскую супружескую пару миссионеров. Женщина попыталась совершить самоубийство. Она, как и ее муж, который был на острове еще и учителем, была арестована японцами и вместе с жителями тут же отправлена на корабле в Японию. На этом операция по захвату Алеутских островов закончилась.

Боевое соединение крейсировало еще дальше в районе островов, готовое предотвратить возможные американские контрудары, пока десантные войска строили там оборонительные позиции. Но американцы не торопились, никаких атак не происходило. Лишь самолеты-разведчики с определенными промежутками появлялись в небе.

Адмирал Ямамото, похоже, по-настоящему не доверял такой быстрой внезапности на Алеутских островах. Он приказал части его боевой группы изменить курс в направлении северо-востока, в то время как он сам оставался на западном курсе. Так отделившееся соединение, состоявшее из четырех линкоров, двух крейсеров и нескольких эсминцев, возглавляемое адмиралом Сиро Такасу, двигалось в какой-то мере между основными силами Ямамото и боевой группой Алеутских островов, готовое усилить одну или другую позицию, в зависимости от ситуации.

В то время как все это происходило, Task Force 16 контр-адмирала Спрюэнса уже шла северным курсом мимо Мидуэя, на значительном расстоянии от нее следовала Task Force 17 Флетчера с «Йорктауном». Обе группы не были обнаружены ослабленной завесой японских подводных лодок. Таким образом, адмирал Ямамото, так же, как и командир ударного авианосного соединения адмирал Нагумо, шли в бой с представлением, что противник абсолютно ни о чем не догадывается, что его там вообще нет, за исключением самого Мидуэя, откуда авиаразведка сообщала об окопных работах и усилении готовности к обороне. Но эти действия американцев не приписывали, тем не менее, раскрытию ими японских наступательных планов. И военные стратеги Японии ничего также не узнали о том, что по настоянию Нимица 1 июня вышли два линкора из Сан-Франциско и авианосец «Саратога» из Сан-Диего на Западном побережье США, взяли курс на Мидуэй, где они должны были поддерживать силы, которыми здесь командовали Флетчер и Спрюэнс. Они прибыли бы слишком поздно для боя, разумеется, но этого участники не могли знать...

Песок и кораллы

Тот, кто хоть раз нырял в южных морях, тот знает про кораллы, которые представляются разросшимся кустарником, который, отмирая, окаменевает, становится хрупким и белым. Но раньше, напротив, под водой, иногда таинственно освещенные солнцем, коралловые леса часто предстают во множестве цветов. Зеленый, красный, синий, лиловый, в редких случаях черный цвет, все это оттенки на палитре. Над водной поверхностью, где кораллы медленно высыхают, море своими волнами, накрывающими их, только на определенное время еще поддерживает в них остаток жизни. И именно волны бурного моря осаждают мириады песчинок наносного песка в пористом лабиринте отмирающих кораллов, укрепляют их этим песком, создают поверхности, которые, наконец, как нарост поднимаются над водой. Века, вероятно, тысячелетия делают из таких рифов крохотные острова. Морские птицы со своим пометом оставляют на них непереваренные зернышки, из которых появляется растительность, сначала скудная, потом разрастающаяся. Прилив приносит кокосовый орех, он прорас-

тает в смеси кораллов и песка, и вырастает стройная пальма. С нее самой когда-то падают орехи, вырастают новые пальмы... таинственный акт творения совершается в прозрачных, обусловленных природой процессах.

Мидуэй был таким островом из песка и кораллов. Собственно говоря, их было два: Сэнд-Айленд и Истерн-Айленд, лежащие бок о бок, почти по кругу окруженные рифом, из кораллов, верхушки которых поднимались над поверхностью воды. Они окружали спокойный водоем, лагуну. Здесь, благодаря рифу, уже не было волн, здесь могли становиться на якорь большие корабли, которым было достаточно глубины, и которые знали проход через риф. Небольшим кораблям и катерам лагуна обеспечивала безопасность от волнения на море, которое так и называли тихим: Тихий океан.

Сэнд-Айленд и Истерн-Айленд были крохотными точками в океане. Длина одного из них составляла полтора километра, другого три километра, ширина в самом узком месте не достигала даже километра, они состояли из частично укатанных твердых кораллов, песка, лишайников и сорной травы. Птицы прилетали сюда с расположенных южнее островов цепи Гавайев. И человек прибыл сюда, в виде американцев, которые построили на Сэнд-Айленде укрепления, огневые позиции, командные бункеры и казармы для солдат. На Истерн-Айленде саперы флота построили взлетно-посадочную полосу для самолетов, приблизительно равнобедренный треугольник из утрамбованной коралловой поверхности, с которого могли взлетать и садиться даже тяжелые бомбардировщики, причем при любом ветре. По краям были построены укрытия для более чем ста самолетов. Строили их потеющие, проклинаящие все на свете американские солдаты, для которых этот коралловый остров представлялся пустым и скучным, адом из белой пыли и жгучего солнца. Один из солдат даже сказал, что если бы у него когда-то был выбор между Мидуэем и адом, он выбрал бы ад, хуже Мидуэя даже ад не мог бы быть.

Сэнд-Айленд, находящийся на западе лишь в нескольких километрах удаления от острова Истерн-Айленд, был, так сказать, командным центром. Здесь заканчивался также подводный телефонный кабель, который связывал этот отдаленный пост с Гонолулу, система, носившая строго военный характер. Японцы не имели представления об этом кабеле, а он позволял защитникам даже в режиме абсолютного радиомолчания постоянно поддерживать связь с Пёрл-Харбором.

Наконец, здесь были летающие лодки, у пристани, их за это время тут собралось уже больше двух дюжин, пузатые «Каталины» РВУ, которые летали на дальнюю авиаразведку по разумно продуманной системе секторов в западном направлении над морем, днем и ночью, на расстояние до 700 километров. Орудия были вкопаны здесь – как и на Истерн-Айленде – в кораллах. На пляже бы-

ла натянута колючая проволока. Флотские саперы устроили вдоль пляжа мины-ловушки из пластичного взрывчатого вещества. Стрелки сидели в одиночных окопах, из шатких башен наблюдатели следили за морем, так как снова и снова появлялись подводные лодки противника, которые всплывали здесь и неожиданно стреляли по базе парой снарядов, после чего снова убирались прочь.

Комендантом был командер Симард, база подчинялась ему, хотя был еще один высший по званию офицер, а именно полковник Харольд Шэннон, но он отвечал лишь за подразделения морской пехоты, которые здесь использовались в качестве защитников.

Морским пехотинцам приписывали почти легендарную храбрость, поэтому их и отправили на Мидуэй, так как здесь ожидалось нападение японцев, которое не стоило недооценивать. Авиационные части, которые были еще усилены в мае, также принадлежали к корпусу морской пехоты. Оба высокопоставленных офицера были знакомы достаточно хорошо, чтобы больше не спорить о сферах компетенции. У обоих были свои проблемы. Симард охотнее командовал бы большой, более современной базой, и Шэннону на Мидуэе нравилось так же мало, как и на любой другой оборонительной позиции. Он не мог сидеть в обороне. Морские пехотинцы были наступательным родом войск, необузданным, грубым, суровым, их было трудно удержать в узде. А на оборонительных позициях они не могли по-настоящему развивать качества, за которые их и ценили. Потому весь май на Мидуэе было множество драк между военнослужащими разных родов войск. Алкоголь и скука играли свою роль, и там, где алкоголь был запрещен, пили туалетную воду для волос из военного магазина «РХ», смешивая ее с апельсиновым соком.

Адмирал Нимиц посетил острова, как только стало ясно, что японцы с высокой вероятностью развертывали свои силы именно против Мидуэя. До тех пор базу снабжали защитными средствами довольно ограниченно, даже пулемет был, так сказать, уже даром Бога. Все это изменилось с пониманием того, что Мидуэй мог бы стать целью японцев. После подробного осмотра Нимиц часами сидел с обоими командирами в штабном бараке, и они составляли списки срочно необходимого оружия, устройств и предметов снабжения. Тогда и родилась идея разделить море в западном направлении от островов в радиусе 180 градусов на сплошные сектора, каждый из которых мог затем в любое время контролироваться летающими лодками РВУ. Были запланированы новые позиции, для стрелков и орудий, пулеметные гнезда и минные поля.

На Истерн-Айленде были устроены новые большие насыпи для защиты стоящих самолетов от осколков. И затем поток оборудования устремился на Мидуэй: корабли доставляли орудия, колючую проволоку и мины, артиллерийские снаряды

и бомбы для самолетов, торпеды, продовольствие. Выгружались танки, хотя их едва ли можно было использовать здесь, но также минометы, и солдаты.

Прошло лишь несколько дней после посещения Нимица, как хорошо начавшимся усилиям по укреплению Мидуэя был нанесен довольно большой ущерб.

Около полудня на Истерн-Айленде внезапно раздался сильный взрыв. Уже первые морские пехотинцы выбежали из своего расположения, предполагая, что японцы готовятся к высадке, когда выяснилось, что в действительности одна из двух огромных цистерн с горючим взлетела в воздух.

Над островом стояло черное облако дыма, которое ветер медленно гнал в направлении Сэнд-Айленда. Сгорели полтора миллиона литров авиационного топлива. Ни одна японская подлодка тогда не стреляла, как иногда бывало в прошлом, вообще не было и речи о нападающих японцах – это был недосмотр одного сапера, который ошибочно нажал на рычаг, приводящий в действие заложенный под цистерной для ее самоликвидации взрывной заряд.

У этой аварии, кроме потери горючего, были и другие последствия. Раньше от цистерн к определенным местам на взлетно-посадочной полосе вела система труб, через которую насосы качали горючее к стоящим самолетам. Эта система была непоправимо повреждена взрывом. Отныне каждый самолет нужно было заправлять ручным насосом из бочек. Потому из Пёрл-Харбора прислали в качестве возмещения сначала несколько сотен тысяч литров керосина, и морские пехотинцы с громкими ругательствами закатывали бочки по коралловой земле в защищенные убежища. Остатку спасенного топлива из большой цистерны полковник Шэннон не позволил просто утечь в море, он приказал собрать все валяющиеся вокруг бутылки от виски или лимонада, и его саперы наполняли их керосином, затыкали их пробками из ветоши и закрепляли на каждой бутылке фитиль из старых тряпок. Таким путем Шэннон заполучил сотни бутылок с зажигательной смесью, которые даже здесь, на таком большом удалении от советского фронта, скоро получили название «Коктейль Молотова», хотя никто точно не мог сказать, кто принес сюда это название. Если японцы попытаются десантироваться на танках, то американцы заранее позаботились об этом.

У обоих командиров были их командные пункты в блиндажах в метр глубиной на Сэнд-Айленде. Этих офицеров нельзя было назвать близкими друзьями, но они хорошо сотрудничали, что было счастливым случаем, так как офицеры корпуса морской пехоты в большинстве случаев считали своих коллег из других родов войск тряпками и слабаками, это соответствовало грубому образу мыслей этих так называемых элитных войск. Здесь, однако, они ежедневно проводили свои оперативные совещания и инспектировали снова и снова позиции на побе-

режье, особенно позиции скорострельных 37-мм пушек, которые должны были обеспечить оборону не только против налетов авиации, но и против десантных кораблей.

Постепенно прибывали новые самолеты. До сих пор лишь шестнадцать устаревших пикирующих бомбардировщиков типа «Виндикейтор» и 21 истребитель типа «Буффало» дислоцировались на Мидуэе, тоже устаревших. Летчики называли их «летающими бочками», и они однозначно уступали японским истребителям «Зеро». Но американская авиапромышленность уже набрала обороты, и теперь она поставляла уже большие количества экземпляров современных, разносторонне применимых и превосходящих японские машины образцов. Так Пёрл-Харбор отправлял целые эскадрильи новых, более быстрых и более выносливых пикирующих бомбардировщиков SBD, истребителей F-4F «Уайлдкэт», двухмоторных бомбардировщиков B-26, которые могли также нести торпеды, торпедоносцев TBF, четырехмоторных, оснащенных эффективным внушающим страх японским летчикам оборонительным оружием бомбардировщиков дальнего действия типа B-17 «Летающая крепость», а также летающих лодок «Каталина» PBY, которым вменялась в обязанность в первую очередь дальняя авиаразведка.

Хотя все пилоты обладали еще небольшим боевым опытом или вовсе не обладали им, прежде всего, не были обучены полетам над открытым морем, все же, они означали значительный рост оборонительной силы. Им было дано общее указание перехватить атакующих японцев уже на большом удалении от Мидуэя и уничтожить их.

Необходимым условием для этого была дальняя авиаразведка, это значило, что летающие лодки PBY до двенадцати часов находились в воздухе.

Когда начался июнь, и до ожидаемого нападения японцев, по расчетам Нимица, оставались лишь считанные дни, атмосфера высокого напряжения воцарилась на обоих островах. Симард и Шэннон, командиры, лишь изредка выпивали по глотку виски, даже пиво больше не выдавалось личному составу. Господствовало постоянное состояние повышенной готовности; каждый ожидал буквально, что в следующее мгновение увидит первого японца. Солдаты снова и снова чистили свое стрелковое оружие от летающей повсюду коралловой пыли и песка, у кого был штык, тот затачивал его до остроты бритвы.

Впечатляющие силы были собраны на это время на Мидуэе: 120 самолетов различных типов, пять танков, пятнадцать береговых орудий крупного калибра, тридцать пять зенитных пушек среднего калибра, восемь минометов, к ним три

с половиной тысячи солдат. Вокруг рифов Мидуэя патрулировали одиннадцать патрульных катеров.

Все же оба острова Мидуэя, если смотреть на них с моря, производили скорее спокойное впечатление. Во всяком случае, именно так это выглядело для командира японской подводной лодки I-168, когда он – идя от Рифа французских фрегатов – несколько километров прошел перед Мидуэем на перископной глупине и долгое время наблюдал за побережьем. Там можно было видеть пару кранов, которые, однако, кажется, не работали. Лишь немногих солдат было видно.

Ночью оба острова были темны, кроме нескольких отдельных маленьких огней. Только на аэродроме на Истерн-Айленде – как и на пристани летающих лодок – кипела работа. Здесь днем и ночью взлетали и садились самолеты. Командир подводной лодки предположил, что они осуществляют разведывательные полеты. Он маневрами вывел лодку в открытое море, пока не погрузился, чтобы его не заметили с Мидуэя. Затем он послал радиограмму в Токио, в которой говорилось, что в «AF» все спокойно, но очень вероятно в состоянии повышенной готовности, и что там располагаются большие силы авиации. Затем он снова погрузился и отправился назад на свой наблюдательный пост перед рифами, которые окружали Истерн-Айленд и Сэнд-Айленд кругом, замкнутым на три четверти.

Он не мог догадываться о том, что его радиограмма в Токио дошла даже до адмиралтейства и была передана оттуда также находящемуся в открытом море Ямамото. Однако она так и осталась лежать у него, и Нагумо, который командовал ударным авианосным соединением, вообще не узнал о ней. Ямамото приказал ввести режим абсолютного радиомолчания для всех участвующих в операции у Мидуэя кораблей. Ничто не должно было обратить внимание неосведомленных американцев на то, что там вообще что-то приближалось к ним. Кроме того, Ямамото находился в плохой синоптической зоне с низкими облаками. Он рассчитывал на то, что этой облачности будет достаточно, чтобы сделать полеты самолетов-разведчиков с Мидуэя безрезультатными. Поэтому он не посчитал в данное время необходимым предостеречь соединение Нагумо.

Авианосцы Нагумо 2 июня тоже шли через густой туман пространной плохой синоптической зоны. У адмирала ударного соединения были совсем другие проблемы, чем возможно существующая дальняя разведка противника. При плохой видимости корабли было очень трудно поддерживать в правильном походном строю. Теперь, однако, приближался момент, когда авианосное соединение должно было повернуть в юго-восточном направлении на Мидуэй. Также на Нагумо распространялся приказ об абсолютном радиомолчании. С другой сторо-

ны, при господствующей погоде, когда видимость составляла меньше ста метров, не было никакой возможности передать сообщение об изменении курса с помощью сигнальных прожекторов или флагов. Даже уменьшение скорости нельзя было осуществить так. Поэтому адмирал решился нарушить радиомолчание для передачи приказа об изменении курса. Он приказал передать по радио только новые координаты, ничего больше. Затем ударное соединение повернуло на юго-восток, и теперь оно двигалось, далеко от соединения Ямамото, непосредственно на Мидуэй. 4 июня по плану должен был начаться обстрел, самолеты с авианосцев должны были бомбить Мидуэй. Через один день десантные войска должны были высадиться на пляж американской базы. На это время, так предполагал Нагумо, там больше не было бы существенного сопротивления, и американский флот, ничего не подозревая, по-прежнему стоял бы в Пёрл-Харборе.

Task Force 16 американского флота находилась – в полной противоположности к представлениям Нагумо – когда она шла мимо Мидуэя на север, в такой же плохой погоде, что и корабли Нагумо. У американцев тоже господствовало абсолютное радиомолчание. Однако связь между кораблями еще можно было поддерживать сигнальными прожекторами, так как тумана не было. Самолеты-разведчики на умеренной высоте кружили вокруг оперативной группы. На палубе «Энтерпрайза» контр-адмирал Спрюэнс неугомонно был в бегах, чтобы ознакомиться со всеми не знакомыми ему процессами на авианосце, со всеми особенностями, которые отличали его от других кораблей.

- Кто обслуживает этот подъемник?

- Кто следит за огнетушителями?

- Как долго продолжается заправка истребителя? – А пикирующего бомбардировщика?

- Как мы ведем себя при меняющемся ветре?

Он не отступал, пока у него не было уверенности, что он овладел, по крайней мере, самыми важными вещами, и, прежде всего, он установил с офицерами, которые служили под командованием Хэлси, близкий личный контакт. Они вскоре заметили, что командир Task Force 16 не обладал своеобразной манерой Хэлси, который иногда в случае трудностей или проблем с дисциплиной мог действительно очень громко кричать или разбрасываться витиеватыми выражениями. Спрюэнс был спокойным человеком, всегда сохраняющим свою невозмутимость, любопытным, общительным, при этом не менее жестким, чем Хэлси, только без его шума. Спрюэнс, так думали офицеры, которые за это время ста-

ли его уважать, хоть и тоже обычно шел напролом, бежал, так сказать, к стене головой вперед, но зато он заранее навел бы в своем штабе точные справки о толщине этой самой стены и даже поверил бы штабу, если тот посчитает, что стена слишком толста для его головы.

Дождь поливал полетную палубу «Энтерпрайза». Спрюэнс осматривал с офицером, руководящим стартом, и офицером, ответственным за посадку, дорожки, с которых стартовали и на которые садились самолеты. Ему показали тормозной гак – специальный крюк, с помощью которого останавливали садящиеся машины, и он в подробностях выслушал, как ответственный за прием самолетов офицер разъяснял ему проблематику между малым запасом топлива возвращающихся на авианосец самолетов и необходимостью выпускать истребители для защиты атакующей группы еще перед ее посадкой. При этом губы офицера дрожали.

Спрюэнс неожиданно спросил: – Холодно?

- Да, сэр, – согласился его собеседник. – Проклятая погода!

Спрюэнс кивнул. Эти моряки привыкли к югу. Здесь, к северу от цепи Гавайских островов, господствовал абсолютно другой климат чем, например, в Коралловом море. Он противился ветру. Плащ его развевался как знамя.

- Ну да, – заметил он, – мы можем лишь надеяться, что японцы при этой погоде не начнут свою атаку на Мидуэй. Это принесло бы нам дополнительно несколько препятствий, прежде всего, при взлете наших самолетов!

Ответственный за взлет офицер возразил: – Но и им тоже, сэр. Техника их авианосцев в основных чертах не отличается от нашей.

- Вероятно, есть одно различие, которое создаст нам сложности, – Спрюэнс обратил внимание обоих своих сопровождающих. – У них больше пилотов с боевым опытом, чем у нас. Посмотрите на наших летчиков, которые прибыли в качестве пополнения вместо выбывших в Коралловом море – большинство из них никогда еще не бывали в бою.

Ответственный за взлет офицер согласился с этим. Но он добавил: – Однако японцы после Пёрл-Харбора тоже потеряли массу бывалых боевых пилотов. Я думаю, мы можем с ними справиться...

- Нам пора идти, – ответил Спрюэнс. – Пойдемте снова на мостик, пока мы не поскользнулись на мокрых досках и не вылетели за борт. Я не хотел бы, чтобы сражение началось без нас!

Они пришли на мостик в тот момент, когда сообщили о двух одномоторных самолетах, которые подлетали к «Энтерпрайзу». Собственные истребители, которые постоянно кружились над авианосцем, идентифицировали их как американские самолеты и не атаковали. Теперь наблюдатель узнал в них разведывательные машины с тактическими знаками «Йорктауна».

Одна из машин сбросила футляр с сообщением от Флетчера; в нем указывалось нынешнее местоположение Task Force 17. Спрюэнс сразу склонился над морской картой и занялся расчетами. Через некоторое время он определил новый курс. Он сообщил самолетам-разведчикам с помощью сигнальных прожекторов: «Изменил курс как приказано». Оба самолета исчезли, покачав крыльями, в то время как Task Force 16 поворачивала на восток. Это было около полудня, 2 июня. Четыре часа спустя, когда уже начинались сумерки, так как даже самый маленький солнечный луч не мог пробиться сквозь густые облака, обе оперативные группы соединились. Они достигли места встречи «Пойнт-Лак», 32° 04 северной широты и 172° 45 западной долготы.

Теперь Флетчер взял на себя командование обеими группами, в целом это было три авианосца, восемь легких и тяжелых крейсеров, четырнадцать эсминцев, несколько танкеров и прочие вспомогательные суда – все, что американцы могли противопоставить придвигающимся к Мидуэю силам японцев.

Для экипажей летающих лодок РВУ, которые вели воздушную разведку из Мидуэя в направлении запада и северо-запада, день 2 июня прошел без особенных происшествий. На удалении примерно 400 километров от их стартовой площадки они почти все попали в облачную погоду, которая значительно ограничивала видимость на море под ними. На этот случай было оговорено, чтобы они спустились так низко, как только возможно, и они так и сделали. Условия полета вследствие этого затруднялись. Шторм тряс крылья, иногда поднявшиеся гребни волны почти достигали корпуса машин. И видимость была ограниченной. Поэтому случилось так, что самолет, который летел дальше всего к югу, внезапно увидел под собой, чуть ли не на расстоянии вытянутой руки, несколько небольших японских кораблей, державших курс на Мидуэй. Сразу с них ударил яростный зенитный огонь, и РВУ должны были исчезнуть в облаках. С их небольшой скоростью они представляли собой слишком хорошие цели. Их радиogramма дошла до находящегося в тотальном напряжении командования в Мидуэе.

Капитан второго ранга Симард сразу дал приказ готовить эскадрилью В-17 к старту. Но еще прежде чем этот приказ был выполнен, поступило уже сообщение с другого РВУ, который летел дальше к северо-западу: «Главные силы обнаружены, одиннадцать больших кораблей». Последовали точные координаты. Это было около одиннадцати часов утра третьего июня, на целый день раньше, чем адмирал Нагумо хотел подвести свое авианосное соединение достаточно близко к цели, чтобы нанести неожиданный удар.

Однако, эти корабли, которые обнаружили РВУ, были не соединением Нагумо, а группой с войсковыми транспортом и десантными кораблями. И так как радиомолчание все еще не было отменено, эта группа не отправила никакой радиogramмы Нагумо, в которой сообщалось бы об обнаружении американцами этой группы. Нагумо оставался неосведомленным. На японских транспортах, которые экипаж РВУ из-за волнения принял за главные силы флота, понимали, что внезапность, по крайней мере, если это касалось Мидуэя, была утрачена. Все же, японцы все еще думали, что оба острова были предоставлены сами себе, без поддержки американских военно-морских сил. Этому мнению придерживался также Нагумо, который двигался севернее. Даже если бы он узнал об обнаружении группы транспортов, он остался бы при этом мнении. Он был уверен, что американские корабли спрятались от флота Японии.

Вскоре после полудня с взлетно-посадочной полосы на Истерн-Айленде в воздух поднялись первые В-17. Это были девять машин, которым Симард приказал взлететь. Им предстоял долгий полет туда, и такой же долгий путь обратно. Поэтому их бомбовая нагрузка была лишь ограниченной, так как нужно было подвесить дополнительные топливные баки. Каждая машина несла примерно одну тонну фугасных бомб. Чуть больше чем через три часа после взлета они находились над районом моря, из которого сообщалось об «основных силах флота». И они обнаружили под собой группу японских кораблей, но из-за своего малого опыта они, конечно, не смогли хоть как-то определить типы кораблей.

На японских кораблях не было радиолокационных установок. Радиолокационная техника в Японии была еще на самой начальной стадии развития. Первые радиолокационные станции для использования на суше еще имели антенны огромного размера и сильно страдали от помех. Поэтому корабли десантно-транспортного соединения тоже смогли обнаружить противника только тогда, когда самолеты уже подлетали к ним с открытыми бомболюками.

С высоты 3000 метров бомбы дождем посыпались вниз. И с кораблей теперь зенитная артиллерия стреляла из всех стволов. Несколько пилотов были убеждены, что попали в цели, а также на японских кораблях были артиллеристы, которые говорили о сбитых и упавших в море вражеских самолетах. На самом де-

ле во время этого первого действительно молниеносного налета, которым обороняющиеся ошеломили атакующих, с обеих сторон не было никаких потерь, если не учитывать большое количество дыр в бомбардировщиках.

В то время как соединение транспортов снова собралось и продолжило свой путь, В-17, строй которых тоже распался, пытались достигнуть Мидуэя. База хоть и высылала сигнал радионаведения, но многие из пилотов были еще слишком неопытны, чтобы правильно придерживаться этого ориентира. Со значительным опозданием – только в 22 часа – все самолеты снова стояли на Истерн-Айленде. Некоторые из них выключили один или два двигателя, в то время как они искали базу, чтобы экономить топливо, и они в последний момент еще смогли приземлиться на последних остатках горючего.

Экипажи тяжелых бомбардировщиков, которые устало шаркали ногами по взлетной полосе, чтобы доложить о своем возвращении в командном центре, больше не могли видеть, как точно в это время взлетели четыре летающих лодки типа РВУ и тоже взяли курс на группу японских транспортов. Это были только что прибывшие из Пёрл-Харбора машины, у которых под левым крылом было обычно неупотребительное приспособление для подвешивания торпеды. Это была попытка использовать эти неуклюжие, медленные летающие лодки для торпедных атак. Ее предприняли из-за того, что эти большие самолеты легко могли преодолевать большие дистанции, без проблем могли бы вернуться назад, и, кроме того, уже накопили опыт полетов над морем. Одномоторные торпедоносцы с таким расстоянием бы не справились.

Погода улучшилась. Ветер прогнал облака, и видимость над освещенным лунным светом морем была отличной. Так как тяжелые летающие лодки были хорошо оборудованы для длительных операций, полет проходил для экипажей довольно комфортно. В полночь они включили электрические плитки и сварили воду для кофе. Полуночная трапеза была обычным явлением в длительных патрульных полетах. Также теперь мужчины пили свой кофе, ели сэндвичи, апельсины и шоколад, и когда покончили с этим, не прошло и часа, пока оператор радиолокатора ведущего самолета не заметил на своем экране первые мерцающие точки, что сообщало о строе кораблей.

У пилотов был уже готов план атаки, с которым они хотели запутать японцев и нанести по ним неожиданный удар. Теперь, когда идущая внизу в кильватерной колонне группа вражеских кораблей была обнаружена, летающие лодки рассеялись и спустились на высоту до 30 метров. Они хотели атаковать одновременно с различных направлений, чтобы сбить с толку зенитную артиллерию противника. Это удалось им тем лучше, что японские корабли за неимением радиолокаторов заметили их только тогда, когда они уже были на подходе к цели.

Внезапно зенитные пушки начали стрелять на всех кораблях. Следы от трассирующих снарядов проходили мимо летающих лодок, разрывы снарядов как огненные мячи светились на небе. Но оборонительный огонь был рассеянным, кроме того, в летящие совсем низко над водной поверхностью РВУ очень сложно было попасть. И многим артиллеристам было трудно опустить так низко стволы своих пушек.

«Акебоно Мару» шел почти в конце соединения, танкер, который уже пережил свои лучшие годы. Командир как раз дал команду двигаться зигзагообразным курсом, когда с правого борта внезапно, как призрак, приблизилась одна из летающих лодок, почти спокойно. Можно было отчетливо видеть, как отцепилась торпеда под левым крылом, как она плюхнулась в воду, и тогда летающая лодка уже – стреляя из всего бортового оружия – с грохотом пронеслась над «Акебоно Мару», явно не опасаясь зенитного огня. Со стороны левого борта она круто поднялась вверх и исчезла.

Пузырный след от торпеды приближался к кораблю. Уклониться от торпеды больше не было возможно. Так «Акебоно Мару» получил единственное торпедное попадание за всю эту атаку. Корабль вздрогнул от взрыва, однако, ему повезло в том, что хотя пробоина была в носовой части, но горючее не загорелось. Пусть и медленнее, чем до сих пор, но судно смогло продолжить плавание. На «Акебоно Мару» и на других кораблях – от огня бортовых пулеметов РВУ – было примерно двадцать погибших и раненых. Японцы были предупреждены: противник обнаружил соединение; он был подготовлен, и он ударил первым.

Радиомолчание, после того, как летающие лодки исчезли, было нарушено одним из крейсеров сопровождения, для продлившегося пару секунд послания адмиралу Ямамото: «Соединение транспортов обнаружено и атаковано летающими лодками».

Нагумо снова ничего не узнал об этом. Ямамото не передал ему это радиogramму. Он хоть и волновался за авианосцы Нагумо, но он решил дальше играть по своему сценарию вопреки обнаружению транспортов. Все-таки определенные сомнения у адмирала возникли: Нагумо по его расчетам должен был находиться еще примерно в 650 километрах от Мидуэя. Только с удаления 200 километров он должен был начать нападение своими самолетами. Теперь вся операция, кажется, была открыта для противника.

Был ли успех еще гарантирован при этих обстоятельствах? Для решения Ямамото ничего не менять в плане нападения важным был тот момент, что он хоть и учитывал в своих расчетах оборонительные возможности самого Мидуэя, однако

исключал наличие американского флота в этом регионе, так как он верил в эффективность собственной разведки и был уверен, что американцы не могли располагать лучшими знаниями. Ошибочное заключение, которому предстояло в существенной степени способствовать неудаче всего его плана. Обе американские оперативные группы, шестнадцатая и семнадцатая, находились в это время примерно в 400 километрах к северу от Мидуэя. Адмирал Флетчер размышлял над своими морскими картами. Для него из того, о чем сообщалось там, следовала несколько запутанная картина. Он не верил в то, что атакованное соединение было основными силами японцев, как утверждали летчики. Флетчер после битвы в Коралловом море уже не был так сильно убежден в способности пилотов с большой высоты точно определять типы кораблей. Он предполагал ошибку. Так далеко на юге основное соединение японцев не могло находиться, это говорила ему его тактическая интуиция.

Прежде всего, он приказал изменить курс, чтобы обе оперативных группы несколько отделились друг от друга и утром находились примерно в 350 километрах к северу от Мидуэя. Он считал это лучшей позицией, с которой можно было вести фланговую атаку, при наибольшей безопасности для собственных кораблей.

Старшина Джо Мартинелли, радист на «Йорктауне», флагманском корабле Флетчера, сидел перед приемником, когда он увидел вспыхнувшие лампочки, сигнализовавшие о полной готовности для корабля. До сих пор лишь мало-значимые сообщения поступали из Пёрл-Харбора. Всякий раз, когда Мартинелли расшифровывал их, их приносили Флетчеру, но адмирал даже не реагировал на них. Он и без того не мог разрешить отправлять радиogramмы из-за приказанного режима радиомолчания. Посыльный всегда сообщал, что адмирал прочел радиogramму, кивнул, но больше ничего не происходило.

Теперь, после того, как курс «Йорктауна» был изменен, Пёрл-Харбор снова был на связи. Мартинелли прижал наушники к ушам и записывал. Он не должен был давать подтверждения. Когда прием радиogramмы был закончен, он взялся за расшифровку. На этот раз Пёрл-Харбор действительно сообщил что-то важное: «Атакованное соединение, по расчетам разведки, не может быть основной боевой группой. Речь должна идти о конвое десантных кораблей. Основное боевое соединение следует искать от 100 до 200 км на север».

Внизу стояла подпись: «Нимиц».

Посыльный, который передавал радиogramмы, вернулся, когда Мартинелли в одном из своих наушников только что начал слушать «Серенаду лунного света», которую передавали из Гонолулу. Он отвел наушник от уха, и посыльный

поспешно выпалил: – На этот раз он показал действие, старик! Он закричал: «Ура!». Огромная радость!

Бомбы на Мидуэй

Незадолго до полуночи покрытое облаками небо над авианосной группой адмирала Нагумо внезапно прояснилось: 4 июня начался со светлой ночи полнолуние. Как казалось, ясная погода тянулась отсюда далеко за Мидуэй на юг. Соединение Нагумо, согласно последним расчетам, находилось в 350 километрах к северу от американской базы.

Адмирал Нагумо поспал несколько часов, чтобы подготовиться к тяжелому дню, который предстоял ему и его группе. Теперь он стоял на мостике, в кругу своих штабных офицеров, и принимал последние морские метеосводки. Рядом с ним ждал капитан-лейтенант Ёити Томонага, молодой, подчеркнуто подтянутый офицер авиации, которого Нагумо отобрал для того, чтобы руководить налетом на острова. Томонагу специально вызвали сюда для обсуждения этого задания с авианосца «Хирю», на котором базировался его самолет.

На «Акаги» летчики уже много дней беседовали о неудаче, которая постигла капитана второго ранга Мицуо Футиду, героя, который возглавлял уже легендарную атаку на Пёрл-Харбор в прошлом году. Всего через несколько часов после выхода в море Футида заболел острым аппендицитом и лежал в корабельном лазарете «Акаги». Все еще было неизвестно, нужно ли будет делать ему операцию. Поэтому вместо него выбрали Томонагу, летчика из школы Футиды, который тоже участвовал в рейде на Пёрл-Харбор и горел желанием отличиться как ведущий пилот славной атаки. Стоя перед Нагумо, он, сгорая от жажды деятельности, переступал с одной ноги на другую. Нагумо обстоятельно поговорил с ним, познакомил его со всеми особенностями американской базы и потом спросил, считает ли он себя способным выполнить такое большое задание.

- Я позабочусь о том, чтобы от этого гнезда наших заклятых врагов не осталось ничего, кроме кучки пепла! – решительно ответил Томонага.

Нагумо обратил внимание летчика на то, что нужно оставить что-то еще, кроме пепла, так как у следующих за нападением десантных войск было задание сделать Мидуэй передовым бастионом Японии, особо важным, так как он лежал совсем близко от Гавайев.

Молодой офицер нравился адмиралу, и он не сомневался в том, что тот выполнит свое задание так же добросовестно, как сделал бы это Футида. Теперь, по-

сле того, как Томонагу снова доставили на «Хирю», Нагумо посмотрел на хронометр. Три часа утра.

- Подъем! – приказал он кратко. Затем он повернулся к своим штабным офицерам: – Нашей целью является подавить сопротивление на Мидуэе, в завтрашний день позволить высадиться там штурмовым войскам и поднять наше знамя над обоими островами. Если американский флот, который трусливо спрятался, все же решится атаковать нас, мы окончательно уничтожим его.

Зажигательная речь была бы излишней, каждый к этому времени уже знал цель операции. Однако адмирал Нагумо уделял большое внимание воодушевляющим словам. Он подошел к микрофону корабельного переговорного устройства на «Акаги» и призвал пилотов своего флагманского корабля сражаться мужественно и с уверенностью в победе. – Некоторые из вас найдут смерть, как цветы вишни, которые вянут в конце весны. Это славное увенчание вашей солдатской жизни. Не каждый, кто доживает до победы, герой, но каждый, кто отдает ради нее жизнь, тот герой. Банзай!

Сигнальные звонки вырвали пилотов из их сна. Пока часть их еще умывалась, другие уже сидели за завтраком, они слышали из громкоговорителей голос Нагумо, и в конце они присоединились к призыву «Банзай». На их лбах уже были белые ленты с надписью, знак презирающих смерть.

На палубах авианосцев наступило оживление. Подъемники поднимали самолеты, туда, где уже были включены прожекторы и бросали свой яркий свет на отмеченные желтым цветом стартовые и посадочные дорожки.

Под палубой пилоты оканчивали свою трапезу из риса; сегодня также была рыба, овощи, кубики тофу и фрукты. К окончанию завтрака, который был задуман как традиционная прощальная церемония, на стол в крохотных фарфоровых чашечках подали теплый sake, и летчики выпили его за здоровье императора Хирохито. Затем экипажи отправились к своим машинам, моторы которых уже прогревались. В 4.30 утра вспыхнули сигналы к взлету. Нагумо стоял на мостике, приложив руку к козырьку. Как застывший он простоял так четверть часа, тогда в целом взлетели 108 самолетов; первый атакующий эшелон против Мидуэя: по 18 пикирующих бомбардировщиков с авианосцев «Кага» и «Акаги», по 18 горизонтальных бомбардировщиков с «Сорю» и «Хирю», а также по 9 истребителей с каждого из четырех авианосцев.

Атакующая группа, исчезнувшая в еще темном небе, состояла – как и авиационный состав авианосцев вообще – из трех различных типов самолетов. Сначала пикирующий бомбардировщик фирмы «Айти» с наименованием D3A1, цель-

нометаллический моноплан с низкорасположенным крылом, в конце 1930-х годов специально разработанный для использования на авианосцах, кстати, с помощью технической документации немецкой фирмы «Хейнкель». Самолет с большим звездообразным двигателем обладал складывающимися кверху крыльями, так что его можно было компактно размещать на авианосцах. Это была двухместная машина, со скоростью до 380 км/ч, она могла нести на подвеске под фюзеляжем 250-килограммовую бомбу, а под каждым из крыльев по одной пятидесятикилограммовой бомбе. Вооружение составляли два неподвижных 7,7-мм пулемета впереди, и третий, подвижный, сзади. Эта машина добилась своих первых заслуг уже при нападении на Пёрл-Харбор. В американской службе опознавания самолетов она получила условное обозначение «VAL».

Затем там был «Накадзима» B5N2, тоже цельнометаллический моноплан с низкорасположенным крылом и звездообразным двигателем, разработанный в конце 1930-х годов как торпедоносец и горизонтальный бомбардировщик для использования с авианосцев. Этот самолет мог нести либо одну торпеду и от двух до четырех легких бомб, либо две 250-килограммовые бомбы. Максимальная скорость B5N2 тоже составляла 380 км/ч, и его вооружение тоже состояло из двух неподвижных 7,7-мм пулеметов впереди и еще одного пулемета, подвижного, сзади. Разработанный специально для использования с авианосцев, B5N2, естественно, тоже имел складывающиеся крылья. Его высоко ценили за то, что его с оснащением для подвески торпед можно было эффективно применять в первую очередь против кораблей. Получивший от американцев кодовое обозначение «KATE», B5N2 тоже был ветераном нападения на Пёрл-Харбор.

Это касалось также и третьего самолета, который использовался здесь, «Мицубиси» A6M2 «Зеро-Сен», получившего от американцев кодовое обозначение «ZEKE», однако в большинстве случаев его называли только «Зеро», так как заимствованное из японской мифологии слово «Зеро» случайно существовало также и в английском языке, где оно означает «нуль». Эти «Зеро» – также оснащенная складывающимися крыльями для службы на авианосцах версия – еще до Пёрл-Харбора прославились на китайском театре военных действий. Небольшой моноплан с низкорасположенным крылом со звездообразным двигателем мощностью 925 л.с. летал со скоростью свыше 500 км/ч и обладал замечательной маневренностью. Его вооружение сильно варьировалось. В большинстве случаев у него было две 20-мм пушки в крыльях и два 7,7-мм пулемета, стрелявших через воздушный винт. Этого было достаточно, чтобы победить любой истребитель противника, если пилот не совершал ошибку. Только с тяжелым дальнебойным оборонительным вооружением больших американских бомбардировщиков «Зеро» не справлялся.

Машины должны были лететь немногим больше одного часа. Когда они появятся над Мидуэем, как раз должен был наступить день. Среди пилотов не было ни одного, кто не доверял бы прогнозу, что и по этой базе – как по Пёрл-Харбору – удастся нанести абсолютно неожиданный удар. Мысль о том, что американцы в Мидуэе располагали радиолокатором, который мог бы заметить приближающуюся стаю японских самолетов уже на удалении примерно ста километров, возможно, посещала некоторых немногих посвященных, но обычно об этом опасном техническом нововведении, с которым японцы сами пока еще не вышли, в принципе, из экспериментальной стадии, не говорили. Ничто не должно было даже в малейшей степени обеспокоить мужество презирающих смерть японских пилотов.

В то время как шум моторов первой атакующей волны медленно терялся, подъемники уже доставили на палубу самолеты для второй волны. Они были оснащены торпедами и полубронебойными бомбами, готовые к нападению на морские цели, предусмотрительность Нагумо на тот случай, если американские корабли появятся на поле битвы.

С линкоров и крейсеров сопровождения с помощью катапульт запускались гидросамолеты для разведывательных полетов. Их задачей было выследить вражеские корабли в радиусе примерно 500 километров от авианосного соединения, которые могли бы представлять для него опасность. При этом на крейсере «Тонэ» произошла задержка. Катапульту нужно было отремонтировать. Поэтому самолет-разведчик с «Тонэ», который – как и все другие – должен был обыскивать определенный сектор, взлетел почти на час позже остальных самолетов. О том, что как раз эта машина должна была вести разведку в секторе, в котором находились обе американские оперативные группы, шестнадцатая и семнадцатая, никто не подозревал.

На Мидуэе сигнал к подъему – как обычно в последние дни – был дан в три часа утра; это было частью повышенной боевой готовности, в которой находилась база. Одновременно все самолеты без исключения готовились к вылету, экипажи ждали в полной готовности, сидя в кабинах самолетов. Ударит ли противник, которого накануне уже выследили и атаковали, как раз сегодня? Капитан второго ранга Симард твердо считался с этой возможностью. Поэтому он уже приказал взлететь следующей «сменой» летающих лодок РВУ, чтобы своевременно получить информацию о приближающихся силах врага. Он больше всего боялся, что его самолеты окажутся под угрозой при бомбардировке, если они будут стоять в своих боксах. Поэтому он планировал приказать сразу всем машинам взлететь при приближении вражеских бомбардировщиков. Они начали бы

контратаку. Те, которые вернутся, были бы готовы к обороне, когда враг уже верил, что он победил.

Было 5.30 утра, когда одна из патрулирующих «Каталин» в первом свете утра этого безоблачного дня обнаружила на море корабли. Пилот сначала осторожно уклонился и облетел строй кораблей на надлежащем расстоянии. Да, никакой ошибки не могло быть, это было ударное соединение с несколькими авианосцами и многочисленными тяжелыми кораблями. Сразу же РВУ отправил радиogramму, сообщив на Мидуэй о своем открытии. И почти в то же самое время другой РВУ, который вел разведку в соседнем секторе, обнаружил большую группу самолетов с курсом на Мидуэй. Он даже смог дать точные координаты.

На 20 минут позже радиолокационная станция Мидуэя определила местонахождение атакующих. План Нагумо нанести по Мидуэю неожиданный удар провалился. Командер Симард действовал молниеносно по заранее подготовленной схеме.

Солдаты занимали позиции на побережье, готовили орудия, с автоматического оружия снимали брезент. На Истерн-Айленде поднялся настоящий адский шум, когда один самолет стартовал за другим. Бомбардировщикам Симард отдал приказ атаковать авианосные силы японцев, о позиции которых сообщил РВУ. Истребители на большой высоте кружили вокруг островов, готовые броситься на нападавших, хотя они знали, что у них почти не было шанса против быстрых и маневренных истребителей сопровождения японцев. В воздухе было двадцать «Буффало» и лишь семь относительно современных истребителей F4F «Уайлдкэт». Можно было предвидеть, что эти самолеты не смогут оттеснить атакующих японцев, даже если они буквально пожертвуют собой – шанс состоял в контрударе, который должны были нанести бомбардировщики. Однако также от одного этого контрудара едва ли стоило ожидать решения, его можно было бы добиться только массивным контрударом авианосных самолетов с «Энтерпрайза», «Хорнета» и «Йорктауна». С ограничительным дополнением «вероятно».

Радиogramмы, передаваемые с РВУ, слышали на американских 16-й и 17-й авианосных ударных группах. Адмирал Флетчер теперь довольно точно знал местонахождение атакующих сил японцев. Это было его бесценным преимуществом над его противником Нагумо, который даже не знал, были ли вообще в этом районе американские корабли.

Примерно в шесть часов утра адмирал Флетчер на «Йорктауне» занялся своими умными расчетами. На основе сообщения о местоположении обнаруженных кораблей и группы самолетов он определил время, которое понадобится нападающим, чтобы долететь до Мидуэя для его бомбежки. К этому времени он доба-

вил еще четверть часа, которую должна была длиться атака, и время обратного полета.

Тактика Флетчера сводилась к тому, что он должен был нанести по японским авианосцам неожиданный удар своими собственными слабыми силами, по возможности в критическое мгновение, чтобы нанести врагу наибольший ущерб. Этот момент настал бы тогда, когда японские атакующие самолеты, находящиеся в настоящее время в пути, снова сели бы на свои авианосцы. Это было известно по опыту боев в Коралловом море: когда самолеты долетали до своих авианосцев, после полета, у них едва ли оставалось горючее. Они быстро садись, скапливались на палубе, так как подъемники никак не могли опустить их вниз так быстро, и – прежде всего, – в этой фазе корабельная зенитная артиллерия, которая стреляла по нападающим, всегда рисковала бы подбить еще свои садящиеся машины. Во время этой неразберихи на палубах и в подъемниках также вряд ли могли бы взлететь дополнительные истребители для обороны от нападающих.

Это была фаза, в которой авианосцы были так уязвимы как никогда. Вот ею и нужно было воспользоваться, так считал Флетчер, который после сражения в Коралловом море снова и снова задумывался об изменениях, которые заявляли о себе в морской войне, с тех пор как самолет играл в ней все более господствующую роль. Нужно было постараться догнать японцев в том, в чем они превосходили американцев, и найти новые тактические возможности. Флетчер сделал расчеты, и он пришел к выводу, что время еще оставалось. Но он приказал на «Энтерпрайзе» и «Хорнете» уже готовить эскадрильи к использованию полубронебойных бомб против кораблей противника. Вскоре после этого он отдал такой же приказ для пилотов «Йорктауна».

Только – взлета еще не было, и, кроме того, самолеты обеих оперативных групп должны были атаковать независимо друг от друга и со смещением по времени. Противника нужно было принудить обороняться как можно дольше, чтобы он сам не смог вести активные действия. Итак, Task Force 16 медленно двинулась на юго-запад, в направлении Мидуэя, примерно в 20 километрах за нею следовала Task Force 17. Пилоты были взволнованы. В любую секунду могла прозвучать команда на взлет...

Эти 27 истребителей над Мидуэем, скорее символический отряд, ввиду силы противника, поднялись очень высоко, чтобы скомпенсировать свои недостатки тем, что они могли броситься сверху на атакующих японцев, хотя каждому пилоту было ясно, что, естественно, только после первого подлета, после перехвата, наступит момент истины.

Японские самолеты появились над Мидуэем в 6.30. Капитан второго ранга Симард, который залез на одну из наблюдательных вышек, очень отчетливо видел их в свой бинокль. Он чувствовал, как пот на его спине становился ледяным. Японцы летели в правильном строю, окруженные своими истребителями. Сначала это выглядело так, как будто бы они хотели пройти мимо островов, но они сделали только один круг, наверняка для того, чтобы каждый летчик получил достаточное общее впечатление о цели, и когда этот круг был закончен, они спикировали вниз. Зенитная артиллерия стреляла непрерывно, также пулеметы и скорострельные пушки плевались огнем, а из стрелковых ячеек сверкали молнии из стволов карабинов. Симард поспешно спустился со своего наблюдательного штурма и стремительно побежал к командному бункеру, где он был в некоторой степени защищен, также от осколков снарядов собственных зенитных пушек, которые теперь начали ливнем падать вниз.

Капитан-лейтенант Томонага, возглавляющий строй, дал знак к атаке, после того, как он детально рассмотрел Мидуэй. В принципе крохотный атолл, два островка и риф, не больше, но американцы сидели на нем и, как можно было видеть, они хорошо оснастили свою базу. Томонага нажал вперед на ручку управления. На Истерн-Айленде он обнаружил одну оставшуюся цистерну с горючим. В крутом планирующем полете, с открытым бомболюком, он устремился к ней.

Тяжелая бомба попала точно в цель, наблюдатель Тамонаги закричал об этом, когда машина уже снова взмыла вверх и высматривала американские истребители.

Они были здесь, но истребители «Зеро» уже впутали их в отдельные бои, так что они могли только лишь несущественно помешать продолжению бомбардировки. Тут и там японские самолеты были поражены зенитным огнем, разваливались в воздухе, или с дымным хвостом падали вниз. Но это не удерживало пикирующие бомбардировщики, которые атаковали вслед за горизонтальными бомбардировщиками. Одной из самых заметных целей был построенный из дерева ангар летающих лодок в лагуне. Он был разрушен взрывами одновременно нескольких бомб, так что остатки досок летали по воздуху, как вялые листья.

Атакованы были отдельные орудия и пулеметные гнезда, траншеи, бункеры и изготовленные из гофрированной стали здания столовых. Затем одна бомба разорвалась в лазарете, другая превратила электростанцию в дымящиеся груды развалин... Проворные «Зеро» благодаря своей маневренности сбивали все больше американских истребителей. Скоро у японских истребителей сопровождения почти не осталось противника, и теперь они своим бортовым оружием атаковали стрелковые позиции американцев на пляже.

Авианалет длился двадцать минут, несколько дольше, чем подсчитывал это время адмирал Флетчер. Затем японские самолеты двинулись выше, шум моторов становился слабее. Последним еще один пикирующий бомбардировщик, пилот которого, очевидно, был ранен, потеряв управление, шатаясь, упал между как чудом оставшейся неповрежденной цистерной с водой и командным бункером Симарда.

Затем зенитный огонь также затих. Командер Симард видел везде дым и обломки. Всюду бегали спасательные команды и санитары. На Истерн-Айленде полковник Шэннон с облегчением констатировал, что взлетные полосы, за исключением небольших, быстро поддающихся ремонту повреждений остались исправными. Он оценивал это как хороший знак, так как вместе с тем сохранялся шанс для контратаки с Мидуэя, кроме того, самолеты из Пёрл-Харбора и дальше могли бы прилетать сюда.

Но на настроение Шэннона отрицательно влияло то, что пока еще ни один из собственных истребителей не сел. Затем постепенно вернулись только шесть из них. Ни одного «Буффало». Только шесть F4F перенесли этот бой, все прочие были сбиты.

Капитан-лейтенант Томонага, у которого в левом крыле самолета были большие дыры от попаданий зенитных пушек, дал сигнал лететь обратно. До этого он еще на большой высоте описал кривую над целью, чтобы точно рассмотреть результат; в конечном счете, от этого зависело содержание рапорта, который он должен был сделать, вернувшись на авианосец.

Он увидел, что строениям и прочим объектам на Мидуэе был нанесен значительный ущерб. Это снизило его обороноспособность. Разумеется, не все орудия были выведены из строя, и не все тяжелое автоматическое оружие уничтожено. Стрелковые позиции были лишь местами перепаханы взрывами, но в остальном оставались в исправном состоянии, и оставалось предполагать, что солдаты пережили бомбардировку. Но еще более важным было то, что, как с удивлением заметил Томонага, взлетно-посадочные полосы для самолетов противника были почти в порядке. И там не было обломков самолетов. За исключением истребителей, вражеские самолеты ускользнули от нападения. Это означало опасность для собственных авианосцев, которую не следовало недооценивать, так как теперь В-17 и В-26, о которых он полагал, что они ускользнули, могли вернуться назад и в любое время вылететь с бомбами против ударного соединения японского флота.

Томонага посмотрел на часы. Полчаса прошло с начала нападения. Он удалялся от Мидуэя. Но там внизу теперь солдаты выползут из своих укрытий, получат

новые боеприпасы, а самолеты приземлятся, подвешат бомбы. Этот налет был только наполовину успехом.

Поэтому Томонага решил сделать свой рапорт адмиралу Нагумо сразу, еще до того, как он снова сядет на авианосце, чтобы американской базе осталось как можно меньше времени, чтобы прийти в себя. Он передал по радио на «Акаги»: «Атака успешна. Вражеские самолеты ускользнули. Рекомендую немедленно вторую атаку для полного уничтожения, особенно летного поля».

Он не догадывался, что этой радиограммой вызвал цепочку тактических ошибок, которые в будущем должны были привести к важным последствиям.

В то время как на Сэнд-Айленде командер Симард выслушал рапорт своего адъютанта о том, что потери у защитников острова по предварительным подсчетам составили около тридцати человек, из них одна треть погибшими, адмирал Нагумо на «Акаги», наморщив лоб, обдумывал сообщение Томонаги.

Японское соединение подходило к месту, в котором с восьми часов утра должны были приниматься самолеты, возвращающиеся после атаки на Мидуэй; оно лежало где-то в 250 километрах к северо-западу от американской базы. Вторую атаку на базу можно было осуществить только в том случае, если не появится вторая цель – американский флот. Для этого были две решающих причины: американский флот представлял бы собой огромную угрозу для ценных авианосцев, поэтому, как только он бы появился, его необходимо было сразу атаковать и уничтожить. И – для нападения на корабли были необходимы торпеды и полубронепойные бомбы, тогда как для поражения наземных целей требовались обычные фугасные и осколочные бомбы.

Но теперь все готовые к взлету самолеты на японских авианосцах были снаряжены для действий против корабельных целей, чтобы во время налета первой волны на Мидуэй быть готовыми для быстрой атаки на американские корабли, которые могли появиться.

Поэтому адмирал Нагумо после радиограммы Томонаги стоял перед вопросом, который только на первый взгляд можно было просто решить. Для второго нападения на Мидуэй готовые сейчас машины нужно было переоснастить. Это происходило, по меньшей мере, у торпедоносцев, под палубой и требовало много времени. До возвращения и приема первой атакующей волны это время еще оставалось, но что случится, если в этой критической фазе появится американский флот? Тогда только что освобожденные от своих торпед и бомб самолеты нужно было бы оснащать ими снова, а это, в свою очередь, опять потребовало

бы время. Как ни посмотреть, оставался риск, что авианосные самолеты внезапно окажутся вооруженными неподходящим оружием.

Но адмирал Нагумо сначала решил вопрос в пользу второго нападения на Мидуэй. В конце концов, он заранее отправил свои самолеты-разведчики достаточно далеко, и до сих пор ни один из них еще не обнаружил американские корабли. Нагумо полагался на глаза своих летчиков. И так, он лишь коротко посоветовался со своим штабом. Затем он хотел уже дать команду к перевооружению второй волны, когда он внезапно услышал сигнальные звонки: приближаются вражеские торпедоносцы!

Одновременно во всем соединении начала стрелять зенитная артиллерия, и кружащиеся над авианосцами «Зеро» бросились на атакующих, удивленные тем, что это были только шесть самолетов.

Адмирал Нагумо испугался. Было только десять минут восьмого. Через пятьдесят минут машины первой волны должны были вернуться с Мидуэя – без боеприпасов, с почти пустыми баками, беззащитные. И здесь появились эти американцы! Откуда? Он чувствовал, насколько близкой была катастрофа, но он отгонял прочь это чувство. Это была его собственная ошибка, на вопрос об исчезновении самолетов сухопутного базирования с аэродрома Мидуэя ответить просто тем, что американцы как раз трусливо отошли на юг. Они поступили как раз наоборот, как можно было увидеть, атаковали его соединение. А также Томонага не подумал о том, что они могли бы быть на пути к авианосцам; он лишь констатировал их исчезновение!

И тут они приближались, шесть машин «Авенджер», пилоты которых были сами поражены тем, что им удалось найти японцев по указаниям РВУ. У этих летчиков было достаточно мужества. Они были полны решимости уничтожить противника. К сожалению, с их летными знаниями дело обстояло еще довольно плохо. Для большинства из них это вообще был их первый боевой вылет. Уже после старта они снова собрались скорее случайно, так как во время подготовки им не удалось уделить много времени тренировке полета в боевых порядках, недостаток, который они разделяли с почти всеми сражающимися в это время американскими пилотами. По меньшей мере, с теми, которые ранним утром 4 июня бросились в бой с Истерн-Айленда, не в мощном, действующем по заранее продуманному плану строгом боевом порядке, а в небольших, возникших по пути группах.

Корабли Нагумо шли зигзагом, так что вода бурлила, зенитная артиллерия превратила небо в серый дым. И «Зеро» кружили как злобные москиты. TBF из Мидуэя с трудом пытались вообще сбросить свои торпеды, прежде чем они были

сбиты. Один за другим они взрывались или, дымя, падали в море. За считанные минуты все закончилось. Но японцы на кораблях совсем не заметили, что на некотором расстоянии за шестью самолетами TBF следовали еще четыре B-26. Они присоединились по дороге к одномоторным торпедоносцам, и теперь, после того, как их экипажи стали свидетелями неудачи их товарищей, они опустились вниз и бросились из чада зенитного огня напрямик – как по договоренности, но в действительности случайно – вместе на первый попавшийся авианосец.

Это был «Акаги», флагманский корабль Нагумо. Его командир, капитан первого ранга Аоки, был опытным моряком. Он не обращал внимания на Нагумо и продуманно отдавал свои команды, которые принуждали тяжелый корабль к резким движениям, чтобы увернуться от вражеских бомб. Аоки лишь искоса бросил на адмирала короткий взгляд, когда при резком повороте руля центробежная сила отбросила Нагумо в угол помещения на мостике, где он, громко ругаясь, снова поднялся.

B-26 были тоже снабжены торпедами, которые они и сбросили, правда, не добившись попадания. Так как корабли шли зигзагом, они атаковали с кормы, как их этому учили. Теоретически такая атака обещала большую вероятность попадания, так как корма корабля относительно медленно отклонялась от своего направления, и так как при этом было неизбежно, что корабль подставлял под удар один из бортов. Все же, японские корабли были неожиданно быстры. Их скорость позволяла им, совершая маневры, уклоняться от приближающейся к ним сзади с не слишком незначительного удаления торпеды. А скорость американских торпед оставляла желать лучшего.

Поэтому большего успеха B-26 добились своим бортовым оружием. Капитан Аоки видел, как одна из его зенитных пушек на левом борту буквально взорвалась. Пулеметы B-26 попали в подготовленный к стрельбе боезапас. Мертвецы лежали на палубе. Раненые беспомощно катались туда-сюда. И тогда появился, как привидение, из чада последний, сильно поврежденный B-26 и подлетел непосредственно к мостику «Акаги».

Снова резкое движение руля, и горящая машина упала в море рядом с авианосцем.

Наступила тишина. Зенитная артиллерия молчала. На большом удалении еще можно было слышать низкое жужжание трех удаляющихся B-26, смешанное с более звонким звучанием «Зеро». Нападение было отбито.

Нагумо был теперь решительно настроен окончательно уничтожить то гнездо, из которого приходили эти опасные противники. Было 7.15, когда он отдал ко-

манду ускорить перевооружение второй атакующей волны для удара по наземной цели Мидуэй. «Хирю» и «Сорю» должны были подвесить на свои бомбардировщики фугасные бомбы, «Акаги» и «Кага» тоже переоснастили свои горизонтальные бомбардировщики с торпед на фугасные бомбы. Разумеется, снятие подвесок для торпед и установка подвесок для бомб могли происходить только под палубой, и это длилось дольше. Нетерпеливо Нагумо снова и снова смотрел на часы. В любой момент теперь к авианосцам могли прибыть первые самолеты первой атакующей волны, и их надо было принять, вследствие чего палубы были бы заблокированы.

Пока бригада по подвешиванию бомб еще лихорадочно работала, адмирал Нагумо был поражен новой неожиданностью: стартовавший последним с «Тонэ» разведчик, который находился теперь примерно в 500 километрах к востоку от авианосного соединения, сообщил об обнаружении группы американских кораблей из десяти единиц. Разведчик определенно сообщал: «авианосцев нет». Но Нагумо был предупрежден. Вопреки своему желанию он отменил свой уже частично исполненный приказ о перевооружении, и теперь приказал снова подвесить торпеды и полубронебойные бомбы, чтобы нанести удар по кораблям. Он поручил радисту «Акаги» передать пилотам разведывательного самолета, с которым вопреки режиму радиомолчания было разрешено поддерживать связь, указание продолжать наблюдение за группой американских кораблей и выяснить, не находились ли, все же, в ней или на некотором удалении от нее авианосцы. Нагумо рассматривал возможность начать атаку против американских кораблей только тогда, когда у него была уверенность, что авианосцы были там. Без них американское соединение было пока неопасно для него. Он мог бы приказать все же сначала атаковать Мидуэй, размышлял он. Так проходило время. В 7.50 истребитель «Зеро», который осуществлял воздушное прикрытие соединения, сообщил, что группа американских пикирующих бомбардировщиков приближается со стороны Мидуэя.

Это была группа из шестнадцати пикирующих бомбардировщиков SBD, которая внезапно обнаружила японцев под собой. Командир группы был опытным летчиком, но он знал, что никто из его пилотов не успел в достаточной степени обучиться пикирующему полету и выходу из пике. Поэтому он отдал приказ атаковать корабли в крутом планирующем полете, так как надеялся, что собственные потери будут меньше. Он оказался прав в этом отношении, потому что группа не потеряла ни одного из своих самолетов, но и сама не смогла добиться попаданий, за исключением нескольких стрелков с уничтоженных зенитных пушек на авианосцах. Также третья атака американских самолетов из Мидуэя не смогла нанести японцам существенного вреда.

За это время адмирал Нагумо стал достаточно нервным. Он снова и снова приказывал отправлять радиogramмы самолету-разведчику, чтобы получить информацию о типах американских кораблей, которые были обнаружены и которые могли, возможно, приближаться.

Теперь, около восьми часов утра, он получил ответ, что речь шла о пяти крейсерах и пяти эсминцах. Это означало, что с атакой на них можно было повременить и сначала нанести смертельный удар по Мидуэю. Адмирал уже хотел было отдать новый приказ о переоснащении самолетов для удара по наземным целям, когда ему сообщили, что для атаки на Мидуэй в настоящий момент не было истребителей сопровождения. Для отражения трех последовательных воздушных атак американцев на авианосцы потребовалось поднимать в воздух все больше истребителей. Теперь большинству из них нужно было приземлиться, дозаправиться, получить новые боеприпасы, пока они смогут осуществить новый, далекий полет. При этом палубы были очень сильно заблокированы. Снова должно было пройти время, без пользы.

Пока Нагумо еще обдумывал со своими офицерами, нужно ли сначала принять истребители прикрытия авианосцев или же ждать самолеты первой атакующей волны, которые могли прилететь в любой момент, и у которых почти не оставалось горючего, чтобы ждать посадки в воздухе, новое сообщение разрушило любую мыслимую концепцию Нагумо. Те в общей сложности пятнадцать машин В-17, которые на рассвете взлетели с Мидуэя, выследили японское соединение. Хотя они летели на высоте больше 6000 метров, они смогли разглядеть кильватерный след больших кораблей и даже нарисованные желтой краской на палубах японских авианосцев опознавательные знаки. В отличие от прежних атаковавших самолетов они летели четким строем. Все без исключения экипажи обучались полетам только над сушей, но хотя морские цели было трудно распознать, они все же понимали, что там внизу движутся несколько очень опасных авианосцев, от уничтожения которых совершенно однозначно зависел весь дальнейший ход событий. Поэтому они разделились на цепочки звеньев и сбросили свои бомбы. Однако они впервые бомбили движущиеся цели, которые, кроме того, еще зигзагообразными маневрами уворачивались от бомб.

Начался адский концерт зенитной артиллерии. Зенитчики еще не отдохнули после последней атаки. Чай принесли им прямо к зенитным пушкам, теперь еще полные баки с чаем из-за резких поворотов кораблей упали на палубы. Адмирал Нагумо бушевал, так как события угрожали просто раздавить его. Между тем наблюдатели сообщали о первых самолетах, которые возвращались домой после атаки на Мидуэй и суматошно кружились над выписывающими кривые авианосцами, в то время как рядом с ними шипели в море бомбы с летящих высоко В-17, поднимая в воздух огромные фонтаны. Кавардак едва ли мог быть

больше, но хотя и этот четвертый воздушный налет с Мидуэя прошел без попаданий, адмирал Нагумо не мог вздохнуть с облегчением, когда В-17 улетели. В то же самое мгновение, примерно в 8.30, с самолета-разведчика, который наблюдал за американскими кораблями, поступило сообщение, что в этой группе был один авианосец.

Адмирал Нагумо яростно топнул ногой и затем на несколько минут погрузился в напряженные размышления: авианосец следовало немедленно атаковать, значит, второй налет на Мидуэй отменялся. Но нужно ли было сначала дать взлететь самолетам подготовленной второй волны и только после этого принять все более нервничающие кружащиеся над авианосцами самолеты первой волны? Это продолжалось бы довольно долго, пока посадка всех самолетов будет закончена! И не следовало ли тогда вообще сначала принять истребители для заправки, чтобы снова иметь боеготовое истребительное прикрытие для авианосного соединения?

Нагумо еще размышлял, когда зенитки внезапно снова начали свой адский концерт. Командир Аоки сразу снова приказал двигаться зигзагами: одиннадцать американских пикирующих бомбардировщиков подлетали к соединению! Это были прилетевшие с Мидуэя «Виндикейторы», которыми, как и всеми другими, тоже управляли малоопытные летчики. К тому же «Виндикейтор» был происшедшим еще из середины тридцатых годов типом самолета с двигателем, по мощности не дотягивавшим до 1000 л.с., что ограничивало его максимальную скорость без бомбовой нагрузки лишь 400 км/ч. У опытных пилотов он получил прозвище «Вибратор», так как при приближении к максимальной скорости его начинало трясти. Вопреки этим недостаткам молодые пилоты не показывали страха. Только из-за неопытности в атаках на подвижные морские цели никто из них не добился попаданий. Также пятая атака американской авиации на соединение Нагумо не нанесла ему существенного вреда.

Но и после этой атаки Нагумо тоже не получил передышки, во время которой были бы возможны продуманные решения. Несомненно, он был в замешательстве. Японцы недооценили Мидуэй, потому что осуществляемые оттуда – пусть и хаотично – авиационные атаки все-таки привели в беспорядок соединение Нагумо и отняли у него инициативу. Теперь, после отлета «Виндикейторов», которых «Зеро» из-за недостатка горючего почти не преследовали, следящий за американским соединением самолет-разведчик также сообщил, что западнее крейсирует вторая группа американских кораблей. Нагумо сразу предположил, что там где-нибудь тоже должен быть авианосец. А вторая волна самолетов все еще не могла взлететь, так как теперь срочно нужно было дать приземлиться возвратившимся после атаки на Мидуэй самолетам – первые уже опускались на воду. Истребители сообщали, что их баки пусты. Если все ждущие машины не

смогут немедленно сесть на палубах авианосцев, им оставалась только вынужденная посадка на воду, что означало потерю самолета. Но если сейчас начать принимать их, то это отодвинет время взлета второй волны для атаки на американские корабли.

Различные штабные офицеры торопили Нагумо, настаивая на том, что нужно было, не обращая внимания на то, что возвратившиеся самолеты пропадут, сначала дать взлететь машинам, которые были переоснащены для атаки на корабли, даже если у них не было истребительного прикрытия. Главное, так они думали, это втянуть корабельное соединение американцев в бой, прежде чем они там сами перейдут к активным действиям. Все же Нагумо нельзя было переубедить, он не хотел терять самолеты, и хотел отправить полноценную атакующую группу. По его расчетам в группе должно было быть 27 торпедоносцев с авианосца «Кага», еще 18 с «Акаги», а также в целом 36 пикирующих бомбардировщиков с обоих других авианосцев, дополнительно 12 «Зеро» в качестве истребителей прикрытия, в общем и целом, массивный «кулак» из 93 самолетов.

Так неразбериха продолжилась. Вскоре после девяти часов утра прием первой волны самолетов, атаковавших Мидуэй, несмотря на несколько аварийных посадок поврежденных самолетов, закончился, и началась последняя подготовка для удара по американским кораблям. Одновременно Нагумо приказал соединению, к тому времени уже снова идущему в упорядоченном строю в форме квадрата, изменить курс в направлении северо-востока. Он хотел побыстрее выдвинуться навстречу противнику, если получится, чтобы сократить дистанцию для полета самолетов и этим ускорить ритм атак, которые он собирался вести. Противник больше не должен был получить передышки между отдельными ударами. Чтобы проинформировать руководителя всей операции, адмирала Ямамото, он сообщил ему о ситуации и своем решении в краткой радиোগрамме. В нынешней ситуации и без того уже не было никаких причин придерживаться абсолютного радиомолчания. Атака на Мидуэй была пока отложена. Базой можно было заняться позже, после того как сначала будет уничтожен выманенный американский флот.

Следящий за американцами самолет-разведчик еще радировал в это время, что с американского соединения поднялись примерно десять самолетов и взяли курс на юго-запад. Это был знак того, что противник начал собственную атаку. Нагумо недооценил эту опасность. Он рассчитывал на то, что можно будет отогнать также этих новых нападающих – если они вообще найдут его соединение – так же, как удалось отогнать предыдущие волны самолетов сухопутного базирования. О том, что летчики взлетевших с американского авианосца самолетов были опытными в морских боях пилотами, которые своим мастерством сильно

превосходили своих товарищей из Мидуэя, Нагумо не подумал. Он был очень доволен, когда ему сообщили, что в 10.30 атакующая группа, предназначенная для нападения на американский флот, может начать взлетать. Нагумо также не подумал о том, что помимо самолетов, о которых сообщил ему его самолет-разведчик, на подлете к нему могли быть и другие, взлетевшие еще раньше американские машины. Он буквально сгорал от желания нанести удар. Холодный ум, которым всегда отличался адмирал, после пяти американских атак уступил место рьяному боевому пылу.

Было ровно 9.18, когда один из крейсеров сопровождения внезапно сообщил о приближении пятнадцати вражеских торпедоносцев, и зенитная артиллерия снова открыла огонь.

Шестиминутный удар

4 июня обещало быть прекрасным, солнечным днем. На небе было лишь несколько легких перистых облаков, когда солнце медленно двигалось над горизонтом. Task Force 16 шла на юго-запад. Здесь с самого начала дня слушали – так же, как и в идущей несколько далее сзади Task Force 17 – сообщения о местонахождении с самолета-амфибии РВУ, а также с нападавших с Мидуэя самолетов, так что моряки были хорошо проинформированы. Кроме того, Пёрл-Харбор передал по радио обеим авианосным группам довольно точные сведения о силах противника, причем было упомянуто, что японское авианосное соединение защищено тяжелыми кораблями, и что следующая группа боевых кораблей находится очень далеко севернее, и цель ее там вообще пока нельзя так легко определить. Вероятно, резерв. Во всяком случае, однако, эти корабли не смогли бы быстро подойти к авианосцам.

Контр-адмирал Спрюэнс этим утром не позавтракал по-настоящему, только проглотил на ходу сэндвич, поел галет и снова и снова пил кофе, который никто не потреблял в таком количестве, как он. Речь шла о необжаренных бобах, которые Спрюэнс подобрал где-то, когда он крейсировал в Яванском море, и каждый раз кок поджаривал по горстке их на сковороде и потом варил кофе. У Спрюэнса была теория, будто бы у этого яванского кофе был непревзойденный вкус. При этом он упускал из виду, что во время обжаривания на сковороде кофе приобретал запах всех блюд, которые жарили и тушили на этой сковороде раньше. Поэтому хоть кофе Спрюэнса и стал объектом шуток на авианосце, но вообще его офицеры очень быстро заметили, что новый «старик» в своих тактических решениях не давал никакого повода для шуток. Он все хладнокровно рассчитывал, и иногда его штабу даже казалось, будто бы адмирал весь срок своей флотской службы провел на авианосце.

Необходимые договоренности с адмиралом Флетчером были отработаны. Теперь на мостике «Энтерпрайза» снова занимались подсчетами. Светлело. Удаление, которое должны были пролететь самолеты Task Force 16 до японских авианосцев и назад, позволяло, если учесть последние сообщения о местонахождении, осуществить нападение. Теоретически даже оставался определенный запас топлива, если бы стал необходим более длительный поиск. Это определенно нельзя было исключать. Между тем противник – так хладнокровно рассчитывал Спрюэнс – знал о местонахождении американских кораблей; американцы видели японские самолеты-разведчики. Итак, японцы примут свои возвращающиеся после налета на Мидуэй самолеты и затем подготовят их для новой атаки, на этот раз на американские корабли. Если только хоть немного повезет, можно будет застать японские авианосцы как раз на этой фазе, при условии, что американцы прямо сейчас поднимут свои собственные самолеты и отправят их в полет на расстояние примерно 280 километров.

Спрюэнс, согнувшийся над картами на мостике «Энтерпрайза», еще раз кратко пообщался со своим начальником штаба, который долго служил у Хэлси. Начальник штаба был за то, чтобы начать атаку как можно раньше – Спрюэнс дал сигнал.

Было семь часов утра. Оба авианосца Task Force 16 повернулись к ветру. Пилоты влезали в свои машины. Двигатели прогонялись. Потом первые бомбардировщики, истребители и торпедоносцы взлетели с «Хорнета». С «Энтерпрайза» поднялись сначала пикирующие бомбардировщики, затем последовали другие типы. Они долго кружили над авианосцами, причем машины бесполезно расходовали большое количество топлива. Причина была в том, что бомбардировщики и торпедоносцы ждали истребителей сопровождения, но те взлетали самыми последними – у них были самые маленькие топливные баки! Так происходила сложная процедура, пока, наконец, отдельные группы не собрались и начали полет, или пока отдельные командиры эскадрилий, уставшие от кружения и ожидания, просто не дали своим машинам сигнал к отлету – с истребительным прикрытием или без него.

В целом в путь отправились 120 машин, однако вовсе не как «сжатый кулак», а разбитые на маленькие или большие группы. Однажды на «Энтерпрайзе» даже пришлось прервать старт, так как оператор радиолокатора предупредил о приближающемся вражеском самолете. Пока не выяснилось, что это была разведывательная машина японцев, которая наблюдала за соединением с почтительного расстояния уже довольно долго, прошло еще больше ценного времени. Только после восьми часов утра взлетел последний самолет с «Энтерпрайза». Затем прошло лишь примерно четверть часа, прежде чем начался взлет самолетов на «Йорктауне», который с Task Force 17 отставал примерно на десять километров.

«Йорктаун» отправил в полет не все свои самолеты, Флетчер оставил примерно половину как оперативный резерв, чтобы быть подготовленным на случай какой-либо неожиданности. Всего с «Йорктауна» взлетели десять истребителей, двенадцать торпедоносцев и семнадцать пикирующих бомбардировщиков. Контр-адмиралу Спрюэнсу очень хотелось бы проводить своих пилотов медленно произнесенной молитвой, но он воздержался от этого желания ввиду деловитости, с которой офицеры вокруг него после вылета самолетов приступили к своим обязанностям. Не так, как будто сто двадцать самолетов с почти вдвое большим числом людей полетели в бой, шанс вернуться из которого был мал. Только начальник штаба, который следил за неразберихой при старте и отлете с такими же душевными муками, как и его начальник, оставался задумчивым, и он осторожно кивнул, когда Спрюэнс тихо сказал ему: – Ребятам придется приложить все силы, какие у них есть...

- Даже больше того, сэр, – ответил начальник штаба. – В противном случае рано или поздно японцы будут здесь над нами.

Спрюэнс заметил: – Они так или иначе будут над нами. У японцев все еще намного больше опыта с авианосцами, чем у нас. Они раньше начали разрабатывать эту новую технику. И самолетов у них тоже достаточно!

Начальник штаба знал, что Спрюэнс прав, тут нечего было возразить. Но он чувствовал себя обязанным немного приободрить своего командира, и поэтому он сказал: – Ну, бывали такие битвы, исход которых определялся уже даже тем, что боги приходили на помощь праведному. Если нам повезет первым ударом неожиданно поразить их, когда они не готовы, это перевесит их опыт. Спрюэнс пробурчал что-то, что можно было в крайнем случае оценить как согласие. Он был достаточно хорошим знатоком людей, чтобы почувствовать, что этот офицер, который с начала войны служил у рубаки Хэлси, с большой озабоченностью смотрел на только еще недавно начавшийся день. И у него была причина для того, он знал корабль и летчиков, так же как он знал самолеты, на которых те летали...

Американские торпедоносцы были типа TBF-1, который фирма «Грумман» поставляла уже примерно один год. Это был свободнонесущий моноплан со среднерасположенными короткими, угловатыми крыльями, который с одной торпедой или одной тяжелой бомбой мог достичь скорости 400 км/ч.

Машина под названием «Авенджер» («Мститель») была действительно удачной конструкцией, которой вращающаяся пулеметная башня в конце кабины и два неподвижных пулемета в крыльях давали определенную способность защищаться от вражеских истребителей. Но при условии полной загрузки она была,

по словам пилотов, неуклюжей и медлительной, и в воздушном бою не могла тягаться с «Зеро». Кроме того, с американскими торпедами – не только у летчиков, но и у подводных лодок – были большие проблемы. Они двигались слишком медленно и слишком неточно, поэтому опытные моряки могли легко уклониться от них. Многие торпеды не взрывались при попадании. Все вместе это изначально делало атаки торпедоносцев чем-то вроде лотереи.

В качестве пикирующего бомбардировщика на американских авианосцах использовался разработанный в конце 1930-х годов «Дуглас» SBD-3 «Донтлесс» («Бесстрашный»), несомненно, замечательное достижение американского авиастроения. Двухместный моноплан с низкорасположенным легко складываемым крылом мог нести одну 500-килограммовую бомбу, был вооружен двумя 12,7-мм пулеметами впереди и двумя 7,62-мм пулеметами сзади, и достигал скорости 400 км/ч. Если им управляли хорошо обученные летчики, этот самолет мог с большим успехом наносить удары по точечным целям. Критической фазой были мгновения, когда SBD-3 после сбрасывания бомбы выходил из пике и снова набирал высоту, недостаток, который эта модель разделяла с другими типами пикирующих бомбардировщиков, так как в этот момент она летела относительно медленно и предсказуемо, таким образом, ее легко можно было поразить зенитным огнем. Тем не менее, «Донтлесс» представлял собой, вероятно, самый опасный для противника самолет, который в то время использовался на американских авианосцах.

«Грумман» F4F «Уайлдкэт» («Дикий кот») служил на авианосцах американского флота в роли истребителя-перехватчика. Внешне несколько неуклюжий, «лобастый» одноместный самолет со среднерасположенным крылом, вооруженный четырьмя неподвижными крупнокалиберными пулеметами в крыльях, он мог разогнаться до 500 км/ч, и его маневренность делала его серьезным противником японских «Зеро», хотя он и уступал японскому истребителю в скорости. Зато для самых неуклюжих и медлительных японских торпедоносцев он мог быть очень опасным. Именно на авианосцах «Диких котов» особенно высоко ценили из-за их непритязательности в плане обслуживания. С созданием «Уайлдкэта» уже в это время проявились способности американских авиаконструкторов и возможности быстрого промышленного производства новых типов самолетов.

У всех взлетевших этим утром с американских авианосцев самолетов была одна и та же трудность: в то время как они поднимались и шли на приказанный курс – как и самолеты с Мидуэя снова только в растянутом строю и довольно хаотично перемешанные – Нагумо изменил курс своего соединения на север, так что оно, когда первые TBF оказались над указанным им районом, где предполагалась цель атаки, уже исчезло. Теперь каждая из групп начала искать противни-

ка на свой страх и риск. Часто это были только группки из трех или четырех самолетов, которые соединились и теперь действовали вместе.

Пятнадцать торпедоносцев с «Энтерпрайза» летели, широко растянувшись, чтобы осматривать как можно более широкую водную поверхность под собой. После девяти часов утра тонкий слой перистых облаков появился под ними, и на определенное время они стали слепыми. Все же, когда слой облаков закончился, несколько летчиков одновременно обнаружили на море кильватерный след, столбы дыма и корабли. Там был противник.

Летчики торпедоносцев уже прошли через несколько боев во время сражения в Коралловом море и сформировали, как они научились, клин для атаки. Еще когда они спускались вниз, чтобы насесть на японское соединение сзади, что обещало лучшие возможности попадания, уже примерно двадцать истребителей-перехватчиков «Зеро» бросились на них, и начался убийственный бой между подлетающими к цели американскими самолетами и истребителями. В этом американские торпедоносцы однозначно уступали. Не только потому, что они, чтобы прицелиться в свои цели, должны были лежать на постоянном боевом курсе – они отчетливо уступали японцам также в скорости и маневренности. Один из штабных офицеров Нагумо подсчитывал сбитые самолеты во время нападения. Он установил, что с незначительной разницей во времени примерно каждую минуту был сбит один американский торпедоносец, а японцы не понесли никаких потерь. Торпеды – некоторые из них были сброшены на слишком большом удалении – все прошли мимо своих целей. Даже медлительные авианосцы легко смогли уклониться от них. В конце, примерно в 9.45, когда «Зеро» снова поднялись выше, и зенитная артиллерия прекратила огонь, все пятнадцать американских самолетов были сбиты, не добившись со своей стороны ни одного попадания.

Все же, спокойствие, которое теперь наступило, было обманчивым и коротким. Уже через две минуты сигнальные звонки на авианосцах снова издали пронзительный звук. Палубы авианосцев были заполнены готовыми к взлету самолетами, которые должны были взлететь против обнаруженного соединения американских кораблей. Снова зенитная артиллерия начала стрелять, и ревущий шум моторов бросающихся на врага «Зеро» смешивался с разрывами зенитных снарядов. Прилетела вторая эскадрилья американских торпедоносцев, на этот раз они были с «Хорнета», их было четырнадцать. Снова «Зеро» перехватывали противников еще далеко перед целью и ввязывали их в воздушные бои, которые мешали им удерживать курс подлета к цели. Хотя стрелки-наблюдатели из спаренных пулеметов TBD вели по японским истребителям яростный огонь, японцам удалось либо заставить десять из четырнадцати американских самолетов экстренно сбросить торпеды на слишком большой дистанции, либо сбить их.

Только трое смогли в некоторой степени осуществить прицельное сбрасывание торпед, но они не попали. Еще один самолет, торпеда которого не отделилась от узла подвески, присоединилась к ним, когда они возвращались назад, летя совсем низко над водой – четыре машины из четырнадцати, высокая цена, которую довелось платить за вторую безуспешную торпедную атаку.

Все это время американские истребители сопровождения кружили на высоте выше 6000 метров над районом боевых действий, не зная точно, что происходило там внизу. Они ждали сигнал от торпедоносцев, который вызвал бы их вниз. Этот сигнал не был дан, или он не дошел, никто позже не мог сказать это точно. Недоразумение, вероятно. Во всяком случае, время F4F и без того заканчивалось, в их баках оставалось горючее, достаточное только для возвращения домой. Поэтому они повернули назад, не вмешиваясь в бой.

После неразберихи при старте и отлете недостаточная координация проявилась у американских летчиков также во время нападения и помешала их возможному успеху. Вновь оказалось, что этот новый вид морских сражений с использованием сил авиации готовил некоторые неприятные сюрпризы как летчикам, так и командирам.

Адмирал Нагумо, рассерженный тем, что этим утром ему пришлось перенести уже седьмое нападение, в общем и целом рассчитывал все хладнокровно и трезво. Из способа, которым были произведены атаки, он сделал вывод, что американские летчики были очень неопытными, и что их тактика атаки была совершенно незрелой. Это возвращало ему уверенность в себе. Этот противник, так он думал, если когда-то и мог бы добиться попадания, то, самое большее, лишь как-то случайно.

Нагумо еще больше утвердился бы в этом своем мнении, если бы он знал, что его соединение между тем отчаянно искали в общей сложности 35 пикирующих бомбардировщиков и десять истребителей, которые взлетели с «Хорнета». Самолеты точно придерживались приказанного курса, но в месте, где по их информации должно было находиться соединение Нагумо, они не увидели даже следа хотя бы одного корабля.

Руководитель группы решил использовать свои запасы горючего до критической границы для поиска японских авианосцев. Только направление было проблемной, и здесь этот командир эскадрильи допустил вполне понятную ошибку. Он подумал о том, что Мидуэй был настоящей целью японцев, и потому они, по всей вероятности, двигались именно туда. Исходя из этого, он направил отряд пикирующих бомбардировщиков и истребителей сопровождения курсом на юг. Это стоило ценного горючего, и когда, наконец, группа находилась на удалении

почти только ста километров от Мидуэя, над районом моря, где уже видны были первые рифы, выяснилось, что они искали в неправильном направлении – нигде поблизости не было ни одного вражеского корабля. Поэтому эта мощная боевая группа пикирующих бомбардировщиков должна была приступить к обратному полету к своему авианосцу, не добившись никаких результатов.

Никто из пилотов в этот момент не знал, что пикирующие бомбардировщики «Энтерпрайза» и взлетевшие позже пикирующие бомбардировщики «Йорктауна» независимо друг от друга обыскивали эту первоначально указанную целевую область и тоже безрезультатно. Но эти обе группы расширили свой поиск – в отличие от летчиков с «Хорнета» – на север, в правильном предположении, что Нагумо изменил свой курс на американские авианосцы, чтобы сначала атаковать их. Между тем у японцев уже полным ходом шла подготовка самолетов к их первой атаке на американский флот. При этом Нагумо еще раз застало врасплох следующее не сосредоточенное нападение американских торпедоносцев.

Это были двенадцать TBD, которые до недавнего времени летели вместе с семнадцатью пикирующими бомбардировщиками, все с «Йорктауна», а потом разделились для поиска. Теперь TBD первыми обнаружили авианосцы Нагумо и сразу же атаковали их с малой высоты.

Если бы это нападение было скоординировано с атакой пикирующих бомбардировщиков, то оно легко могло бы уже добиться решающих результатов. Так, однако, семнадцать пикирующих бомбардировщиков кружили, ничего не подозревая, в совсем другом месте, над быстро распространяющимся разорванным тонким слоем облаков, в то время как истребители сопровождения авианосцев Нагумо бросились на подлетающие TBD. Только два из них ускользнули. У японцев не было ни одного попадания. Нагумо даже не приказал прервать подготовку к взлету. Он твердо решил поставить теперь на карту все. Его часы показывали 10.15, когда десятый из двенадцати торпедоносцев сбитый упал в море, и оба последних улетели прочь. Теперь Нагумо дал команду на взлет уже подготовившихся к этому времени в целом 93 самолетов для атаки американских кораблей. Это продолжалось лишь несколько минут, когда Нагумо приказал повернуть свои авианосцы к ветру. Теперь уже можно будет показать, наконец, американцам, что их ждет. На протяжении трех часов американцы провели восемь безуспешных атак, теперь пришло время контрудара, который должен был уничтожить их.

Пилоты сидели в своих кабинах, снова и снова двигали вперед и назад дроссельные рычаги, и пристально смотрели на сигнальные флаги стартеров. У некоторых в ушах еще звучало слово «Банзай!», произнесенное в адрес императора, и вкус сладкого рисового вина еще оставался на губах. Тут они внезапно

заметили, как стартёры сконфуженно опускали флаги, смотрели наверх, затем пригибались: новая атака на авианосцы! На этот раз это были американские пикирующие бомбардировщики, которые – едва различимые – пикировали с большой высоты. Было точно 10.22.

Две эскадрильи пикирующих бомбардировщиков «Энтерпрайза» провели длительный поиск. Постепенно из района, в котором, как сообщалось вначале, находились авианосцы Нагумо, они легли на северо-восточный курс, восточно-северо-восточный курс, чтобы определить это точнее. Однако, предположение командира эскадрильи о том, что Нагумо шел навстречу американским авианосцам, кажется, не подтверждалось.

Брэд Минтер, молодой, но уже очень опытный лейтенант, который летел сразу за командиром ударной авиагруппы, все чаще смотрел на свой индикатор топлива. Было оговорено, что как только в баке останется ровно половина горючего, нужно было лететь обратно, если до тех пор не удастся определить местонахождение японцев. Летчики могли полагаться только на свои глаза, так как SBD не располагали – в отличие, например, от больших разведчиков и бомбардировщиков – радиолокатором. Также связь по радиопереговорному устройству между пилотом и пулеметчиком не была предусмотрена, она существовала только от пилота к пилоту. Потому экипажи договорились общаться перестукиванием в плексигласовое стекло кабины, если один из них что-то обнаружит на море.

Минтер летал на этом самолете уже во время сражения в Коралловом море, но там ему ни разу не удалось попасть в японцев. Он сердился из-за этого, хотя его командиры утешали его, мол, у него будет еще достаточно шансов попасть бомбой в цель, прежде чем война кончится. Это, пожалуй, действительно могло быть так, но что же писать своей невесте, если хочешь дать ей понять, что находишься на прямом пути к тому, чтобы стать героем?

Лейтенант Минтер обнаружил на море узкий кильватерный след, вероятно, одновременно с его командиром группы, так как когда он взволнованно увеличил скорость, чтобы подлететь к командиру поближе и дать ему знак рукой, он увидел, что командир уже поднял руку, и затем вытянул ее вперед, жест, означающий: «Следуйте за мной». Там внизу через некоторое время в конце кильватерного следа появился небольшой корабль, который шел курсом на северо-восток. Отставший от большого соединения? Командир группы решил последовать за кораблем, предположив, что он здесь не один, и еще другие корабли находятся в непосредственной близости. Вероятно, он думал, что этот корабль приведет нас к ним!

Он оказался прав, как выяснилось уже скоро. Снова он указал рукой вперед, и Брэд Минтер, наблюдавший этот жест, теперь тоже увидел корабли, которые, кажется, шли большим квадратом, большие и малые, также очень большие. Минтер сразу предположил, что это могли быть только авианосцы.

Он постарался снова занять свое место в строю. Теперь командир группы включил также до сих пор запрещенное радио; в наушниках под шлемом начало шуршать. Затем Минтер услышал, как командир группы сообщил на «Энтерпрайз», что он обнаружил основные силы японцев и будет атаковать.

Дошло ли его сообщение до «Энтерпрайза», было под вопросом, потому что радиостанции были не очень эффективны на больших удалениях. Однако в самой группе его слова слышали. Двадцать пять рук на двадцати пяти машинах откинули назад предохранительные рычаги, которые блокировали случайное отцепление бомб.

Собственно, в целом с «Энтерпрайза» взлетели тридцать три пикирующих бомбардировщика, но восемь потерялись по дороге, из-за поломок двигателя, или из-за того, что они заблудились сразу после старта. Теперь командир группы, когда остальные двадцать пять были точно над японским соединением, отдал, повернувшись через левое крыло, сигнал к атаке, причем он еще прорычал в радиопереговорное устройство: «С желтыми линиями на палубах и с желтыми кругами, это авианосцы. На них!»

Никто в этой группе не знал, сколько всего авианосцев шло там внизу, никто не знал их названий, значение имело только то, о чем им всегда напоминали: если нашли, сразу пикируйте на самое толстое корыто!

Они именно это и сделали, не догадываясь, что там внизу как раз только что еще был отражен налет торпедоносцев, и японцы уже хотели запустить, собственно, свою атакующую группу. Из пилотов «Энтерпрайза» никто также понятия не имел о том, что второй отряд пикирующих бомбардировщиков, взлетевший с «Йорктауна», теперь после более длительного поиска тоже обнаружил японцев и начал атаку. Только когда первые машины поднялись после сбрасывания бомб, пилоты удивлялись, что внезапно в воздухе оказалось гораздо больше SBD, которые в кружащейся неразберихе, часто только чудом избегая столкновения, пикировали на японцев.

Как и атаки торпедоносцев раньше, это нападение также было по сути хаотичным. Между атакующими самолетами не было распределения целей, интервалы, в которых звено за звеном, машина за машиной переходили в пике, не были определены, каждый летчик, который видел корабль, брал его как свою цель и

выжимал ручку управления вперед. Поэтому бывало так, что несколько самолетов одновременно бросались на один и тот же авианосец, мешали друг другу, закрывали друг другу обзор, почти сталкивались. Но важным было только то, что проявилось уже в первые минуты: что эта атака была совершенно неожиданной для противника.

Нагумо в этот момент не рассчитывал на новый налет. Палубы его авианосцев были заполнены полностью готовыми к взлету самолетами, истребители, за малым исключением, тоже приземлились для дозаправки перед решающим ударом по американским авианосцам. Теперь японцы никак не могли так быстро выделить эти истребители среди всех прочих самолетов, тут же подготовить их и дать им взлететь для обороны.

Хотя зенитная артиллерия стреляла из всех стволов, но в пикирующие самолеты трудно было попасть, и поэтому атакующие первыми добились попаданий, по авианосцам, по меньшей мере, по трем из них. Потрясающий результат скорее еще случайно осуществившегося, мало скоординированного нападения.

Позже никто больше не мог точно сказать, какая эскадрилья какого авианосца добилась, собственно, большего числа попаданий.

Сначала бомбы попали в авианосец «Кага».

Четыре или пять SBD навалились на него, рискованно близко друг к другу, так что только пара метров не позволяла им столкнуться. Но они попали, во всяком случае, некоторые из них. Одна из пятисоткилограммовых бомб пробила кормовую палубу, прежде чем она взорвалась, бросая в воздух обломки самолетов, куски жести и разодранные на куски механизмы. Затем другая бомба попала в мостик, причем этот командный пункт всего корабля был буквально разбит вдребезги. Третья бомба зажгла стоящий на палубе бак с горючим. Пламя быстро распространялось, дополнительно подпитываясь бензином из пробитых баков стоявших на палубе самолетов. Огонь бежал по палубе и нашел свой путь вниз. Первые боеприпасы начали взрываться. Следующая бомба ударила в полетную палубу. Дым и пламя взметнулись вверх, почти добираясь до несущихся вниз SBD, которые, сбросив бомбы, взметались ввысь с ревущими моторами.

Зенитные пушки еще стреляли с огневых позиций вокруг полетной палубы. Но дым и огонь прогоняли артиллеристов, обжигали их кожу. Вокруг горящего корабля, из корпуса которого вырывались взрывы, кишело моряками и летчиками, которые спасались рискованным прыжком в воду. Спасены? Многие из них ломали себе конечности, другие попадали в пылающее горючее, которое лилось с палуб в воду и продолжало там гореть.

На «Акаги», флагманском корабле Нагумо, капитан второго ранга Футида первым осознал весь масштаб этой опасности. Он как летчик знал, насколько высока результативность пикирующих бомбардировщиков, и он абсолютно ясно видел безнадежную ситуацию: дюжины пикирующих бомбардировщиков, собственные палубы, полные самолетов, и почти никаких истребителей в воздухе! После завтрака врач корабельного лазарета разрешил ему выйти на палубу и посмотреть на взлет первой волны самолетов, направлявшихся против американских авианосцев. Его аппендицит проходил, можно было обойтись и без операции, так что Футида, герой Пёрл-Харбора, уже рассчитывал, что в один из ближайших дней он сможет, наконец, взлететь сам. Теперь, когда он увидел несущиеся вниз пикирующие бомбардировщики, эта надежда исчезла. Он почувствовал, что речь шла уже просто о выживании, совершенно неожиданно. Он быстро отбежал от цистерны с бензином и пригнулся за стальной обшивкой мостика, когда гудение пикирующих бомбардировщиков усиливалось. Футида прикрыл голову обеими руками и прижался лицом к холодной стали. Сначала несколько бомб разорвались совсем рядом с «Акаги», слегка погнули его броню и подняли вверх высокие фонтаны воды.

Затем произошло решающее попадание. Пятисоткилограммовая бомба упала прямо перед мостиком, пробила несколько палуб и взорвалась в одном из пустых теперь самолетных ангаров. Она нанесла большие повреждения жизненно важным коммуникациям корабля, и так как всюду хранилось горючее, под палубой сразу же возник пожар.

Высокие языки пламени вырывались через дыру от бомбы. Футиду отбросило к обшивке, и он чувствовал себя оглушенным. Но он не потерял сознания, так что он ругал себя за то, что не надел спасательный жилет. Для него едва ли была надежда пережить этот бой на борту. Корабль получил смертельные повреждения, кто мог судить об этом лучше того, кто сам атаковал корабли! На мостике поднимались несколько моряков, которые накрыли своими телами адмирала Нагумо и командира корабля Аоки. Не успел Футида принять ясное решение, как на корабле взорвалась новая бомба. На этот раз она попала в заставленную готовыми к взлету самолетами корму авианосца и разбила рулевое устройство, прежде чем самолеты начали гореть; их боеприпасы и полные баки взрывались.

Конец, подумал Футида. Теперь он искал шанс добраться до одной из резиновых надувных лодок и с ней прыгнуть в воду. Судьба «Акаги» для него уже была решена. Все равно, как долго корабль еще останется на плаву, он уже был неуправляемыми обломками.

Мицуо Футида из многочисленных предвоенных учений знал, насколько тверда вода, если прыгнуть в нее с большой высоты. В японском военно-морском фло-

те уже задолго до войны проводили маневры, которые требовали соответствующих приемов, теперь они пошли Футиде на пользу. Несколько сложенных резиновых лодок были сметены за борт и теперь двигались по воле волн, все еще сложенные, глубоко в воде. Нужно добраться до одной из них, подумал Футида. Он не медлил. В несколько прыжков он был на краю полетной палубы, и оттуда он сделал огромный прыжок в свободное пространство. Когда он висел в воздухе, он поджал ноги как при прыжке с парашютом и охватил колени руками, прижав подбородок к груди. Когда он в этой позе ударился о воду, то почувствовал лишь небольшую боль, и кости остались невредимыми. Он вынырнул, обнаружил поблизости одну из надувных лодок, дернул за шнур автоматического надувания, и когда лодка надулась, он влез внутрь.

Всюду, кажется, горели корабли. Но это было не очень правильным впечатлением. Хотя дым и был повсюду, куда ни посмотри, но он в большинстве случаев исходил от пожаров на «Кага» и «Акаги», так же, как и от зенитных пушек, которые беспрерывно стреляли на всех кораблях. Треск зенитных снарядов смешивался с гулом авиамоторов и взрывами на первых подбитых авианосцах в настоящую какофонию.

Футида, промокший до нитки, скорчился в своей надувной лодке и только надеялся, что осколок не попадет в него и не разорвет лодку, что могло бы быть не менее опасно для жизни. Он рассчитывал, что он смог бы спастись, если в него не попадут еще в последние минуты происходящей сейчас атаки. Затем должны были прийти поисковые корабли. Они должны были выловить сотни плавающих людей.

Последние минуты налета американских пикирующих бомбардировщиков еще раз указали Футиде на то, как быстро могут выноситься решения в морском бою, который ведут исключительно самолеты и зенитная артиллерия. Восемь безуспешных атак американцев подряд, и теперь эти пикирующие бомбардировщики! Футида видел, как горят два авианосца, как волны несут их, потерявших управление, потерянных, как казалось ему. И тогда там был третий, «Сорю», насколько он мог судить. Он, кажется, был исправен, но он со своего места не мог разглядеть, были ли разрушения на его полетной палубе. За несколько секунд это уже потеряло значение, потому что также над «Сорю» внезапно кишело самолетами. Плотной кучей, такой плотной, что Футиде хотелось бы потрясти головой, не оцепеней он от страха, пикирующие бомбардировщики кружились над целью. Один за другим самолеты пикировали вниз, нескоординированные удары, как это выглядело. Американцы прямо-таки напирали, чтобы освободиться от бомб, приближались при этом друг к другу на опасно близкое расстояние, мешали сами себе, но все же в большинстве случаев бросали свой опасный груз в цель, как мог видеть Футида.

Упавшие мимо бомбы поднимали вокруг «Сорю» высокие столбы воды. Но уже через несколько секунд авианосец получил так много попаданий, что моментально превратился в развалины. Сначала одно попадание в переднюю полетную палубу, потом попадание в мостик, одновременно с этим попадание в корму – буйствующий пожар, трескающийся металл, разлетающиеся вокруг куски самолетов и люди, дым, желто-красное пламя, смрад от сгоревшей нефти, резины и краски.

Футида еще ниже нагнулся в надувной лодке, в то время как американские самолеты бросали свои последние бомбы на корабли сопровождения, без видимых попаданий. Для Футиды операция по захвату Мидуэя, на которую он отправился с такой большой уверенностью в победе, теперь выглядела окончательно поставленной под сомнение, если не проигранной. Он сомневался в том, что линкоры и крейсера ввиду непрерывных авиационных атак американцев смогут захватить Мидуэй, если вышедшие из строя авианосцы не будут заменены другими. Было ли это возможно? И – откуда взялись американские авианосцы? Разведка говорила о том, что самое большее еще только один авианосец у американцев боеспособен! Загадки, на решение которых теперь уже не было времени.

Постепенно шум стихал. Зенитная артиллерия прекратила огонь. Шум моторов исчезал. Сразу уже нельзя было услышать те немногие «Зеро», которые были в воздухе. Осталось лишь шипение больших пожаров и время от времени взрыв бензина или боеприпасов на одном из разбитых авианосцев. Футида знал, что он пока остался в живых.

У последних «Зеро» с брошенных в пожаре авианосцев было как раз еще достаточно горючего, чтобы лететь к северу. На удалении примерно десяти километров от остального соединения находился «Хирю», четвертый авианосец Нагумо. Он, выписывая зигзаги, уклонился от торпедных атак американцев и вместе с тем отошел от связанной с этим неразберихи далеко на север, так что никто на его борту не мог точно сказать, что, собственно, происходило там на юге. Слышен был удаленный вой моторов, стрельба зенитных пушек, взрывы, и потом там в воздухе стояли три высоких столба черного дыма, лишь медленно развеиваемого слабым ветром. «Хирю» не был атакован. Его самолеты для атаки авианосцев США были готовы к взлету. Но никакого приказа на взлет от Нагумо не поступило. Теперь «Хирю» был готов осторожно снова приблизиться к соединению, когда сообщили о «Зеро», которые собирались приземлиться. Это были не его собственные машины, а самолеты с других авианосцев.

Капитан-лейтенант Томонага, который возглавлял авиационный налет на Мидуэй, стоял на палубе, окруженный другими пилотами и пристально смотрел туда,

где поднимались дымные столбы, и откуда теперь приближались «Зеро». Он не предчувствовал ничего хорошего. Теперь он видел, как на полетной палубе освободилось место, он побежал туда, где остановился первый «Зеро», под его шасси подложили клинья, и кабина открылась.

- Помогите мне выбраться! – закричал пилот.

По опознавательному знаку самолета можно было увидеть, что он был с «Акаги». Несколько механиков пододвинули лестницу. Затем они подняли раненого пилота с сиденья. Осколок разорвал его левую ногу. Принесли носилки и положили его на них. Томонага подошел и посмотрел на усталое почерневшее от порохового дыма лицо. – Что там происходит?

Пилот не ответил сразу. Он посмотрел на свои наручные часы и затем произнес медленно, больше для себя, чем для окружающих: – Шесть минут. Это был ад. Так много этих проклятых американских пикирующих бомбардировщиков. Мы не могли задержать их. Я с такой ногой больше не мог делать виражи... Шесть минут – такое короткое время...

- Есть потери?

Пилот недоверчиво взглянул на Томонагу. Мог ли кто-нибудь не видеть эту катастрофу? Не сразу до него дошло, что «Хирю» был слишком далеко от поля боя, так его это не затронуло. Он приподнялся на локте, как будто, чтобы принять положенную при рапорте позу. Затем он сказал, с трудом сдерживая слезы: – Флагманский корабль горит, «Акаги». Также «Сорю» и «Кага» разрушены. Пробитые палубы, пожары. Есть также попадания на кораблях сопровождения, но там повреждения незначительны...

Когда они несли его в корабельный лазарет, он плакал. Пилоты молча окружили Томонагу, каждый был занят тем, что пытался осмыслить эту невероятную новость. Томонага первым ушел прочь, в направлении мостика.

Прошел один час и сорок минут, когда Брэд Минтер заметил Task Force 16 на море. Он вел те машины, которые после атаки собрались в группу, следуя сигналу радионаведения с «Энтерпрайза», назад к авианосному соединению. Кроме этой группы были летчики, летевшие отдельно, и были аварийные машины, которым по пути пришлось совершить вынужденную посадку на воду. Когда оставшие, наконец, прибыли, счет выглядел не совсем благоприятным: из 33 взлетевших пикирующих бомбардировщиков «Энтерпрайза» 18 не вернулись.

Но что все это уже значило в сравнении с тем потрясающим успехом, которого они добились! Брэд Минтер поднялся на мостик и вместо сбитого командира эскадрильи доложил контр-адмиралу Спрюэнсу: – Сэр, приказание выполнено. Японское авианосное соединение атаковано, и три авианосца уничтожены. Горящие подбитые корабли утратили ход и дрейфуют на море, сэр.

- Спасибо! – Спрюэнс подал ему руку. – Хорошая работа. Но мне сообщали о четырех авианосцах в этом соединении – вы видели четвертый?

- Не видели, сэр.

Примерно в то же время, с такими же высокими потерями, возвращающиеся домой пикирующие бомбардировщики приземлялись на «Йорктаун». И адмирал Флетчер тоже задал вопрос о четвертом японском авианосце. Никто не мог сказать, не находился ли он, вероятно, среди линкоров и крейсеров. Но он должен был быть там, летающие лодки РВУ сообщили о нем. Где же он мог прятаться?

Нужно ковать железо, пока горячо, подумал Флетчер, и таким успехом, как у него, необходимо воспользоваться для следующей победы. Если удастся поймать также и четвертый авианосец японцев, тогда самая большая опасность для Мидуэя, но также и для обеих американских оперативных групп будет пока исключена. У Флетчера в резерве еще было 17 пикирующих бомбардировщиков, заправленных и с полным боекомплектom. Теперь он решил немедленно отправить десять из них с приказом найти в районе боевых действий четвертый авианосец и уничтожить его. Остаток своих пикирующих бомбардировщиков, как раз два звена, он оставил на борту, на всякий случай.

В 11.20 десять пикирующих бомбардировщиков взлетели с «Йорктауна». Затем самолеты истребительного прикрытия с большими интервалами приземлялись для дозаправки и немедленно взлетали снова. Их было совсем немного, во время прикрытия торпедоносцев истребители понесли большие потери. Теперь все в какой-то мере висело на волоске: если американцам удастся найти и атаковать четвертый авианосец, прежде чем тот сам сможет нанести удар, исход битвы был бы практически решен. Даже с остатком собственных самолетов американцы тогда смогли бы удерживать на расстоянии тяжелые корабли японцев, после того, как те больше не будут располагать истребительным прикрытием.

Флетчер как раз был готов, нарушив режим радиомолчания, выйти на связь со Спрюэнсом, чтобы узнать от того о потерях Task Force 16, когда оператор радиолокатора сообщил ему, что на удалении примерно пятидесяти километров приближается большая группа самолетов противника, на высоте, которая поз-

воляла предположить, что это были не торпедоносцы, а пикирующие бомбардировщики.

Флетчер немедленно привел корабли в повышенную боевую готовность. Зенитчики разбежались по своим постам. Дюжина истребителей-перехватчиков находилась в воздухе. Флетчер отдал им приказ лететь навстречу японцам и атаковать их как можно дальше от «Йорктауна», помешать им продвинуться дальше. Было без пяти минут полдень, когда радист Джо Мартинелли передал этот приказ истребителям.

Хаос

Командира «Сорю», тяжелораненого, пришлось унести на носилках с разрушенного мостика. Он бросил последний взгляд через иллюминаторы, стекло которых растрескалось. Там внизу лежала полетная палуба, пламя и дым окутывали ее. Из многих цистерн с бензином вылилось топливо, оно залило палубу и теперь питало огонь.

Но на «Сорю» горела не только полетная палуба. Полубронебойные бомбы американцев пробивались глубоко в чувствительную утробу авианосца и своими взрывами произвели там опустошительный эффект. Система электрических кабелей была полностью нарушена, сломана в слишком многих местах, также в поспешности неправильно залатанная. Ни телефон, ни электрические лампы нигде не функционировали. Так же обстояло дело с трубопроводами для воды или пара. Они бесконтрольно выливали свое горячее содержимое, как разорванные артерии в тяжелораненом теле человека. В ангарах бушевали пожары, которые все еще распространялись. Их интенсивность иногда тормозилась тем, что слишком мало кислорода попадало к очагам пожаров, так что пожары оставались тлеющими. Но если какая-то переборка ломалась, или заклепки внешней обшивки выпадали из-за жуткой жары, вылетая со свистом как пули, и внутрь попадал воздух, то пламя сразу же взметалось высоко.

Жара становилась все сильнее. В нескольких местах внутри смертельно раненого корабля трудились небольшие пожарные бригады.

Так как форсунки автоматического пожаротушения из-за отсутствия электричества больше не функционировали, приходилось работать с немногочисленными ручными пенными огнетушителями, которые были размещены в проходах и ангарах – даже хотя бы локализовать пожар с их помощью было почти бессмысленной затеей. За это время пожар уже охватил весь корабль. Двигатели давно уже больше не работали. С большим трудом нескольким матросам удалось спу-

стить на воду спасательную шлюпку, и затем они на канатах спустили вниз носилки с их командиром. Когда лодка находилась на удалении всего нескольких сотен метров от горящего «Сорю», корабль буквально вздрогнул от нового взрыва в его внутренней части – от пожара взорвалось одно из больших хранилищ боеприпасов. Несколько позже над разорванной полетной палубой поднялось ярко-желтое, позже чернеющее облако дыма, которое двигалось вверх как огромный мяч.

На таком же горящем двигающемся по воле волн «Каге» ситуация мало чем отличалась. Горючее не только разлилось на полетной палубе из баков оставленных самолетов, оно стекало вниз через все возможные отверстия, и таким образом огонь распространялся по всему кораблю. В некоторых местах уже раскалились стальные плиты. Жара становилась невыносимой. К этому добавлялось и то, что снова и снова меньшие взрывы происходили во внутренней части корабля. Бомбы, торпеды и бортовые боеприпасы взрывались. Целые стальные плиты выламывались из обшивки и с шипением падали в воду, в которой вокруг поврежденного корабля плавали уже несколько сотен человек, в большинстве случаев пилотов, которым командир первым дал приказ спасаться. Летчики были ценны, их нужно было сберечь для будущих целей. Поэтому и здесь лишь несколько матросов вели безнадежную борьбу против этого всепожирающего огня; командир оставался на борту, окруженный своими штабными офицерами. Когда длинные языки пламени из разорванной полетной палубы стали вылетать вокруг них, эта группа тоже решила прыгнуть в воду.

На «Каге» больше нечего было спасать. Там, где вода касалась бортов, она кипела и выбрасывала большие пузыри, так как жар непрерывно нагревал сталь внутри корабля. С напряжением последних сил члены экипажа пытались спасти вблизи потерянного корабля, из которого вытекало топливо, каждую секунду готовое вспыхнуть. Некоторые были убиты падающими вниз кусками металла. Спасательные шлюпки не удалось спустить в поспешности, только несколько надувных резиновых лодок плавали вокруг, а также плоты.

Также «Акаги», когда-то гордый флагманский корабль адмирала Нагумо, горел ярким пламенем. Казалось, что между состоянием трех больших авианосцев были лишь очень незначительные различия. Одним из них было то, что на «Акаги» еще работали двигатели. Так как рулевое устройство было разбито, и основной руль был зажат со стороны, корабль медленно ходил по кругу. Никому до сих пор не удалось пробраться до машинных отделений. Переборки были закрыты изнутри, чтобы предотвратить распространение огня, но между тем люди в машинных отделениях давно умерли от удушья из-за недостатка кислорода. Наконец, командир отдал приказ открыть обслуживаемые снаружи клапаны котлов и затопить водой машинные отделения. Он хотел предотвратить серию взрывов

котлов, в надежде на то, что «Акаги», который еще находился на плаву, вероятно, можно будет позже отбуксировать и тем самым спасти.

Как у обоих других авианосцев, на «Акаги» командный мостик был разрушен также безнадежно, но он еще не был охвачен пожаром, и адмирал Нагумо оставался здесь со своим штабом, нерешительно, так как и командир корабля, и заместитель Нагумо, адмирал Кусака, постоянно настаивали на том, что нужно оставить корабль. Но адмирал Нагумо даже ввиду становящегося все более безнадежным положения пока не мог сам решиться на это. Он считал, что обязан дождаться приказа главнокомандующего операцией, адмирала Ямамото. Поэтому он снова и снова приказывал установить связь с Ямамото. Он, кажется, находился в состоянии шока, так как он просто не воспринимал то, что радиостанция не работает. Только когда один из эсминцев сопровождения начал кружиться вокруг авианосца и давал сигнал прожектором, он, кажется, очнулся из своего обморока.

- Приказ главнокомандующего?

Старший радист сообщил ему, что эсминец спрашивает, жив ли еще Нагумо, и какие указания у него или его преемника есть для соединения.

- Продолжать борьбу, – ответил Нагумо глухо. Но его заместитель Кусака позаботился о том, чтобы это брошенное слово не было передано на эсминец. На «Акаги» светосигнальная установка тоже не работала, общаться нужно было только флажными сигналами.

- Мы должны, – обратился теперь Кусака, прежде чем он приказал ответить эсминцу, к Нагумо, – сменить местонахождение командного пункта, адмирал, чтобы продолжать борьбу. С «Акаги» уже нельзя управлять, у него больше нет средств связи, мы должны перейти на другой корабль...

Только теперь, наконец, Нагумо, кажется, медленно понимал, что произошло вокруг него. Он сказал, бросив последний взгляд на горящую полетную палубу, что с эсминца нужно отправить сюда шлюпку. Сигнальщик, махая флажками, передал это сообщение. Несколько позже эсминец – это был «Новаки» – спустил на воду шлюпку, которая направилась к авианосцу.

Нагумо и его штаб могли покинуть «Акаги» только лишь по кое-как укрепленной веревочной лестнице.

Также это была опасная затея, так как под полетной палубой у борта уже вырывались языки пламени, кроме того, боеприпасы беспрерывно взрывались

внутри корабля, так что люди втягивали головы в плечи, пока карабкались вниз. На шлюпке не обращали внимания на многочисленные руки плавающих, которые вокруг махали из воды, она быстро двинулась к «Новаки», где Нагумо задержался только до тех пор, пока командиру крейсера «Нагара» не сообщили, что Нагумо хочет устроить новый командный пункт на борту его корабля.

Незадолго до полудня Нагумо со своим штабом прибыл на «Нагару». Он сразу отправился к радисту, где он попытался установить связь с Ямамото, что пока не удавалось.

Линкоры и тяжелые крейсера основного соединения, под командованием самого Ямамото, находились в это время на удалении более 800 километров от места воздушного удара американцев по авианосцам Нагумо. При хорошей погоде флот шел к югу. Для Ямамото еще действовала концепция нападения на Мидуэй и одновременной попытки силами авианосных самолетов окончательно уничтожить остатки флота США, если американцы попытаются, как ожидалось, прийти на помощь Мидуэю. До сих пор Ямамото еще не видел повода изменить эту свою концепцию, хотя сражение развивалось полностью вопреки его ожиданиям. Казалось, как будто главнокомандующий настойчиво упорствовал в том, что американцы будут делать точно то, что он ожидал от них, вместо того, чтобы защищаться по своим собственным планам.

Ямамото не догадывался, что этим негибким упрямством, настаивая на сомнительной концепции, он, в конечном счете, утратил даже тот шанс, который давало ему его превосходство в боеспособных больших кораблях. Однако адмирал был только недостаточно проинформирован о том, что происходило у Нагумо, даже о воздействии бомбардировки Мидуэя у него не было правильного представления. Он сам приказал ввести полное радиомолчание, режим которого нарушался до сих пор только в единичных случаях, и который теперь снова нарушил Нагумо в своей отчаянной попытке растолковать главнокомандующему масштаб катастрофы. С ранних утренних часов Ямамото мог опираться лишь на то, что могли узнать его специалисты по подслушиванию его радицентра из радиопереговоров американских самолетов между собой, а также отдельных разведчиков с их авианосцами. Таким образом Ямамото верил в то, что Нагумо прикажет своим самолетам вылететь для второй атаки на Мидуэй, чтобы подавить там последнее, незначительное сопротивление.

И когда ему передали сообщение, что японские самолеты-разведчики обнаружили американские корабли, он расценил это как доказательство того, что его концепция сработала.

Он был раздражен, когда Нагумо, нарушив радиомолчание, сообщал о волнах атакующих самолетов сухопутного базирования с Мидуэя, но его хорошему настроению способствовало то, что он услышал, что все эти следующие друг за другом атаки не причинили авианосцам никакого вреда. Эти американцы! Не смогли попасть ни разу, хотя нападали большими группами! Нагумо будет гнать их, пока их корабли не окажутся на морском дне!

Тем больше испугался он теперь, когда из радиорубки ему сообщили, что перехватили возглас пилота, который кружился над авианосцами и искал возможность посадки. Это был пилот с «Акаги», и он испуганно взывал о помощи для своего корабля, который якобы горел и на котором он больше не мог сесть.

Что там произошло? Беспокойство охватило Ямамото. Он подумал, не нарушить ли ему самому радиомолчание, или вообще отменить его, но он все же решил не делать этого, со случайными нарушениями время от времени он мог бы еще смириться. Он все еще верил в возможность использовать эффект внезапности, хотя она давно была утеряна, и он знал это. Он, наверное, цеплялся, за эту надежду лишь за неимением лучших идей. Он приказал с еще большим вниманием следить за радиопереговорами самолетов между собой, в настоящее время это был самый щедрый источник информации.

Ямамото несколько позже ошеломили сообщения о том, что в действительности произошло на юге и юго-востоке. Вскоре после крика о помощи пилота с «Акаги» поступила радиограмма с «Тонэ». На этом крейсере находился контр-адмирал Абэ, которому вменялось в обязанность заменить Нагумо, если тот не сможет выполнять свои обязанности. Абэ в этой ситуации, когда у него не было уверенности о судьбе Нагумо, действовал быстро. Он на свой страх и риск нарушил радиомолчание и лаконично сообщил Ямамото, что взял на себя командование, после того как «Акаги», «Кага» и «Сорю» сгорели в результате атак американских самолетов и неспособны действовать. Он приказал, чтобы авианосное соединение пока удалилось в северном направлении, чтобы реорганизовать себя и проверить потери. Между тем с неповрежденного «Хирю» взлетят самолеты и атакуют американские корабли, местоположение которых известно.

Ямамото не сказал ни слова. Он сжал губы и смотрел из боевой рубки на море. Как могло случиться так, что американцы одновременно поразили три авианосца? Он нервно снимал и снова надевал свои перчатки. Ямамото не производил вид счастливого человека, хотя утром этого значительного дня, как будто чтобы способствовать уверенности в победе, он надел свой белый парадный мундир. Теперь он спрашивал себя, можно ли вопреки неудачному началу акции надеяться на хоть в какой-то степени приемлемый исход. Он колебался.

Между тем контр-адмирал Абэ на крейсере «Тонэ» узнал, что Нагумо находился на крейсере «Нагара». Он сразу же обменялся сигналами с ним и сообщил ему о своем рапорте Ямамото. Нагумо согласился с этим. Само собой разумеется, главнокомандующий операцией должен был знать информацию о последних событиях. А также намерение Абэ приказать взлететь с «Хирю» сразу всем имеющимся в распоряжении самолетам для контрудара, было для него очевидным. Все же он не мог скрыть, что он был совсем разбитым человеком.

Люди, с которыми Нагумо общался на «Нагаре», жалели своего командующего. Это больше не был старый Нагумо, это был человек, находившийся в состоянии шока после потери своих трех самых важных кораблей, который в настоящий момент еще не казался способным принять какое-то собственное решение.

На «Хирю» еще один ветеран атаки на Пёрл-Харбор, капитан-лейтенант Митио Кобаяси получил приказ возглавить ударную авиационную группу. Однако он посчитал, что его задание было довольно неблагодарным, если лучше к нему присмотреться. Лишь восемнадцать пикирующих бомбардировщиков были готовы. Оставшиеся самолеты все еще не вернулись с Мидуэя. Истребителей сопровождения набралось лишь полдюжины, оставшиеся нужно было использовать для защиты корабельного соединения. Кобаяси, собственно, выучил то, что такие атаки всегда нужно проводить в комбинированной форме – пикирующие бомбардировщики должны были дополняться примерно таким же количеством торпедоносцев, чтобы в решающей фазе нападения раздробить оборону у противника. Но больше не оставалось времени ждать возвращения остальных машин и их перевооружения с бомбовых подвесок на крепления торпед, если требовалось дать отпор этому опасному противнику, который появился так неожиданно и уже вывел из строя три японских авианосца. Незадолго до одиннадцати часов утра начался взлет. Несколько позже восемнадцать машин исчезли на восточном горизонте.

На американских авианосцах в это время с напряжением ждали возвращения собственных самолетов. Также здесь частично можно было подслушивать радиообмен между отдельными пилотами. Точно не было известно, насколько большим был успех, но то, что корабли противника – якобы авианосцы – были поражены, казалось явным.

Первым подробности узнал контр-адмирал Спрюэнс. Командир эскадрильи возвратившихся пикирующих бомбардировщиков доложил ему, что из четырех ранее найденных в районе цели авианосцев японцев три с уверенностью настолько сильно пострадали, что они больше не могут использоваться для последующих боев. Вследствие еще не отмененного радиомолчания Спрюэнс не мог передать эту информацию главнокомандующему Флетчеру, но он рассчитывал на

то, что его также возвращающиеся домой летчики и ему доложат об успехе. Однако он с огорчением констатировал, что американские летчики заплатили за успех высокую цену. Эскадрильи торпедоносцев были почти полностью уничтожены, а из тридцати двух пикирующих бомбардировщиков «Энтерпрайза» больше половины не вернулось, причем оставалась еще слабая надежда на то, что некоторые из них ушли на Мидуэй, из-за пустых баков или из-за тяжелых повреждений. По крайней мере, эти пилоты остались бы живы. На «Хорнете» потери были еще выше. А также на идущем дальше на юго-востоке, уже не видимом «Йорктауне» со страхом подсчитывали подлетающие самолеты.

Адмирал Флетчер внимательно слушал доклады вернувшихся летчиков. Все сообщали о попаданиях и горящих японских авианосцах, но выяснилось, что никто не видел больше чем три поврежденных авианосца.

Итак, в районе цели должен был оставаться как минимум еще один боеспособный авианосец, и он мог стать исключительно опасным, как знал Флетчер, если он обдуманно пошлет свои машины, и они атакуют в благоприятное мгновение. Например, в тот момент, когда на авианосце будет осуществляться взлет или посадка. Поэтому Флетчер приказал возвратившимся бомбардировщикам еще покружить в небе, пока авианосец принимал истребители, позволил им заправиться и сразу же снова взлететь для защиты авианосца. После этого он чувствовал себя достаточно уверенным, чтобы принять остатки своей эскадрильи пикирующих бомбардировщиков. Но на этом он не остановился. После того, как он кратко посоветовался со своим штабом, он приказал десяти пикирующим бомбардировщикам из оставленного утром резерва взлететь с приказом найти в районе цели еще исправный авианосец японцев и уничтожить его.

Радист старшина Мартинелли первым услышал крик оператора радиолокатора, который у своего прибора прорычал посыльному: – Они идут!

Затем он быстро добавил направление, и посыльный убежал.

Мартинелли как раз получил в кофейном аппарате стаканчик кофе и прошел мимо помещения радиолокатора, когда там, для наблюдателя ясно видимо, на экране появились приближающиеся самолеты как светлые точки, которые вспыхивали под «пальцем», который двигался по ним. Это была атакующая группа, летящая строем. Последнее было причиной, из-за чего оператор радиолокатора так взволнованно поднял тревогу, так как возвращающиеся домой американские самолеты почти никогда не летали упорядоченным строем, а в свободно наскоро собранных маленьких группах, нередко по отдельности, рассыпавшись после налета.

Мартинелли уже снова сидел за его радиостанцией, когда руководитель полетов группы истребителей, которые защищали «Йорктаун», закричал рядом с ним в микрофон, что восемнадцать японцев приближались с запада на высоте примерно 3000 метров. Они еще находились якобы на удалении почти тридцать километров. У «Йорктауна» в воздухе было двенадцать истребителей типа F4F. Они сразу помчались в указанном направлении. Спустя несколько секунд они оказались посреди роя собственных пикирующих бомбардировщиков, которые с опозданием возвращались домой после атаки. Истребители предостерегли их по бортовой радиостанции, но возвращающимся домой ничего больше не оставалось, как придерживаться курса. Таким образом они внезапно появились над «Йорктауном», в то время как там внизу, на авианосце, как и на крейсерах и эсминцах сопровождения все стволы пушек были подняты вверх, в ожидании японцев.

«Принимать или нет?»

Адмирал Флетчер размышлял только считанные секунды. Атака врага, в то время как самолеты садились, вызвала бы невообразимый хаос на палубе. Он ведь сам только что услышал от возвратившихся домой пилотов, как японцев застигли с полными палубами.

«Нет», решил он, хотя он очень хорошо знал, что у возвращающихся самолетов осталось очень мало топлива. «Должны лететь до «Энтерпрайза» и «Хорнета» и садиться там!»

Одновременно он приказал сообщить об этом обоим другим авианосцам, кратко прервав радиомолчание, попросить их отправить имеющиеся в их распоряжении истребители в направлении «Йорктауна» для защиты его от японцев.

Джо Мартинелли отправил эту радиограмму, не удивившись тому, что адмирал приказал нарушить радиомолчание. Оно и без того теперь, когда борьба достигала апогея, уже больше не было таким важным. Противник давно обнаружил присутствие американских авианосцев, а значит, игра в прятки закончилась. Когда Мартинелли покончил с радиограммой и доложил об отправке, он быстро откусил кусок яблочного пирога, который он получил вместе с кофе. В ближайшие полчаса должно было решиться, кто, в конце концов, выиграет этот бой.

Из боев в Коралловом море Мартинелли знал, как опасны японские летчики. Счастье, что собственные истребители перехватят их намного западнее. Мартинелли сознался бы любому, что он все же боялся.

Капитан-лейтенант Кобаяси летел во главе японского строя, и он также первым обнаружил «Йорктаун», как и крейсера и эсминцы, которые окружали авианосец. Он издал радостный крик. Но потом он, заставив себя успокоиться, отдал приказ к атаке. Звенья формировались. Все же внезапно вокруг его группы началось сущее пекло. Появившись как из ниоткуда, американские истребители набросились на его самолеты. Паутина следов траассирующих пуль плелась в воздухе. F4F кружили, стреляли из всех пулеметов. Появились первые потери. Кобаяси не мог понять, шла ли речь о собственных или вражеских машинах, которые, оставляя дымный след, падали в море.

Американская группа была плотно сосредоточенной. Крейсера и эсминцы двигались непосредственно перед авианосцем и рядом с ним, чтобы, с одной стороны, защищать его от торпед и, с другой стороны, как бы сфокусировать оборонительный огонь. Авианосец, это констатировал Кобаяси, шел на высокой скорости и преследовал привычную тактику повернуться кормой к подлетающей атакующей группе. Если атаквали торпедоносцы, то эта тактика оказывалась иногда очень успешной, но против пикирующих бомбардировщиков все это ничуть не помогало. И Кобаяси, который с первым звеном достиг достаточной высоты для нападения, находился почти за авианосцем, до сих пор ускользя от вражеских истребителей, теперь перевернул свою машину через левое крыло. В своем прицеле он видел, как желтая маркировка полетной палубы все больше и больше увеличивается. Но он сбросил бомбу только тогда, когда он был всего лишь в трехстах метрах над кораблем, и одновременно он круто поднял машину вверх. Он почувствовал сотрясение на своем сиденье, когда под ним произошел взрыв. Взрыв тряхнул самолет, который быстро снова набирал высоту.

Бомба пробилла полетную палубу поблизости от мостика и взорвалась в находящемся внизу ангаре, при этом она причинила значительные разрушения. Но она еще не вызвала большого пожара, так как система пожаротушения еще не была повреждена и сразу же была использована. А баки стоящих в ангаре самолетов были пусты.

Джо Мартинелли почувствовал на корабле грохот, который передавался стальной конструкцией повсюду, вплоть до привинченного к полу поворотного сиденья перед его радиостанцией. Мартинелли был занят передачей сообщения об атаке пикирующих бомбардировщиков удаленной всего на тридцать километров Task Force 16. Тут его внезапно сорвало с его железного поворотного сиденья, он, вылетев, ударился о переборку, получив кучу синяков, но, к счастью, никаких серьезных травм. Из глубокой внутренней части корабля с повторным взрывом донесся визгливый звук разрывающегося металла. Оттуда поднялось облако горячего, пахнущего горелым воздуха. Затем маслянистый пар из котлов пробился высоко, из всех отверстий.

Радист сразу учуял смерть, когда он с трудом поднялся и пополз назад к своему аппарату. Дым заполнял радиорубку. Взгляд через переборку дал ему понять, что находившиеся на мостике моряки уже покинули сильно разрушенный мостик. Внизу на полетной палубе моряки окружили командира корабля Эллиота Бакмастера, который, по-видимому, был ранен. Мартинелли закашлялся. Поднимающийся дым раздражал его дыхательные пути. Он схватил висящую на аварийном крючке дымозащитную маску, натянул ее на лицо и одним движением удостоверился, что его спасательный жилет сидит на нем крепко.

Это было то второе попадание бомбы, которое нанесло «Йорктауну» важнейшее повреждение. Бомба пробила полетную палубу и через находящиеся под нею ангары попала в более глубокие помещения авианосца, где находились котлы и турбины, и только там она взорвалась. Она разорвала не только стальную конструкцию двух палуб и подожгла машинную установку, она опустошила котельные отделения и воспламенила запасы горючего. Остроконечное пламя вырвалось вверх через развороченные палубы. За ним последовал гриб дыма, который можно было видеть до нынешнего местоположения Task Force 16.

Контр-адмирал Спрюэнс опустил бинокль. С серьезным лицом он заметил своему адъютанту: – «Йорктаун» выведен из строя. Прикажете передать всем нашим самолетам, которые еще могут кружить над ним и не могут сесть, чтобы они шли на посадку к нам...

- Можем ли мы послать на помощь наше истребительное прикрытие, сэр?

Спрюэнс стоял перед щекотливым решением. Если он сейчас пошлет для защиты уже очевидно утратившего боеспособность «Йорктауна» оставшиеся для прикрытия «Энтерпрайза» и «Хорнета» истребители, то он оставит Task Force 16 полностью без прикрытия и сделает ее беззащитной в случае японского нападения. Он принял решение защищать оставшиеся неповрежденными силы, чтобы сохранить их боеспособность. Поэтому он не приказал отправить больше истребителей из собственного прикрытия на помощь «Йорктауну», там оставались те немногие машины, которые он послал раньше. Но он все же не отказался от оказания помощи. После некоторого размышления он приказал собственным истребителям расширить зону прикрытия Task Force 16 до местоположения Task Force 17.

- И затем, – он обратился к адъютанту, – прикажете направить туда два из наших крейсеров сопровождения и два эсминец. Их задача – защита и спасение людей, с чем Task Force 17 не сможет справиться в одиночку.

Через несколько минут крейсера «Винсеннес» и «Пенсакола» вместе с двумя эсминцами удалились в направлении юго-востока. Спрюэнс смотрел им вслед со смешанными чувствами. Кто мог знать, не было ли у японцев еще несколько групп пикирующих бомбардировщиков в воздухе или в резерве, и не набросится ли одна из них уже в ближайшие минуты на «Энтерпрайз» и «Хорнет»?

Контр-адмиралу, как, пожалуй, также адмиралу Флетчеру, в эти часы с ужасом стало очевидно, насколько закостеневшей была морская доктрина, которой обучали в США, насколько она отставала от реального прогресса в морской войне. Аннаполис, богатая традициями американская военно-морская академия, учила, в принципе, еще сегодня той тактике морского боя, которая применялась во времена Трафальгара – во всяком случае, лекции, которые слушал Спрюэнс, были как раз такого качества. Тактические хитрости морского боя, который вели исключительно воздушными силами, на огромном удалении от соответствующих «больших кастрюль» противника, линкоров и крейсеров, были включены в учебную программу – если вообще включены – пожалуй, только недавно. И, все же: было похоже на то, что и японцы – определенно опытные морские воины – тоже еще не слишком хорошо были знакомы со многими неизвестными ведения воздушной войны над морем. Они, по меньшей мере, в этом бою не слишком хорошо себя проявили. Не перегнала ли военная техника стратегические и тактические концепции ведения войны?

«Йорктаун» стал идти медленнее. Котлы растрескались, взрывы вызвали внизу на корабле невообразимый хаос. Машины работали на малой мощности. Следующий японский самолет появился внезапно из дыма, который укутывал корабль, абсолютно неожиданно, и сбросил бомбу на носовую часть корабля. Бомба взорвалась глубоко внутри авианосца, где складировались запасы боеприпасов и топлива. У адмирала Флетчера, стоявшего под разрушенным мостиком на полетной палубе, в кругу своих офицеров, на голове была повязка. Но ранение было легким, и Флетчер был полностью в порядке. Он сначала приказал доложить о возникших повреждениях только командиру корабля. Теперь, когда японские самолеты после попадания последнего бомбардировщика исчезли, и зенитная артиллерия прекратила огонь, он вызвал к себе офицера, ответственного за живучесть корабля, и выслушал его доклад.

- Четыре отдельных пожара, сэр. Размер значителен. Опаснее всего один очаг пожара, расположенный близко к бакам с топливом и боеприпасам. Мы заполнили водой весь этот сектор, хотя там еще оставались люди. Пожарные команды работают. Полетную палубу можно снова сделать пригодной для полетов за полчаса, накрыв пробоины стальными плитами. Мостик уничтожен, вместе с приборами. Радиолокатор тоже. Два котла полностью вышли из строя, остальные на всякий случай остановлены. Котельные отделения наполнены дымом.

Приводные турбины исправны. Но двигаться все же вряд ли возможно, так как остановленные котлы пока нельзя разжечь ввиду разрушения их дымоотводных каналов...

- Как долго?

- Несколько часов, сэр, – ответил офицер.

Флетчер отпустил его. Его решение было твердым. Он не мог оставаться на поврежденном авианосце, судьба которого ввиду возможности новых атак и наличия в районе вражеских подводных лодок была неизвестна.

Вероятно, корабль удастся спасти, провести временный ремонт, и отбуксировать. Вероятно, он по прошествии некоторого времени даже снова сможет двинуться малым ходом и дохромать до доков в Гонолулу. Но ведь возможно и то, что его хранилища боеприпасов взорвутся. Несмотря на их затопление, такое в прошлом не раз случалось с другими кораблями.

Последние самолеты «Йорктауна» были за это время уже приняты на обоих авианосцах другой оперативной группы. Однако Task Force 17 Флетчера должна была оставаться подвижной, прежде всего, ее командир, который одновременно командовал всей операцией. Поэтому Флетчер приказал направить к «Йорктауну» баркас с крейсера «Астория», перелез в него и тем самым перенес свой командный пункт на «Асторию».

Джо Мартинелли видел, как Флетчер влезал в баркас. Ясно можно было увидеть белый бинт у него на голове. К этому времени и у Мартинелли тоже была такая повязка. Кровь стекала у него из рваной раны в левый глаз, и так как санитар в это время находился поблизости, перевязка прошла быстро. Мартинелли отбросил все военные формы обращения, когда он крикнул группе, которая все еще окружала командира авианосца на полетной палубе: – Эй, парни, так что будет теперь?

Кто-то равнодушно ответил ему: – Продолжать. Ремонтировать повреждения. Всем оставаться на своих местах...

В то время как Мартинелли пробирался назад в свою уже больше не слишком задымленную, но все равно не очень-то уютную радиорубку, он думал, где бы найти стаканчик кофе или даже что-нибудь перекусить. Опасность усилила его голод. Кроме того, между тем уже прошел полдень. Был час дня. Но на корабле им нужно было заниматься повреждениями, сотнями раненых, кто уже думал там о приготовлении пищи!

На запад, назад к своему авианосцу, летели лишь пять из восемнадцати японских пикирующих бомбардировщиков, которые осуществили атаку на «Йорктаун». Тринадцать самолетов были потеряны. Это определенно было высокой ценой. Но разве не стоило этой цены уничтожение американского авианосца? Этого гиганта, которого после их налета превратился в горящую, разбитую, потерявшую ход развалину? Оставшиеся машины летели по отдельности, на разных высотах в западном направлении. И на «Хирю», где могли услышать сообщение об успехе пикирующих бомбардировщиков через радиопереговорные устройства самолетов, как раз готовились отправить отряд торпедоносцев для новой атаки.

У американцев наверняка был не только один этот авианосец, считали японцы. Для этого удар по их собственным трем кораблям был слишком массивен. Нет, где-то там на востоке у американцев должен был быть, по меньшей мере, еще один авианосец! Черт знает, откуда они его привели, но он там был. И с него взлетали самолеты. Он продолжал угрожать японским основным силам флота. А здесь был еще полностью боеспособный «Хирю», который хоть и потерял много самолетов, но все еще мог нанести ответный удар. И он должен был это сделать.

- Разведчик приближается! – сообщили адмиралу Тамону Ямагути, которому Ямамото вместо адмирала Абэ поручил временно возглавить соединение за деморализованного Нагумо, когда торпедоносцы были готовы к взлету. Ямагути приказал отложить взлет, пока разведчик, радиостанция которого не функционировала, не сбросил свое донесение. Это была еще утром запущенная с «Сорю» небольшая машина, одна из тех обтянутых материей конструкций, которые слишком часто загорались уже при старте с катапульты.

В донесении говорилось, что у американцев в целом было три авианосца, один из которых в результате бомбардировки был выведен из строя. Это было сюрпризом, хотя и предполагалось, что у противника было больше одного авианосца.

- Все же так! – воскликнул адмирал. Но прежде чем он смог подумать дальше о положении, которое теперь возникало, и прежде чем он мог объяснить это новое положение, например, официально командиру Нагумо, первые оба пикирующих бомбардировщика из группы, которая атаковала «Йорктаун», появились над авианосцем. Нужно было действовать быстро, так как у возвращающихся машин было совсем мало горючего. Поэтому Ямагути немедленно отдал торпедоносцам приказ взлетать, чтобы освободить палубы. Торпедоносцы через несколько минут уже были в воздухе, располагая, правда, лишь приблизительно-

ными указаниями разведчика о последнем местонахождении исправных американских авианосцев.

Затем пикирующие бомбардировщики сели на «Хирю», и их пилоты подтвердили, что американский авианосец горел. Было 13.30, и японские торпедоносцы в сопровождении шести «Зеро» находились на указанном им курсе. Они не знали, что они подлетали к «Йорктауну», который вышел из строя, но на котором между тем уже победили пожары, и поэтому с воздуха он уже не выглядел как однозначно разрушенный, хотя и не мог двигаться.

Двойной заключительный аккорд

Было два часа дня. На «Йорктауне» еще развевался желтый вымпел; он сигнализировал о том, что авианосец утратил способность маневрировать. Но минутой позже этот вымпел опустили, и одновременно корабль двинулся самым малым ходом.

Неужели случилось чудо? Командир корабля Бакмастер, вспотевший, который с кое-как перевязанной раной на голове стоял на полетной палубе, знал, что чуда не было. Американцы отчаянно старались вытащить мертвецов и раненых, и одновременно ремонтные команды смогли снова запустить три котла. Пожарные бригады смогли погасить или хотя бы ограничить пожары внутри огромного корабля, по крайней мере, так, что опасность взрыва пока исчезла. А операторы радиолокатора действительно совершили уже что-то, что граничило с чудом. Они смогли отремонтировать этот прибор.

Радист старшина Мартинелли радовался тому, что он теперь больше не был совсем один на разгромленном мостике. Он по приказу командира передал со своей временно отремонтированной радиостанции радостное сообщение адмиралу Флетчеру на «Асторию». Ответ Флетчера состоял из краткого указания заменить разорванный и обгоревший во время атаки американский флаг на новый. Его едва успели поднять, как один из операторов радиолокаторов выбежал из частично снова приведенного в порядок контрольного помещения и прокричал вниз на полетную палубу: – Японские самолеты приближаются! Дистанция пятьдесят километров!

Командир сразу приказал поднять тревогу. К тем зенитным пушкам, которые еще сохранились, подбежали расчеты. Одновременно корабли сопровождения сформировали тесное кольцо вокруг авианосца. Так они надеялись, что смогут сконцентрировать зенитный огонь.

Через двадцать минут после того, как японцы были обнаружены на экране радара, они появились на горизонте. Группа истребителей, взлетевших с находящихся в непосредственной близости авианосцев «Энтерпрайз» и «Хорнет», покинула свой район патрулирования и бросилась на ударный отряд японцев, летевших теперь уже довольно низко. Также несколько истребителей взлетели с временно отремонтированной палубы «Йорктауна», последние, которые перенесли налет неповрежденными.

Сопровождающие японские торпедоносцы «Зеро» сразу ввязали американские истребители в воздушные бои, так что торпедоносцам удалось сформировать две атакующие группы. Подлет одновременно с двух сторон уже означал значительное раздробление зенитной артиллерии. Та стреляла уже из всех стволов, когда японцы почти над самой водой подлетали к «Йорктауну».

Командир атакующей группы, молодой капитан-лейтенант по фамилии Хасимото, выпускник военного училища и, собственно, известный своими хорошими успехами, допустил, однако, в ходе этой операции, очень серьезную ошибку. Еще на достаточно большой высоте он первым обнаружил внизу на воде несколько кильватерных следов и в их конце, наконец, внешне исправный авианосец, окруженный кораблями сопровождения.

На корабле не было видно ни огня, ни дыма. Так как в донесении экипажей пикирующих бомбардировщиков говорилось о разбитом, горящем и лишенном хода авианосце, значит, внизу был не тот корабль. Это должен был быть один из исправных. Поэтому торпедоносцы сконцентрировали свою атаку на и без того уже сильно поврежденном, в принципе небоеспособном «Йорктауне» и упустили из виду Task Force 16 с ее двумя полностью боеспособными авианосцами, которая действовала совсем близко. Ошибка, которой суждено было окончательно решить последующий ход сражения.

Корабль смог еще повернуться кормой к первым торпедам, которые мчались к «Йорктауну», оставляя видимый след из пузырей, чтобы этим увернуться от них. В конце концов, этот маневр американские моряки тренировали достаточно долго. Разумеется, при этом авианосец всегда шел полным ходом, со скоростью, которая составляла почти 60 км/ч. В настоящий момент он едва мог достичь половины этой скорости, и это изменило все. Японским торпедоносцам сильно мешал мощный зенитный огонь. Они должны были либо уклоняться и терять при этом свою цель, проносились над авианосцем и должны были подлетать заново, либо они получали попадания, которые оканчивали их атаку раньше времени. Один из самолетов влетел в водный столп, поднятый взрывом 203-мм снаряда, выпущенного из пушки крейсера сопровождения, и развалился на куски. Другой взорвался, когда зенитка попала в укрепленную под его корпусом

торпеду, некоторые были сбиты еще во время подлета американскими истребителями, которые кружили посреди зенитного огня с кораблей, и сами получали много осколков от него. Наконец, несколько японских торпедоносцев воспользовались своим шансом и подлетели со стороны левого борта к медленно идущему зигзагом «Йорктауну». На этот раз им повезло, их не оттеснили, вражеские истребители не перехватили их, и таким образом они смогли прицельно сбросить свои торпеды. «Йорктауну» больше не удалось совершить маневр уклонения – сначала две торпеды одновременно разорвались на уровне мостика, через несколько секунд последовала третья.

Взрывы слились в единый сильный треск. Из огромной дыры в борту пробивался дым от горящего топлива. Во внутренней части корабля в районе мест попадания все было разорвано, даже сталь толщиной в сантиметр была погнута как жесть консервной банки.

Почти сразу корабль получил крен. Вытекающее горючее образовало море огня. Еще до того, как можно было даже подумать о мерах по локализации повреждений, корабль уже вздрогнул от попадания следующей торпеды. Этот взрыв разрушил главные корабельные генераторы, разорвал уже залатанные к тому времени паропроводы еще исправных котлов, парализовал вследствие этого ход и энергоснабжение корабля и заблокировал руль. Кроме того, «Йорктаун» получил еще больший крен. Адмирал Флетчер, глядя с «Астории», оценил его в двадцать градусов. Слишком много, чтобы выпрямить корабль обратно, подсчитал он.

Джо Мартинелли сидел в наушниках, когда взрыв первой торпеды разорвал борт «Йорктауна». Он почувствовал сотрясение, увидел через треснутое стекло радиорубки, как поднимается яркое красно-желтое остроконечное пламя и после этого облако дыма от взрыва нефти. Нюх радиста сразу дал ему понять, что речь шла о тяжелом топливе для машин самого корабля, не об авиационном топливе. Естественно – взрыв авиационного горючего такого масштаба просто разорвал бы авианосец, тяжелое топливо загоралось медленнее. Поэтому горючее для самолетов также хранили отдельно и в небольших количествах, не в больших баках, а в бочках средней величины, чтобы этим хотя бы в некоторой степени ограничить взрывы.

Мартинелли сообщил Спрюэнсу о начале атаки, как ему было приказано с корабля адмирала. Теперь, когда жирный нефтяной чад как облако опускался на авианосец, радист осторожно снял наушники и внимательно прислушался. И точно в этот момент зенитная артиллерия внезапно прекратила огонь. Самолетов японцев не было ни видно, ни слышно. Собственные истребители, которые перенесли этот бой, должны были после новых попаданий в «Йорктаун» садить-

ся на оба других авианосца. Взгляд на часы показал радисту, что вся эта торпедная атака длилась не дольше четверти часа. Собственно, я должен был бы сообщить об этом Спрюэнсу, подумал он, но воспользоваться радиостанцией было невозможно, она была окончательно мертва после уничтожения источника электричества.

Мартинелли вышел из радиорубки и бросил взгляд на корабль. На палубе мало что изменилось, торпеды разорвали борта, и всюду поднимался чад. Пар шипел из разбитых трубопроводов. Обломки и пустые картуши катались по наклонившейся палубе туда-сюда, тут и там кто-то бежал сквозь дым, с защитной маской на лице или даже просто прижимая к лицу мокрый платок.

Настоящая борьба за выживание происходила под палубой. Здесь спасательные команды отчаянно пытались локализовать снова и снова вспыхивающие пожары. У матросов были черные как смоль лица, ожоги по всему телу, их одежда превратилась в лохмотья, но они делали все, что было в их силах. Все же они явно не могли улучшить состояние авианосца. Система электропитания не работала, также отдельные генераторы на различных постах больше не помогали, огонь расплавил кабели. В трех котлах, которые еще незадолго до нападения были приведены в исправность, так, что они давали пусть и малый ход, огонь теперь потух окончательно. Пар больше совсем не поступал в паропроводы, и помимо того, что эти паропроводы и без того были разбиты, насосы также больше не могли приводиться в действие. Это определило судьбу «Йорктауна», хотя он еще был на плаву. Выяснилось, что значительный крен качающегося на волнах корабля уже невозможно уменьшить – он лишь усиливался, и это значило, что возрастала опасность опрокидывания корабля. Командир выслушал сообщения о повреждениях и спросил, сколько моряков еще было на борту. Их количество оценивали все еще в две тысячи человек, но точных данных не было. Джо Мартинелли видел, как командир корабля Бакмастер, стоя на полетной палубе, короткое время совещался в кругу своих офицеров. Затем он видел, как Бакмастер подозвал посыльного, дал ему приказ, и тот полез вверх на мостик. У старшины Мартинелли было довольно точное предчувствие того, что теперь должно случиться. В Коралловом море «Йорктаун» тоже очень серьезно пострадал, но он смог добраться до Пёрл-Харбора, хромая, так сказать. Здесь, напротив, надежды было гораздо меньше, чем тогда...

- Передайте Флетчеру: командир приказывает оставить корабль, – крикнул посыльный Мартинелли с некоторого удаления, довольно бесцеремонно. Радист оставался спокойным, он крикнул в ответ: – Передай командиру, моя штука без тока. Не работает. Пусть передадут сообщение флажками...

Пока посыльный бежал назад, Мартинелли подумал, что из-за плотного облака дыма, которое окутало корабль, не так-то просто было бы разглядеть сигналы флажков. На самом деле, ни один из кораблей сопровождения тоже не перехватил это сообщение. Но один из эсминцев радировал адмиралу Флетчеру на «Асторию»: «У авианосца опасный крен, очевидно, будет покинут. Мы идем ближе, выполняем спасательные работы».

В эти критические мгновения на «Йорктауне» выяснилось, что при строительстве этого гордого авианосца не были учтены несколько крайне необходимых соображений. Так ни одну из спасательных шлюпок нельзя было спустить на воду, потому что не было электричества для работы лебедок. Некоторые шлюпки были – так же, как и плоты – просто сброшены с палубы вниз. При этом большинство разбилось, но некоторые выдержали, и в них смогли разместиться члены экипажа, которые теперь по канатам спускались в воду или просто прыгали с борта. Не на всех были спасательные жилеты.

Джо Мартинелли уже надел свой спасательный жилет, после того как посыльный исчез. Это было вскоре после трех часов дня, когда он вырвал один из застрявших ящиков в радиорубке, вынул оттуда литровую бутылку виски, которую он опустошил наполовину, после чего он еще засунул под пояс пистолет, так как испытывал панический страх перед акулами и думал, что сможет отогнать их выстрелами. Затем он как можно быстрее слез с мостика, чтобы спрыгнуть с борта, когда спиртное начало действовать. Он смог это сделать. Не думая долго, он спрыгнул с уже действительно очень близкого к воде левого борта. Он попал в вонючую смесь из горючего и морской воды. Пока он лихорадочно плыл все дальше от корабля, его мучил страх того, что слой нефти мог загореться. Но этого не случилось. И когда Мартинелли спустя довольно много времени, когда его силы были уже почти на исходе, задыхаясь от кашля и мучаясь от рвоты, увидел, наконец, перед собой эсминец, с борта которого были спущены сети, чтобы легче было карабкаться на него, он был не только обессилен, но, кроме того, еще и в стельку пьян.

Но он чувствовал себя счастливым и, когда он уже был на борту эсминца, неразборчиво бормотал матросам, которые приняли его, что-то о раненых, которые еще находились на «Йорктауне», в корабельном лазарете, и которые не могли плавать. Один из матросов успокаивал его: – Все в порядке, парень, баркасы уже в пути!

Затем он подвел его к баку с теплой водой, где санитар чистил спасенных щеткой и зеленым мылом, пока, по крайней мере, их лица уже можно было распознать. Санитар мыл также одного японца. Моторная лодка с эсминца «Балч» вытащила его из нефти, не разглядев, что он был сбитым пилотом. Так как у

него было ранение в голову, вероятно, еще и тяжелое сотрясение мозга, неудивительно, что он молча позволил произойти всему этому с собой, как в шоке. Все же даже если бы он и захотел защититься от спасения, как это предписывал японский кодекс офицера, он был слишком слаб, чтобы сделать это.

- Эй, эй, это же япошка! – внезапно закричал санитар, когда он смыл слой нефти с лица мужчины. Он направил еще раз струю воды на лицо лежащего на полу человека, и тогда он подтвердил подбежавшему помощнику: – Действительно, пилот японцев! Отнесите его на перевязку, я не хочу втереть щеткой грязь в его рану в голову...

Только пять торпедоносцев и полдюжины истребителей «Зеро» остались от японской атакующей группы. Среди пилотов был также возглавлявший атаку капитан-лейтенант Хасимото, который был твердо убежден, что превратил ранее бывший исправным авианосец американцев в металлолом. Он с уверенностью передал по радио такое сообщение на «Хирию». Его отряд, по его словам, уничтожил авианосец типа «Энтерпрайз», вероятно, сам «Энтерпрайз». Того, что «Йорктаун» уже был серьезно поврежден японскими пикирующими бомбардировщиками, в то время как совсем близко крейсировали два неповрежденных американских авианосца, он просто не заметил. Одна из тех ошибок, которые неизбежно совершаются в горячке боя. И никто из пилотов не обнаружил, что полетная палуба атакованного авианосца была отремонтирована – большие дыры от бомб были временно накрыты стальными пластинами.

Контр-адмирал Спрюэнс мог теперь в бинокль с мостика «Энтерпрайза» разглядеть облако густого дыма, которое стояло над «Йорктауном». Первоначально он опасался большого взрыва на авианосце, который за секунды разметал бы гигантский корабль на куски, но выяснилось, что команда, похоже, смогла удерживать отдельные очаги пожара под контролем. Несмотря на это, корабль был небоеспособен, в этом он теперь был уверен. Но он еще был на плаву. Посмотрим, можно ли будет отбуксировать его, как только исход сражения будет решен.

Спрюэнс выслал самолет-разведчик, чтобы найти последний японский авианосец, о котором ранее сообщала авиаразведка. Корабль-призрак? Где он спрятался? Хотя Спрюэнс как опытный моряк предполагал, что атаковавшие самолеты в пылу боя могли просто не заметить этот авианосец, он не был абсолютно уверен, не удался ли этот опасный противник несколько дальше от подвергнувшегося атаке соединения, чтобы нанести контрудар с безопасной позиции.

О том, что он с этим предположением был довольно близок к истине, он еще не знал. Загадка начала решаться примерно в то время, когда японские торпедоносцы атаковали «Йорктаун». Когда Спрюэнс еще наблюдал за вылетающими

собственными истребителями, он получил сообщение, которого ему пришлось ждать так долго: один из разведчиков обнаружил «Хирю»!

Три часа самолеты в широко растянутом строю облетали район моря на западе, летчики пристально смотрели на свои приборы, обыскивали море глазами. После этого они израсходовали уже столько горючего, что должны были повернуть и приступить к обратному полету. Никто из пилотов не был доволен собой, так как полет прошел безрезультатно. Так это казалось им, по крайней мере, еще полчаса после этого. Но затем наблюдатель ведущего SBD внезапно обнаружил на поверхности моря добрую дюжину тянущихся прямо на северо-запад пенных полос. Очень осторожно самолет подкрадывался сзади, идя по следу, и уже скоро корабельное соединение японцев можно было увидеть невооруженным взглядом. Там шли один авианосец и два линкора, в сопровождении трех крейсеров и нескольких эсминцев. Они двигались на средней скорости. Не выдавая себя японским кораблям, два самолета-разведчика облетели соединение, и при этом наблюдатели сделали точные расчеты о месте, курсе и скорости, чтобы облегчить их более поздний поиск.

Адмирал Ямагути, после временного выхода Нагумо из строя все еще командир этих сил с последним тяжелым авианосцем, ничего не узнал о наблюдательных машинах противника. Вновь отомстило за себя отсутствие радиолокационной техники на японских кораблях.

Все же и у американской техники были свои козни. Так наблюдателю разведывательной машины не удалось связаться с «Энтерпрайзом» по радио. Ему показалось, будто частота была заблокирована. Он не мог знать, что во время налета японских торпедоносцев один из их радистов попал на частоту американского авианосца, и так как он случайно владел английским языком, то своими передачами он вызвал изрядную неразбериху, пока американцы не поняли, наконец, в чем было дело. Поэтому наблюдатель SBD ругаясь, мучил свою радиостанцию до тех пор, пока не додумался просто связаться с Мидуэем и попросить их, чтобы его сообщение передали через Гонолулу на «Энтерпрайз», причем можно было использовать другую частоту.

В Мидуэе обрадовались тому, что, наконец, узнали из этого сообщения по радио, как далеко ударные силы японского флота уже удалились к северу. Затем им удалось связаться с «Энтерпрайзом», и они не довольствовались просто передачей сообщения – в конце концов, речь шла о Мидуэе, и они могли и сами что-то сделать, чтобы защититься. Итак, Симард, проконсультировавшись с командиром морских пехотинцев Шэнноном, решил натравить на только что обнаруженную цель, японское соединение с последним авианосцем, шесть остав-

шихся на Мидуэе и исправных бомбардировщиков В-17. Экипажи немедленно начали готовить самолеты к вылету.

Но еще прежде чем последние бомбы были подвешены во вместительные шахты четырехмоторных бомбардировщиков, связанной с радиостанции снова вбежал в бункер Симарда. Он сообщил, что с Гавайев только что взлетели шесть В-17, которые должны были поддерживать Мидуэй. Они полностью заправлены и с полным боекомплектом, несут полный груз бомб и сразу же должны поступить под командование Мидуэя.

Симард поднял брови. Он очень хотел бы исторгнуть радостный крик, но это не подобало офицеру. Поэтому он, недолго думая, сам вместе с радистом отправился на радиостанцию.

- Передайте командиру группы бомбардировщиков, что японцы находятся в целых 250 километрах от Мидуэя. Если добавить к этой цифре возвращение к нам, то это означает от 500 до 600 километров дополнительной дальности полета. Спросите их, смогут ли они сделать это без предварительной промежуточной посадки и дозаправки у нас.

Радист принялся за работу. Симард подошел к радиостанции, временно приведенной в порядок после атаки, и посмотрел на остров. Курс северо-запад, это могло значить, что эта группа хотела оставить Мидуэй в покое. Однако действия японцев трудно было предсказать. Могут передумать, и они снова будут на курсе нападения. Кроме того, их десантные соединения все еще находились южнее по этому району, хотя они к этому моменту находились уже на значительном удалении от Мидуэя. Поэтому по ним наверняка следовало нанести удар, пока они обнаружили свое слабое место. Нельзя было упустить шанс нанести им большие потери, лишить их боевого духа. И у В-17 была бы для этого неожиданная возможность.

- Сэр, – сообщил радист, – командир эскадрильи В-17 майор Блэйкли сообщает, что он с удовольствием вспоминает о нескольких партиях в покер с вами в Пёрле. И – он играючи справится с дополнительным расстоянием.

- Джордж Блэйкли! – закричал Симард со смехом. – Передайте ему, что он мне еще должен реванш за его последние выигрыши в Пёрле! И – передайте ему позицию, скорость и курс японцев, которые разведчик сообщил нам. Он подчиняется моему командованию, старина Блэйкли, это его позабавит, но все равно, а мой приказ звучит так: лететь туда, атаковать, после этого приземлиться у нас и доложить о попаданиях!

В 15.30 последние двадцать четыре пикирующих бомбардировщика взлетели с «Энтерпрайза». Контр-адмирал Спрюэнс поставил на карту все: последний тяжелый авианосец японцев нужно было вывести из строя.

На «Хорнете» старт оставшихся самолетов задержался примерно на полчаса. В целом одиннадцать самолетов SBD должны были после длительного и напрасного поиска примерно в полдень сесть на Мидуэе, так как им больше не хватало топлива для обратного полета на свой авианосец. Теперь они возвратились и были готовы к применению. Вместе с пятью еще оставшимися на «Хорнете» машинами они последовали теперь за взлетевшим с «Энтерпрайза» отрядом.

Спрюэнс проинформировал Флетчера по радио, и Флетчер, угнетенный потерей «Йорктауна», приободрился, тем более, что он к тому времени уже знал, что В-17 тоже были в пути. Сорок пикирующих бомбардировщиков и двенадцать четырехмоторных «Летающих крепостей» – черт побери, такая сила уже точно сможет добиться решения!

С «Хирю» в это время адмирал Ямагути совещался с Нагумо и его штабными офицерами. Самолеты, вернувшиеся после торпедной атаки на «Йорктаун», снова готовились к вылету. От Ямамото поступил общий приказ непременно атаковать американские авианосцы, всеми силами, которые еще остались. Этих сил было немного. Из вернувшихся самолетов на нескольких машинах были настолько сильные повреждения, что их нужно было сначала отремонтировать. В целом можно было отправить пять пикирующих бомбардировщиков и четыре торпедоносца, но без прикрытия истребителями, так как последние полдюжины «Зеро» нужно было оставить в готовности для защиты авианосца.

В согласии с Нагумо Ямагути как раз хотел отдать приказ на взлет. Он думал, что, согласно сообщениям его пилотов, теперь только лишь один американский авианосец мог остаться боеспособным. О двух ему сообщили, что они превратились в «еще едва держащиеся на плаву развалины». О том, что эта информация не соответствовала действительности, Ямагути понятия не имел. Он хотел замахнуться для последнего удара – «Хирю» уничтожил бы и этот оставшийся американский авианосец тоже, и тогда все еще были бы все шансы, чтобы довести до конца операцию Мидуэй, как она была запланирована, пусть и с определенной разницей во времени! Но в то время как он осматривал пилотов перед стартом, взгляд его упал на капитан-лейтенанта Хасимото, который стоял между двумя штабными офицерами и получал инструкции о проведении атаки. Глаза у летчика закрывались, он шатался, и оба штабных офицера едва успели поймать его, когда он упал от изнеможения. Испуганно он открыл веки.

- Вы устали?

Гордость запрещала Хасимото сознаться в этом. Но Ямагути мог подсчитать: летчики проснулись еще до рассвета, прошли два тяжелых боя, и после завтрака еще ничего не ели. В пылу сражения фактор физического предела нагрузки летного персонала был полностью оставлен без внимания.

Ямагути посмотрел на других пилотов. Они были такими же уставшими, как и Хасимото. На самом деле опасность состояла в том, что они могли заснуть во время полета, но в любом случае они были бы нервными и не сосредоточенными в момент решающей атаки. Это соображение заставило Ямагути отложить взлет как минимум на два часа. Люди должны были поесть и после этого хоть немного поспать. Они должны были стартовать в восемнадцать часов, так приказал Ямагути. По его расчетам они будут тогда над американцами в короткой фазе сумерек. Это значило, что они неожиданно поразят противника в то самое мгновение, когда противник уже больше не будет считаться с возможностью атаки. И – американцы устали, по меньшей мере, так же сильно, как и японцы! Лишь разведывательная машина должна была стартовать сразу, чтобы отыскать точное местоположение американцев и потом привести ударные самолеты на цель.

Выделенные для атаки пилоты ковырялись в своей еде, затем они улеглись просто на скамейках столовой, чтобы немного поспать. Они не слышали, когда в семнадцать часов на «Хирю» внезапно подняли тревогу, их нужно было сначала разбудить. Их и без того бледные лица стали еще бледнее, когда они поняли, что пикирующие бомбардировщики американцев находились на подлете, уже в пределах видимости.

Это были SBD с «Энтерпрайза», которые первыми добрались до японцев. Их радиолокатор значительно помог им сократить время поиска. На море им открылась картина, напомнившая о маневрах в мирные времена: большие и малые корабли спокойно двигались. Только после того, как американцы совершили круг над соединением, их заметили, и теперь японцы открыли огонь из зениток.

Корабли начали идти зигзагом, и с большей высоты шесть истребителей «Зеро» бросились на атакующую группу.

Но пикирующие бомбардировщики – стоит им только перейти в пике – атаковать трудно. Только если они сбросили бомбы и должны снова набирать высоту, они уязвимы. Поэтому первому звену удалось беспрепятственно освободиться от своих бомб. Они атаковали авианосец, который очень хорошо можно было заметить из-за его огромной палубы и находящихся на ней маркировок. Но они не попали, хотя они подлетали со стороны солнца, и зенитная артиллерия едва

ли могла им воспрепятствовать. Лишь второе звено добилось первого попадания.

Уголками глаз несущиеся вниз пилоты видели, что уже два их самолета были сбиты японскими «Зеро». Они нацеливались на желтый посадочный круг, который был нарисован посреди палубы «Хирю». Их неуклонный подлет окупился: первая бомба ударила в передний подъемник авианосца, проникла до его подъемного механизма и со взрывом выбросила огромную стальную плиту – скомканную как клочок газеты – на мостик, описав при этом высокую дугу. Стальная пластина еще соскользнула вниз, на палубу, когда три следующие бомбы по очереди попали в авианосец.

Только теперь, и к тому же еще вызванные коротким замыканием, боевые сирены взвыли на «Хирю». Огромный корабль бросало туда и сюда мощью взрывов бомб в воде по обе его стороны. Борты сгибались сбоку, но они еще держались. Зато район вокруг мостика после попаданий бомб выглядел катастрофически. Командир был ранен. На палубе были огромные дыры с загнутыми кверху краями, она больше не была пригодна для взлета и посадки самолетов.

Внутри гиганта бушевали пожары, которые подпитывались выливающимся горючим. Многие системы пожаротушения больше не функционировали, система электропитания вышла из строя.

Пока санитар перевязывал обе легкие раны на голове командира, через лай зенитной артиллерии и шум моторов пикирующих бомбардировщиков, которые уже набросились на корабли сопровождения, уже можно было услышать свист падающих бомб. На этот раз они падали с большой высоты. Они взрывались между кораблями соединения и поднимали огромные гейзеры. Первые шесть бомбардировщиков В-17 появились над соединением и без промедления сбросили свой груз. Это были самолеты с Гавайев. Они привели японское соединение в полнейший беспорядок, так как никто теперь не считался с нападением горизонтальных бомбардировщиков с большой высоты. На этих шести В-17 дело не закончилось. Еще пока они поворачивали для полета на Мидуэй, шесть отправленных оттуда четырехмоторных бомбардировщиков появились над японцами. Из бомбовых шахт вниз полетели тонны взрывчатого груза, между дико маневрирующими кораблями.

Эту неразбериху застала группа пикирующих бомбардировщиков с «Хорнета», которая взлетела примерно на полчаса позже, чем самолеты «Энтерпрайза». Ей тоже не пришлось долго искать. Уже с большого удаления можно было увидеть облака дыма, которые поднимались с «Хирю». Командир группы также видел, что авианосец, основная цель, был уже превращен бомбардировкой в плавучий

металлолом, и атаковать его уже не стоило. Но там были другие большие корабли! Итак, он приказал атаковать «Харуну», «Тикуму» и остальные корабли сопровождения. К этому моменту у еще не сбитых «Зеро» закончилось топливо, и они вынуждены были сесть на воду, так как далеко вокруг больше не было ни одного авианосца, который мог бы принять их. Таким образом, корабельная зенитная артиллерия была единственным противником атакующих американцев.

Примерно один час это происходило так: на море выписывали зигзаги японские корабли, а сверху на них сыпались бомбы американцев.

Японцам – от и без того деморализованного Нагумо до Ямагути и обычных летчиков, таких как Хасимото – все это представилось как внезапная, совершенно неожиданная демонстрация американской силы и превосходства. Даже оставшиеся, очерстневшие после множества воздушных боев пилоты были в состоянии растерянности, видя боевую мощь, продемонстрированную здесь противником, которого они уже считали побежденным. Как это могло случиться? Разве они не сбили уже так много этих американцев? Разве не засыпали Мидуэй настоящим градом бомб? Как могли теперь оттуда взлететь четырехмоторные бомбардировщики? И прилетели ли они вообще оттуда? Может быть, с Гавайев? Или американцы разработали какой-то способ, чтобы четырехмоторные самолеты могли взлетать с авианосцев? Ведь они смогли, как это было уже известно японцам к тому времени, отправить двухмоторные бомбардировщики с авианосца против Токио! До простого понимания того, что речь здесь шла – кроме нескольких технических преимуществ, которые были у американской стороны – о сражении, в котором впервые испытывалась в сконцентрированном виде новая форма ведения войны на море, и что при этом обе стороны действительно совершали серьезные ошибки, но на стороне американцев была, кроме того, еще и удача, было еще очень далеко.

Постепенно дождь бомб становился слабее, пока он позднее совсем не прекратился. Корабельная зенитная артиллерия прекратила огонь. Было 18.30. Приближалась ночь.

На «Нагаре» адмирал Нагумо, который уже настолько отдохнул и собрался, что мог теперь командовать, потребовал доклада о потерях. Из него последовала поразительная картина. Если «Хирю» был серьезно поврежден, частично, чтобы справиться с пожарами, затоплен, и оставался на плаву, то ни на одном из других кораблей существенных повреждений не было. Лишь на «Харуне» попадание в корму повредило обшивку и приборы. Значит, затраты и потери американцев, все же, не были в правильной пропорции к успеху? При поверхностном рассмотрении с этим уже можно было бы согласиться. Только голый подсчет не вел к правильной оценке. Нагумо понимал это, так как Япония все-таки потеря-

ла в этом сражении не несколько заменимых крейсеров или один заменимый линкор, а четыре своих самых больших авианосца, опоры ударного флота, против которого американцы всегда могли послать новую группу самолетов. При этой опасности не следовало быть легкомысленным.

Это сражение в открытом море, которое велось исключительно силами авиации, если не обращать внимания на огонь зенитной артиллерии, оказалось поворотным моментом в морской войне: если противник умно использовал свои авианосные самолеты, то «большие кастрюли» постоянно подвергались опасности уничтожения за несколько минут, и они вообще не получали шанс вступить в бой.

Если – разумеется – противник действовал умно, своими авиационными силами, это было условие! До сих пор в японском флоте верили, что они на много миль обогнали американцев в этом отношении. После сегодняшнего дня это, похоже, уже было не так. Если не довольствоваться дешевой отговоркой, что в этом сражении, мол, японцам просто не повезло. Нет, нужно приступить к абсолютно новым размышлениям. Стратегию и тактику использования авиационных сил на море и против морских целей нужно было продумать по-новому, она оказывалась таким элементом ведения войны на море, который требовал собственных концепций.

Нагумо посчитал, что место, в котором были понесены такие большие потери, не было подходящим местом для размышлений. Сначала нужно было попытаться в некоторой степени быстро и без дальнейших потерь выпутаться из этой катастрофы.

- Выясните, что еще можно сделать с «Хирю»! – приказал он.

С одной стороны, полученный ответ оставлял место для надежды, с другой стороны, он подкреплял мнение тех, кто думал об отходе. Три из четырех машин авианосца еще работали, но доступы к машинным отделениям были преграждены пожарами внутри корабля. Машинисты были заперты внутри. Так как они должны были держать все переборки закрытыми, они получали свежий воздух только лишь через систему вентиляции, которую питали аварийные электробатареи. И воздух теперь уже сильно состоял из дыма. Поэтому нужно было ожидать, что моряки умрут там на своих постах.

Какой толк был еще от корабля, который хоть и оставался на плаву, но судьба его была уже решена?

Нагумо приказал передать Ямамото радиограмму, в которой он описал ситуацию и просил об инструкциях. Прекратить бой? Атаковать американцев линкорами и крейсерами? Затопить «Хирю»? Или попробовать отбуксировать? Затем он ждал, стоя на мостике «Нагары», глядя на «Хирю», этого темного гиганта на фоне бледного ночного неба, из которого снова и снова поднимались снопы огня, когда внутри происходили взрывы.

Маневр

Капитан второго ранга Футида был смертельно уставшим, после того как он с помощью байдарочного весла отвел крохотную надувную лодку достаточно далеко от горящего «Акаги», чтобы больше не бояться горячей нефти. Он заснул. Когда он теперь проснулся, он испугался, так как стемнело, и, очевидно, спасательные команды не заметили его.

Некоторое время ему казалось, что он оказался в облаке дыма или под поставленной эсминцами дымовой завесой. Но позже он понял, что – помимо дыма – наступила темнота, день заканчивался, и он задумался над тем, как привлечь на себя внимание.

Постепенно он разглядел на изрядном удалении горящие корабли. Среди них должен был быть «Акаги», но он не мог отличить его от других. Что стало с экипажем? Он смог разглядеть несколько попаданий, но взгляд из надувной лодки, только на несколько сантиметров возвышающейся над морем, был неблагоприятен для хорошего обзора. Остался ли еще хоть один исправный авианосец? Было странно тихо, хотя можно было слышать шумы корабельных двигателей и винтов. Футида воспринимал это как тишину, так как отсутствовал привычный для него резкий вой стартующих самолетов. Даже гудящий, низкий звук удаляющегося медленно набирающего высоту разведчика уже нельзя было слышать. Ничего. Наиболее отчетливо можно было слышать шум волн. И затем корабельные двигатели...

Взрывы происходили время от времени, странно приглушенные, шелестение горячей нефти, и затем, как Футида заметил только теперь, время от времени доносился хриплый призыв о помощи. Наверное, плавающие в воде моряки, которые не поймали плот или надувную лодку. Обломки двигались по воде, как смог разглядеть Футида, когда его глаза лучше привыкли к темноте. Там, среди трупов, плавали куски дерева и части разорванных самолетов, резиновые шланги и ботинки, канаты и лохмотья от формы. Футида, когда рядом с его надувной лодкой появилось тело, сразу схватил его. Матрос, на котором еще была узкая блуза. Он, кажется, был без сознания, его глаза настолько слиплись

от тяжелого топлива, что нельзя было увидеть, были ли его веки открыты или закрыты. Футида уже перетянул его верхнюю часть туловища через резиновый утолщенный край надувной лодки, когда он заметил, что тело потеряло равновесие и упало вперед. С ужасом Футида заметил, что у человека больше не было нижней части тела, от бедер и вниз. Просто отрублено, как большим мечом. Испуганно он отпустил его и закрыл глаза.

Когда он снова осмотрелся, этой половины тела уже не было здесь, волны унесли ее прочь. Футида вспомнил об акулах. Это был кошмар каждого летчика – будучи сбитым над морем, сначала остаться в живых и потом пасть жертвой распространенных здесь хищных рыб. Мучительная, медленная смерть, от которой не было спасения. Вероятно, эти рыбы приплывут днем, размышлял Футида. Он вспоминал, как летчиков учили, что акулы лишь редко нападают ночью. Но, может быть, это говорили им только для того, чтобы их успокоить?

Прошло больше часа, пока Футида издали услышал шум приближающегося лодочного мотора. Затем он увидел, как луч прожектора обыскивает поверхность моря. Он позвал на помощь, но он был на слишком большом расстоянии, чтобы его могли услышать. Тут пилот внезапно вспомнил, что надувная лодка всегда оснащалась сигнальной ракетой.

Он лихорадочно искал и обнаружил ее, наконец, в кармане из резинового материала под утолщенным бортом лодки. Собственно, пиротехническая ракета с кольцом, за которое нужно было дернуть, чтобы она зажглась.

Футида направил ракету вверх и потянул за кольцо. С шипящим звуком небольшая ракета взлетела в небо, где она лопнула и выбросила парашют, на котором висел магниевый огонек, излучающий яркий белый свет.

Внезапно водная поверхность вокруг была освещена. В этот кажущийся таинственным купол света вошел баркас, который был спущен на воду одним из линкоров.

- Футида-сан! – закричал удивленно один из матросов. – Я так часто видел вашу фотографию в газетах!

Он помог пилоту забраться на баркас. Лодка была набита ранеными, которых носили волны, но на корме было сложено почти столько же мертвецов, сколько было живых на борту. Спасен!

- Американцы разбомбили все наши авианосцы, – рассказывал матрос Футиде, в то время как они кружили еще довольно долго, подбирая других еще держащихся на воде моряков. – Странно. Все уничтожены...

- И «Хирю»?

- И «Хирю» тоже, – сказал матрос. После этого наступило молчание. Только мотор стучал, когда лодка со своим печальным грузом двигалась назад к «Тикуме». Время от времени кто-то из раненых стонал.

Футида попросил, чтобы «Тикума» с помощью сигнального прожектора сообщил на «Нагару», на котором находился Нагумо, о его спасении и одновременно о его готовности к новому бою. Но применения для него не было, по крайней мере, в настоящий момент, так передал ему адмирал Нагумо. Он приказал Футиде, чтобы он оставался на «Тикуме» и ждал дальнейших приказов.

Известного во всей Японии пилота разместили в каюте, где он мог лечь в подвесную койку, после того как его вымыли, переодели, бортовой врач осмотрел его, и, наконец, ему дали поесть. Скрестив руки за головой, он лежал на койке, не мог уснуть, внимательно слушал глухой звук корабельных машин и размышлял о том, что произошло за это короткое время.

Поражение, несмотря на большое превосходство над противником. Даже сейчас еще у японцев, пожалуй, только в соединениях, которые должны были захватить Мидуэй, было больше боеспособных кораблей, чем у американцев во всем Тихом океане. Недоценили противника? Определенно. Но одно это не объясняло масштаб поражения. Корабли в открытом море, которые позволяют сражаться только самолетам – не здесь ли нужно было искать причину?

Разве японцы не обладали еще умениями тактически достаточно умного использования самолетов против морских целей – хотя они исключительно хорошо справились с их использованием против наземной цели Пёрл-Харбор? Не упустили ли они в своих расчетах то обстоятельство, что и противник тоже может применить авиационные силы со значительной эффективностью? Не предугадали ли неправильно его реакцию? Не стали ли они, опьяненные чувством превосходства, жертвами излишней уверенности в своей победе? Вопрос за вопросом. Для будущего, во всяком случае, это было плохим признаком. Ведь, как сообщалось, у противника все еще было как минимум два полностью исправных тяжелых авианосца в бою. Смогут ли относительно медлительные артиллерийские корабли справиться с последующими воздушными налетами противника, ввиду того факта, что у них больше не было возможностей защиты от них, кроме лишь бортовой зенитной артиллерии?

Умный Футида догадывался, что у этой неудачи была не одна причина. Многие совпало, вероятно, также несколько случайностей, и все это пошло во вред Японии.

Он считал, что война, начатая с такой большой уверенностью в победе, во внезапном начале которой он сам принял участие, достигла критического момента. Американский Тихоокеанский флот, важнейший противник Японии на этом театре военных действий, недолго останется таким незначительным, каким он все еще является в настоящий момент. Верфи в Соединенных Штатах в недалеком будущем станут буквально выплевывать корабли за кораблями, и авианосцы тоже. И самолеты станут поступать с конвейеров, сотнями и сотнями. В Японии с самого начала знали о промышленных мощностях США, не в последнюю очередь также поэтому была настолько велика надежда добиться сразу с самого начала, ударом по Пёрл-Харбору, такого опережения, которое противник больше не сможет догнать. Как казалось Футиде, великолепные первые успехи императорских вооруженных сил были как раз только лишь первыми успехами; их нельзя было продолжить. Противник показал, что он не сдавался, а скорее был решителен и материально тоже был способен нанести ответный удар. Ничто не было решено, но внезапно победа, о которой особенно в японском военноморском флоте думали с такой уверенностью, оказалась столь далекой.

В отличие от довольно спокойных рассуждений пилота Футиды, адмирал Ямамото, главнокомандующий всей операции по захвату Мидуэя не был расположен к объективному размышлению; он скорее защищался от этого. Впрочем, он кипел от ярости, так как он между тем узнал о потере трех авианосцев Нагумо. Это было в полдень. Затем Ямамото, ввиду опасности, которая угрожала со зловещих американских авианосцев, отдал несколько приказов. Эти приказы при точном рассмотрении не очень-то имели смысл, но им не решился противоречить никто из его штабных офицеров.

Сначала соединению войсковых транспортов с солдатами для запланированного захвата Мидуэя, которое вместе с соединением прикрытия находилось далеко на юге, был отдан приказ повернуть и пока идти обратно малым ходом. То, что приказано было возвращаться только с малой скоростью, позволяло предположить, что при соответствующих изменениях общей ситуации все же могло быть достигнуто до десанта на Мидуэй. Тогда транспортам бы просто снова приказали повернуть и лечь на прежний курс.

Вверху на севере Ямамото приказал оставшемуся флоту для прикрытия высадки на Алеутские острова двинуться на юг по направлению к его соединению. Тем самым высадившихся на Атту и Кыске японских солдат оставляли на произвол судьбы. В соединении, действовавшее у Алеутских островов, входили оба лег-

ких авианосца «Рюдзё» и «Дзюньё», и в них Ямамото особенно нуждался, после того как его тяжелые авианосцы были потеряны. Они получили приказ идти полным ходом. Ямамото должен был на всякий случай защитить авианосцами свои силы от возможных воздушных атак американцев. То же самое соображение могло стоять также за его приказом движущемуся дальше на юге флоту адмирала Кондо, которому приказали взять курс на основные силы Ямамото. Курс на север. В соединении Кондо находился легкий авианосец «Дзуйхо». Ямамото хотел иметь также его поблизости от своих больших кораблей, так как у него самого был при себе один только «Хосё», который никак не смог бы отразить сконцентрированный американский воздушный налет.

В общей сложности до сих пор было потеряно свыше 250 боевых самолетов, Ямамото это знал, но он, вероятно, в душе отказывался учитывать то, что речь при этом шла не только о самых эффективных самолетах, но и о самых опытных экипажах. Служившие на легких авианосцах пилоты в большинстве случаев имели меньший боевой опыт, часть из них вообще только что совершила первые взлеты с авианосцев. Хотя Япония и построила мощный авианосный флот, но в опытных летчиках, прежде всего, в тех, кто уже умел бороться с морскими целями, у нее отнюдь не было избытка.

Все же Ямамото рассчитывал на объединение сил. Наконец, он рассчитывал также на «Хирю», о судьбе которого он пока еще ничего не знал. Он хотел объединиться с вызванными сюда соединениями в первой половине следующего дня, и тогда пойти навстречу американскому флоту, вовсе не ждать его нападения, а нанести удар первым, уничтожающий удар. С Мидуэем можно было подождать. Однако, в лучшем случае, операцию все же можно было довести до конца, завершить победой. Можно было бы быстро отозвать обратно войсковые транспорты.

Уверенность Ямамото определенно не была выражением тактической неспособности, он верил в непреодолимую силу японского военно-морского флота, и он совсем не был тем человеком, которого первоначальные неудачи могли заставить отказаться от его последующего пути. Но главной его ошибкой было то, что он предположил, что американцы будут поступать так, как он это себе представлял. Но они поступили иначе.

Затем Ямамото был морским офицером старой школы, и он доверял, в принципе, огневой мощи больших артиллерийских кораблей. Хотя авианосцы вовсе не были для него новым оружием, все же, здесь проявилось то, что он все еще обладал недостаточным опытом их применения. Впрочем, так же, как и большинство других адмиралов, хотя Япония добилась своего до сих пор самого сенсационного успеха, в Пёрл-Харборе, как раз с помощью авианосных самолетов. В

целом, однако, ведение воздушной войны над открытым морем и использование самолетов против плавающих целей находилось еще на начальной стадии. Это заметили еще в Коралловое море. Это касалось также и американцев. И такое положение вещей отчетливо определило все сражение у Мидуэя. Это был тест для обращения с новыми средствами ведения войны на море.

Но Ямамото не увлекался размышлениями, он был человеком другого склада. Он планировал. То, что он при этом стоял на шатком основании, не удерживало его, пока, во всяком случае. Поэтому он поговорил со своим штабом о том, что на следующий день флот двинется дальше на восток. «Хирю» играл решающую роль в его планах уничтожения американского флота, и внезапно он решил пока и дальше подавлять сопротивление Мидуэя, прежде чем снова штурмовать его. Поэтому соединению адмирала Кондо был отдан приказ вскоре после тринадцати часов отправить артиллерийские корабли в направлении Мидуэя и обстреливать атолл из корабельной артиллерии.

После получения этого приказа Кондо сначала выделил для этой цели четыре крейсера и несколько эсминцев сопровождения из соединения прикрытия войсковых транспортов, которым командовал адмирал Курита. Этими крейсерами были «Судзюя», «Кумано», «Могами» и «Микумо», все относительно новые и быстрые корабли. Их орудия должны были не только разрушить взлетно-посадочные полосы на Мидуэе, они должны были также окончательно подавить там сопротивление противника. В планировании Ямамото была мысль, что тогда – после произошедшего уничтожения американского флота – все же довольно легко можно было справиться с Мидуэем.

Адмирал – находясь между тем в плотном тумане на восточном курсе – уже неоднократно пытался выяснить у адмирала Нагумо подробности его ситуации. Вероятно, все-таки удалось снова сделать боеспособным один или другой из трех поврежденных авианосцев? Такие корабли как эти авианосцы имели огромную живучесть, и они также не тонули так быстро. Некоторые сильно пострадавшие корабли в первые полгода войны были отбуксированы в японские гавани, и были там отремонтированы, другие сами собственными силами восстановили свою боеспособность прямо в открытом море. Поэтому Ямамото очень сильно беспокоило то, что от соединения Нагумо ему не поступало никаких новых вестей.

Наконец, во второй половине дня, около 17.30, пришла радиограмма от Нагумо. Адмирал, полный надежды, схватил бумагу, которую передал ему выглядевший сконфуженно радист. И у Ямамото впервые можно было увидеть шок, когда он читал. Из твердого, всегда подтянутого морского офицера он превратился в разбитого человека, который медленно стянул свои белые перчатки, и вновь и

вновь крутил радиограмму туда-сюда, как будто речь шла о сообщении на неизвестном ему языке.

«Бомбовые попадания на «Хирю». Корабль горит», было написано там.

- Что там произошло? – вырвалось у Ямамото, наконец. Он имел в виду не текст, не само по себе событие, он скорее спрашивал так своих офицеров, что же произошло с императорским морским флотом, что он в борьбе против этих презренных изнеженных американцев терял один корабль за другим, причем терял самые лучшие, самые важные свои корабли. Никто не мог ответить ему. Адмирал погрузился в раздумья, в состояние безразличия, которого за ним до сих пор никто не замечал. Сотрудникам штаба стало ясно, что последние приказы теперь наверняка были бесцельными: «Хирю» должен был бы стать опорой любой воздушной операции, которая могла бы быть осуществимой. Без него и его летчиков японцы могли оказаться лишь жертвами американцев, которые, похоже, располагали огромным количеством самолетов, управляемыми неожиданно хорошо обученными пилотами с боевым опытом.

У Нагумо к этому времени воцарилась крайняя нервозность. Спасательные работы шли полным ходом, так как приближалась ночь. Кроме того, японцы не знали точно ни местоположения, ни сил американцев; сведения, которые доставляли самолеты-разведчики, слишком сильно расходились. Теперь еще один самолет-разведчик был запущен с катапульты крейсера «Тикума» и полетел на восток в целях разведки. От него ожидалась окончательная информация. Сам Нагумо ходил туда-сюда по небольшой каюте, предоставленной ему на «Нагаре», как лев в клетке. Летаргия, которая на несколько часов парализовала его, резко сменилась лихорадочной спешкой.

Нагумо обдумывал нападение больших артиллерийских кораблей на американцев. Если бы можно было нанести по ним неожиданный удар, рассчитывал он, то у нас было бы превосходство. Американцы потеряли очень много самолетов. Если бы использовать против них нашу корабельную артиллерию, то им конец!

Но это были пустые мечты. Сам Нагумо должен был признать это через час после своего сообщения Ямамото о «Хирю». Самолет-разведчик «Тикумы» нашел американцев! «Обнаружены, в 17.15, четыре американских авианосца, шесть тяжелых крейсеров и пятнадцать эсминцев, все на западном курсе, на удалении примерно 50 километров от все еще остающегося без движения горящего авианосца».

Нагумо схватился за голову: четыре авианосца, боеспособных, на курсе, который вел напрямик к его соединению! Эти американцы, кажется, были реши-

тельно готовы на все. Лишь их пятый авианосец был поврежден – а значит, они могли послать в любую минуту, как только взойдет солнце, множество самолетов с четырех других! Ни одного «Зеро» больше не было для обороны, это значило, что его соединение было беззащитным, так как одна только корабельная зенитная артиллерия не могла обеспечить достаточно эффективной обороны.

Нагумо не пришла в голову мысль, что сообщение разведывательной машины могло быть неточным. В действительности, разведчик совершил серьезную ошибку, он, очевидно, при осторожном и неоднократном облете американского соединения неправильно посчитал авианосцы, приняв два авианосца за четыре. Четыре авианосца – по ощущению Нагумо это объясняло количество и мощь американских атак. Теперь нужно было уклониться, прежде чем они снова нанесут удар. Ночь была хорошим союзником для тактического маневра уклонения. Итак, Нагумо не медлил, он даже не просил Ямамото о разрешении. Он приказал остаткам своего соединения за исключением нескольких кораблей, которые оставались поблизости от разбитых авианосцев, двигаться на северо-запад. Нужно было увеличить расстояние между собой и этими неожиданно опасными американцами.

Между тем Ямамото, который ни о чем этом не догадывался, решил не делать уничтожение «Хирю» поводом для изменения своих планов. Примерно в то же время, когда Нагумо повернул, он передал приказ всем подчиненным ему силам, в котором он утверждал, что противник якобы разбит и отошел на восток. Все японские соединения должны были приступить к преследованию и одновременно осуществить захват АФ (Мидуэя).

Редко в военной истории приказ так сильно отклонялся от фактов, как этот – тем более, что он был отдан не по причине полной неосведомленности в реальном положении дел. Скорее в нем нужно было видеть реакцию протеста на прежние неудачи, которые, как полагали, можно будет переиграть с помощью решительного напора. Из-за этого несколько штабных офицеров Ямамото также немедленно высказали сомнения. Но адмирал лишь молча выслушал их.

Контр-адмирал Спрюэнс чувствовал, что в эти часы совершалось важное решение, которое имело значение не только для ведения войны на море, но и для исхода всей войны. Похоже, что удалось сломать хребет японскому авианосному флоту. Нападение на Мидуэй было отбито. Однако за это пришлось заплатить большими собственными потерями в самолетах и пилотах, не говоря уже о том, что «Йорктаун» был выведен из строя, и его уже вряд ли можно было спасти, хотя попытки к этому делались.

Теперь само собой напрашивалось решение наброситься с двумя исправными авианосцами на линкоры и крейсера Нагумо. Но Спрюэнс сделал холодный расчет. Task Force 16 была – что японцы знали или также не знали – последним невредимым корабельным соединением американского Тихоокеанского флота. Было очень рискованно ставить ее на карту. Можно было бы, так сказать, со всего разбегу напороться на раскрытый нож японцев, которые располагали более сильными кораблями для морского боя – и для сражения, которое вела бы исключительно авиация, у американцев больше не было достаточно самолетов. Поэтому требовалась осторожность, тем более что приказ главнокомандующего Нимица звучал не уничтожить японский флот, а скорее воспрепятствовать ему в захвате Мидуэя.

Спрюэнсу не нужно было убеждать Флетчера, способности которого он очень уважал, в своих сомнениях, тот разделял их: главным заданием было защитить Мидуэй. Теперь Флетчеру так же, как и Спрюэнсу, казалось спорным, будут ли японцы, которые понесли большие потери и лишились своей авиации, и дальше продолжать свою акцию против атолла. Если они не станут делать этого и уйдут, то задание американских соединений будет выполнено. Если же японцы вопреки своим катастрофическим потерям, снова двинутся на Мидуэй, то было очень важно, чтобы корабли Task Force 16, так же, как и все имеющиеся в распоряжении силы Task Force 17, находились на как можно меньшем удалении от Мидуэя, чтобы повернуть, как только противник нанесет удар. Тут нужно было применять гибкую тактику, требовавшую быстрых и краткосрочных решений.

Против такого подхода не было серьезных возражений, если не считать нескольких знаменитых рубак среди офицеров, которым очень хотелось еще ночью нанести удар по японцам, хотя они сами оценивали это как рискованную игру. Нет, ни Спрюэнс, ни Флетчер не были азартными игроками, для этого ставки были слишком высоки. Поэтому группа Флетчера оставалась за группой Спрюэнса, все еще занимаясь попытками спасти «Йорктаун», тогда как Task Force 16 Спрюэнса сначала пошла на юго-запад, а затем повернула на юг, осторожно крейсировав, так, чтобы Мидуэй всегда оставался в зоне досягаемости.

В полночь была достигнута позиция, с которой с оставшимися силами можно было при необходимости эффективно противостоять любой попытке японцев непосредственно угрожать Мидуэю.

В том районе моря, где двигались основные силы Ямамото, с наступлением 5 июня еще господствовал легкий туман. Адмирал приказал узнать, где находится соединение Кондо, и получил информацию, что корабли Кондо только незадолго до восхода солнца могли бы достичь позиции перед Мидуэем, с которых обстрел обещал успех.

У Ямамото – к тому времени уже знающего о потере последнего авианосца Нагумо – к этому времени возникли серьезные сомнения в осуществимости своего плана. Он должен был считаться с четырьмя американскими авианосцами, и самолеты с этих авианосцев, естественно, стартовали бы в утреннем сумраке и несколько позже были бы над его большими кораблями. Это могло привести к еще большей катастрофе. Ответственность за это Ямамото не хотел брать на себя, как бы сильно ни грызла его мысль о мести. Он долго совещался со своим штабом. Сомнения взяли верх. Поэтому Ямамото решил пока не двигаться больше в зону действия американских авианосцев. Он определил точку примерно в 500 километрах к северо-западу от Мидуэй для места, в котором около девяти часов утра должны были встретиться различные боевые группы, и одновременно приказал войсковым транспортам возвращаться.

Это значило, что Ямамото капитулировал перед реальностью, не зная, однако, что он оценивал количество американских авианосцев вдвое больше настоящего, так как его разведчик совершил ошибку. Во всяком случае, он пока приступил к отходу. Скрипя зубами. Несколько позже к нему поступило еще одно печальное известие от состоящей из четырех крейсеров группы адмирала Куриты, которую Кондо направил с юга для обстрела Мидуэя. То, что произошло, можно было объяснить, собственно, только той всеобщей нервозностью, которую вызвал уничтожающий удар американцев по авианосцам, и которая распространилась на многих командиров.

Группа крейсеров – следуя новому приказу – отклонилась от своего курса и повернула. В этот момент, при плохой видимости, перед крейсерами по так никогда и не выясненным полностью причинам внезапно появилась японская подводная лодка и подала световой сигнал, чтобы идентифицировать себя. Это заставило строй крейсеров молниеносно совершить маневр уклонения, чтобы не столкнуться с подводной лодкой.

Крейсеры шли на 28 узлах, что соответствует примерно 50 км/ч, т.е. на высокой скорости. Но приказ о внезапном маневре, повороте в сторону левого борта, не был произведен всеми кораблями одновременно и, прежде всего, он не был осуществлен достаточно точно. Обои последние кораблями строя были «Микума» и «Могами», и на мостике «Могами» дежурный офицер увидел сигнал слишком поздно. В то время как «Могами» еще шел старым курсом, идущий перед ним «Микума» уже повернул налево. «Могами» осуществил маневр с опозданием на несколько секунд. Но этого хватило, чтобы при незначительных интервалах, на которых шли корабли, вызвать столкновение.

С треском нос «Могами» врезался в корму однотипного корабля. Сначала показалось, что это было одним из тех столкновений, которые оставались без серь-

езных последствий. Идущий впереди «Микума» отделился от «Могами» и двинулся дальше. Но он прошел недалеко. Его находившийся в кормовой части топливный бак получил пробоину, нефть вытекала, рулевое управление оказалось серьезно поврежденным, что значительно ограничивало способность к маневрированию. Еще хуже обстояло дело с «Могами». Его носовая часть была срезана сбоку, обшивка треснула, вода устремилась внутрь. Хотя корабль еще мог двигаться, но он плохо слушался руля, кроме того, он мог развить скорость только 15 км/ч. Оба командира сообщили об аварии адмиралу Курите, который с двумя целыми крейсерами «Кумано» и «Судзуя» пошел дальше по направлению к определенному Ямамото месту встречи, приказав обоим потерпевшим аварию крейсерам двигаться западным курсом, в направлении родины. Оба эсминца сопровождения «Арасио» и «Асасио», тоже однотипные корабли из одной и той же более новой серии, оставались с ними.

Адмирал Ямамото невозмутимо принял сообщение о столкновении. По-видимому, еще одно несчастье в бесконечной цепи бед.

Было три часа утра 5 июня, когда смертельно усталый, измотанный адмирал приказал передать всем кораблям приказ об отмене операции против АФ. Нападение на Мидуэй провалилось. Одновременно Ямамото подсчитал, что он также на новом месте встречи еще не был бы полностью вне опасности, что особенно касалось бомбардировщиков В-17, которые, очевидно, действовали с Мидуэя. Он информировал свой штаб, что, как только вызванные сюда корабли придут, нужно будет отходить дальше в западном направлении.

На Мидуэе ночь была беспокойной, постоянно в тревоге из-за возможных сюрпризов. Все же, кроме нескольких выстрелов, которые сделала японская подводная лодка из своей палубной пушки, ничего не произошло.

Из сообщений нескольких самолетов-разведчиков следовало, что японские корабли все еще держали курс на Мидуэй. Но эти разведывательные данные были получены прошлым вечером, и они уже устарели. Тем не менее, американцы делали все, чтобы и дальше укреплять оборону.

Но этим Симард не ограничился. Как только на небе на востоке появилась первая полоска света, он велел восьми расположенным на атолле бомбардировщикам В-17 стартовать и лететь в западном направлении. Их полет остался безуспешным. С большой высоты, на которой они летели, четырехмоторные самолеты не смогли обнаружить японские корабли. Зато летающей лодке РВУ, одной из неутомимых «рабочих лошадок» дальней разведки Мидуэя, повезло больше. В первом свете утра ее наблюдатель заметил два корабля, которые медленно,

оставляя нефтяной след, шли западным курсом, в сопровождении двух эсминцев.

Таким образом, Симард в Мидуэе в 6.30 получил сообщение о двух крейсерах, медленнодвигающихся домой после аварии и к этому довольно точное указание их местоположения. Симард действовал быстро. Размещенная на атолле группа пикирующих бомбардировщиков после пополнения с Гавайев теперь снова обладала двенадцатью машинами. Симард отправил их все одновременно. Его приказ звучал так: «Обе лоханки повреждены – добейте их!»

В восемь часов утра пикирующие бомбардировщики были над «Могами» и «Микумой». Оба крейсера, а также эсминцы открыли зенитный огонь. В этой атаке участвовали еще неопытные молодые пилоты. Они закончили учебу и, естественно, страстно хотели проявить себя в бою. Но японской зенитной артиллерии, в общем, удалось оттеснить их так, что все их бомбы взорвались в воде поблизости от кораблей, и не нанесли им никакого существенного вреда, кроме осколочных попаданий. За исключением одного самолета более старого типа «Виндикейтор». Он уже во время подлета был подбит и загорелся. Вероятно, в пилота попали, и он больше не мог управлять самолетом. Но вследствие этого горящий самолет упал – еще с бомбой на подвеске – на переднюю оружейную башню «Микумы». Взрыв бомбы сорвал башню, бросив ее в воздух. Пламя распространилось и добралось до машинных отделений, подпитываемое вытекающим из обломков самолета горючим. Машины «Микумы» становились все медленнее. Корабль еще оставался на плаву, но фактически был уже потерян.

Контр-адмирал Спрюэнс со своей Task Force 16 шел к Мидуэю. Когда наступил рассвет, самолеты-разведчики сообщили ему, что японских кораблей, которые шли бы непосредственно на Мидуэй, не было. Враг, очевидно, отходил на запад. Отказался ли он от своих планов? Не пришел ли час, когда нужно было нанести ему последний удар? Спрюэнс решил подождать. Он и без того не был склонен к опрометчивым решениям. У авиаразведки над открытым морем, как он знал, были свои коварства, и сюрпризы все еще были возможны.

Но позднее он получил сообщение, которое заставило его отреагировать: на досягаемом удалении – примерно в 400 километрах на запад – стоял поврежденный авианосец японцев, по всей вероятности, «Хирю». Спрюэнс приказал повернуть на северо-запад. Была разница в том, дать ли японцам шанс отбуксировать свой авианосец и затем отремонтировать его, или же нанести ему окончательно смертельный удар. Ввиду не существовавшей уже угрозы для Мидуэя Спрюэнс решился на это преследование. Он все-таки еще мог использо-

вать с «Энтерпрайза» и «Хорнета» в общей сложности 58 пикирующих бомбардировщиков.

В 15 часов он приказал самолетам взлететь. Они искали напрасно. Когда индикаторы уровня топлива напомнили им, что пора возвращаться – уже было шесть вечера, и наступала темнота – они, наконец, обнаружили пенный кильватерный след. Разглядеть тип точно было нельзя, но те, кто посчитал его эсминцем, были правы. 58 машин бросились на выписывающий дикие зигзаги корабль, который едва можно было увидеть при плохом освещении. И они не добились ни одного попадания. Но зато один из самолетов был сбит. Когда группа возвращалась на авианосцы, было совершенно темно, и авианосцы вопреки опасности, которая исходила от японских подводных лодок, должны были включить освещение палубы, чтобы избежать аварий при посадке. Все же многие пилоты перепутали авианосцы. Самолеты «Энтерпрайза» частично сели на «Хорнет» и наоборот. Но больше ни один самолет не был потерян. Посадка была закончена вечером 5 июня.

Спрюэнс со своим соединением продолжал осторожно двигаться в западном направлении малым ходом, готовый к любым неожиданностям. Его подталкивала вперед не страсть к охоте, скорее это было похоже на инстинкт боксера нанести уже измотанному противнику, который был хоть и опасен, но уже не совсем в порядке, последний, решающий удар.

6 июня на рассвете Спрюэнс снова отправил в полет самолеты-разведчики. Через полтора часа они сообщили о японских военных кораблях, среди которых, тем не менее, не было авианосцев. Спрюэнс отдал приказ на взлет двум дюжинам пикирующих бомбардировщиков «Хорнета». Он приказал прикрывать их восемью истребителями, больше он не мог выделить.

Этой ударной группе даже удалось добиться успеха. В 9.30 она была над отрядом японских кораблей, состоявшим из двух тяжелых крейсеров и двух эсминцев. Вопреки яростному зенитному огню американцы, потеряв лишь один самолет, смогли несколькими бомбами попасть в крейсера. Затем Спрюэнс незадолго до одиннадцати часов утра послал с «Энтерпрайза» еще тридцать пикирующих бомбардировщиков с истребителями сопровождения. Они нашли уже получившую повреждения группу крейсеров и добились новых попаданий. На обратном пути им встретилась группа пикирующих бомбардировщиков с «Хорнета», которые были быстро снова заправлены, пополнили запасы боеприпасов и опять взлетели. Они также смогли нанести успешный удар: один из крейсеров, насколько они могли судить с воздуха, уже опасно накренился, и экипаж покинул его. Это был «Микума». В общем и целом, летчики хоть и храбро выполнили

свое задание, но успех оставался ограниченным. И второй крейсер, «Могами», смог – пусть и поврежденный – хромая, уйти прочь с места боя.

Адмирал Ямамото, который узнал об этих атаках, пришел к выводу, что американский флот следовал за ним в западном направлении. Если американцы и дальше будут идти этим курсом, так рассчитывал Ямамото, тогда он, вероятно, мог бы приблизиться к ним. Сначала он отправил легкий авианосец «Дзуйко», шесть крейсеров и несколько эсминцев курсом на юг, по направлению к американцам. Позже он направил на юг все главные силы флота, во главе с флагманским кораблем «Ямато». Ключнут ли американцы на приманку? Приведет ли их охотничья страсть к тому, что он все же сможет справиться с ними?

6 июня во второй половине дня контр-адмирал Спрюэнс созвал свой штаб в оперативном помещении и обсудил ситуацию. Теперь американцы были больше чем в 600 километрах к западу от Мидуэя. Горючее и другие запасы подходили к концу. Число исправных самолетов сократилось, и экипажи демонстрировали проявления стресса после непрерывных полетов. Кроме того, соединение все больше приближалось к занятому японцами острову Уэйк, и тем самым входило в район действий расположенных там бомбардировщиков. Возрастала опасность того, что победа, достигнутая с таким трудом, может быть без толку потеряна. Мидуэй был в безопасности, японские авианосные силы лишились своих лучших кораблей, число оставшихся у японцев боевых пилотов с военным опытом могло значительно уменьшиться – больше не было разумных причин, чтобы продолжать операцию.

- Есть возражения? – спросил Спрюэнс.

Офицеры, которые много спрашивали себя о способностях этого контр-адмирала, когда он приступил к службе у них и взял на себя командование Task Force 16, давно воспринимали его как способного тактика, осмотрительность которого прекрасно согласовывалась с его решимостью сражаться до победы. Кроме того, они научились доверять ему, и они также теперь согласились с ним. Сражение, на которое японцы возлагали такие большие надежды, закончилось не в их пользу. Время наступления для США еще не пришло, но в обороне они добились решающего успеха, воздействия которого еще нельзя было предсказать полностью. Были потери, болезненные. Это был правильный момент, чтобы прекратить борьбу.

- Я благодарю вас, господа, – сказал Спрюэнс. – Позаботьтесь о том, чтобы экипажи смогли поспать. Кораблям оставаться в боевой готовности.

С наступлением темноты Task Force 16 осуществила маневр, который привел ее на восточный курс. Корабли двинулись мимо Мидуэя назад в Пёрл-Харбор.

Умиряющие корабли

Когда «Сорю», «Акаги» и «Кага» один за другим получили попадания и загорелись, адмирал Нагумо, полный отчаяния, смотрел на них как на потерянные. Это можно было понять в горячке боя. И, все же, скоро выяснилось, что эти тяжелые авианосцы вопреки бесчисленным пробоинам, тлеющим пожарам и взрывающимся боеприпасам тонули не так быстро. Причины этого нужно было искать в прочной конструкции стальных великанов, но также и в мерах предосторожности, которые теперь оправдали себя, пусть даже и частично.

Так нижние палубы были разделены на бесчисленные отдельные защищенные друг от друга отсеки. Это вело к тому, что при попадании, например, в борт, вода часто заливает лишь некоторые отсеки, которые по отношению к другим могут быть герметизированы переборками. Такой конструктивный принцип (который, естественно, не ограничивался авианосцами) действительно предотвращал опасность быстрого затопления.

С пожарами ситуация была более критической. Здесь бригады, борющиеся за живучесть, зависели от трубопроводов для воды, шлангов и электрических насосов. Шланги, трубы и кабели часто были во многих местах повреждены, тогда они требовали продолжительного ремонта. Если главные корабельные генераторы авианосца были повреждены, то тока не было, и поэтому вода для тушения пожара прекращала течь, так как насосы работали на электричестве от бортовой сети. Аварийных электрогенераторов часто не хватало, чтобы устранить тяжелые повреждения. Химическими методами тушения нельзя было многого добиться. Они также не были особо развиты в то время. Поэтому, например, с цилиндрическими зажигательными бомбами, которые содержали фосфор, пытались тогда еще бороться так называемыми «лапами» – укрепленными на жердях мокрыми тряпками – довольно безнадежная затея, так как фосфор при доступе воздуха загорался снова.

На всех подбитых авианосцах были пожары. Они были вызваны их собственным горючим или вытекающим из самолетов топливом, и в большинстве случаев распространялись на хранилища боеприпасов или на приготовленные бомбы и торпеды. Вследствие этого вновь и вновь происходили малые или большие взрывы, а те, в свою очередь, разрывали переборки, из-за чего в следующие отсеки попадала вода. Это было продолжающимся процессом. Этот процесс можно было бы локализовать и контролировать со специализированных вспомо-

гательных судов, но таких вспомогательных пожарных судов не было по близости, а эсминцы сопровождения кроме обычных систем пожаротушения не располагали специальными системами этого рода. Поэтому произошло так, что подбитые авианосцы тлели дальше, медленно пожираемые огнем изнутри – и, все же, они пока еще оставались на плаву.

На борту «Сорю» водой заполнили много отсеков, не только тех, в которых уже были пожары, но и хранилища боеприпасов и цистерны с горючим, на которые мог переброситься огонь, бушующий в соседних отсеках. Вследствие этого «Сорю» лежал глубоко в воде, но зато, когда вторая половина дня 4 июня переходила в вечер, пожары внутри него в основном потухли. Однако корабль нужно было буксировать, так как он больше не мог идти своим ходом. Но при буксировке так глубоко погрузившегося корабля была опасность, что беспокойное море ворвется сверху в отсеки через разорванные палубы, опустит его еще глубже, пока корабль, наконец, не пойдет на дно как камень. Нужно было тщательно взвесить шансы.

На борту «Сорю» еще находился в полном одиночестве лишь его командир Ямагимото. Он был решительно настроен последовать древнему ритуалу и погибнуть со своим кораблем. Все попытки отговорить его от этого потерпели неудачу. Это раскрывало сложную проблему: с одной стороны, в Японии почитали соблюдение частично очень устаревших, уже непрактичных в современности традиций, особенно среди офицеров, с другой стороны, для дальнейшего хода войны определенно не хватало бы опытных командиров авианосцев, и нужно было по возможности сохранить их живыми. Конфликт между мифом и реальностью.

Сначала у реалистов еще был шанс. После того, как командир Ямагимото остался совсем один на лежащем глубоко в воде авианосце, в чистом мундире, с длинной саблей и лентой на лбу, так называемой «хатимаки», которая сигнализировала о готовности к смерти, его разместившийся на эсминце штаб еще раз отправил к нему на борт делегацию, которая должна была убедить командира, что продолжение борьбы было важнее для императора, чем его добровольная гибель с тонущим кораблем.

Но переговоры ни к чему не привели. Командир отказался покинуть корабль. Он – все еще в полной командной власти над авианосцем – отправил переговорщиков восвояси с борта тонущего корабля.

За этим процессом, когда баркас подошел к разрушенному авианосцу, высадили там людей, которые по прошествии некоторого времени снова сели в баркас и

вернулись на эсминец, наблюдал через перископ командир американской подводной лодки «Наутилус».

«Наутилус» в последние часы частично шел в надводном положении, вопреки опасности быть замеченным, он хотел добраться до места боя как можно быстрее. Теперь подлодка пришла сюда. Но бой, очевидно, закончился. В темноте, которая уже наступила, было очень трудно рассмотреть все в деталях, но баркас своим прожектором, так сказать, привел подводную лодку к умирающему авианосцу.

Командир «Наутилуса» понял, что здесь случилось. Он смог с некоторым трудом разглядеть, что тихо лежащий на воде корабль был «Flattop», «плоскопалубный», один из больших японских авианосцев, который был серьезно поврежден и не мог двигаться. Эсминцы однозначно можно было идентифицировать как японские. Их присутствие позволяло предположить, что японцы все же, возможно, попытаются спасти сильно пострадавший корабль. Поэтому командир «Наутилуса» сразу решился на атаку. Нужно было окончательно уничтожить авианосец, потопить его, чтобы навсегда стереть его из списка кораблей, которые могли бы когда-нибудь снова стать опасными.

Командир не узнал, что это был «Сорю», он идентифицировал только класс авианосца. Осторожно он подвел лодку до благоприятной позиции для выстрела, и затем он выпустил две торпеды из носовых торпедных аппаратов в борт авианосца. Когда он погружался, на лодке уже слышали типичный шум взрыва. «Наутилус» затаился, чтобы ввести в заблуждение эсминцы, глубинные бомбы которых могли быть опасны. Трюк удался, эсминцы, гидроакустические системы которых не засекали подлодку, совсем ничего не предпринимали. Двойной взрыв посчитали вызванным тлеющими пожарами разрывом хранилищ боеприпасов внутри «Сорю». Поэтому командир подводной лодки, когда он позже очень осторожно шел на перископной глубине, мог видеть через перископ, как брошенный разбитый корабль уходил на дно. Офицеры на палубе эсминцев приложили правую руку к козырьку фуражек, у некоторых лились слезы. Никто из них не мог видеть, как там на разбитом мостике «Сорю» стояла одинокая фигура командира, салютующего своей обнаженной саблей в кажущейся беспомощной позе.

Примерно в пятидесяти километрах к юго-востоку от этого места «Кага» с большим креном тихо лежал на воде. Из его палубы во многих местах поднимались клубы дыма, пожары внутри все еще не были устранены, хотя эсминцы сопровождения, которые держались поблизости, всю вторую половину дня отправляли туда одну пожарную команду за другой. Теперь, приблизительно в то же время, когда погиб «Сорю», последняя из этих команд, не добившись ре-

зультатов, вернулась на свой эсминец, «Хагикадзе», и сообщила, что справиться с пожаром уже невозможно, тем более что работать можно было только лишь ручными насосами, так как на мертвом корабле больше не было электричества. В остальном пожары уже добрались до больше не заполняемых водой хранилищ оставшихся авиабомб и торпед. Авианосец «Кага» уже нельзя было спасти.

После этого эсминцы, которые взяли себе на борт большую часть команды «Каги», остановили работы. Они отошли от поврежденного авианосца. Но еще прежде чем он полностью скрылся из виду, сильный взрыв внезапно потряс огромный корабль. Чад и огненные языки вырвались высоко вверх из открытой палубы; затем «Кага» затонул. Шипя и бурля, морская вода разливалась по его последним отсекам, она делала корабль все тяжелее и тяжелее. Спустя некоторое время, там, где был авианосец, плавали лишь лохмотья и обломки. Время от времени пузыри поднимались на поверхность и лопались с глухим шумом. Эсминцы обошли последний круг вокруг этого места, своими прожекторами в последний раз обыскивая воду, затем они окончательно ушли прочь.

Как похожи были судьбы этих больших кораблей: когда наступила темнота, Аоки, командир «Акаги», бывшего флагманского корабля адмирала Нагумо, приказал остатку экипажа построиться.

«Акаги» лежал на расстоянии чуть более тридцати километров к северо-западу от места, где затонул «Кага», incapable двигаться, только время от времени освещаемый вспыхивающими упрямыми пожарами. «Акаги» еще был на плаву, но командир Аоки все же приказал команде выстроиться для последнего построения, так как он понял, что корабль уже нельзя спасти. Он только что попросил передать адмиралу Нагумо по радио с одного из эсминцев сопровождения, «Новаки», просьбу разрешить потопить корабль. Нагумо, будучи уже на большом удалении, передал эту просьбу главнокомандующему операции Мидуэй адмиралу Ямамото, так как он знал, что «Акаги» был его особенной гордостью. И Ямамото категорически ответил: «Не топить. Начать буксировку».

Это был бессмысленный приказ. Ближайшие буксиры находились на удалении сотен километров. Одни эсминцы с этим бы не справились. Но приказ Ямамото нужно было выполнять. Итак, Нагумо вызвал с базы на Уэйке буксиры и передал эту информацию Аоки.

Однако Аоки был уверен, что корабль продержится на воде еще самое большее два или три часа. Поэтому он попрощался со своим экипажем. Моряков с авианосца взяли на борт эсминцы «Новаки» и «Араси». Сам Аоки перешел на борт «Новаки», вместе со своим штабом. Гремящие и гудящие звуки, с которыми вода завоевывала себе пространство в чреве гибнущего корабля, становились

чаще. Слишком много отсеков было затоплено, слишком много переборок сломалось под давлением, и пожары продолжали тлеть.

Это была облачная, наполненная влажной дымкой ночь, которая закутывала сильно поврежденный корабль, делала его невидимым, превращала в остров, грунт которого, однако, больше не был безопасен. Это можно было увидеть уже только по тому, что языки огней снова и снова взлетали с корабля, который своей полетной палубой лишь чуть-чуть возвышался над водной поверхностью. Было пять часов утра 5 июня. «Акаги» исчез моментально. Никаких взрывов больше, никакого треска. Он просто полностью наполнился водой и нырнул. Флагманского корабля Нагумо, который Ямамото так хотел спасти любой ценой, больше не существовало.

Разбитый «Хирю», последний из четырех больших японских авианосцев, находился в это время примерно в ста километрах к северу от того места, где утонул «Акаги». «Хирю» смог после уничтожающих попаданий все-таки проползти еще почти сто километров в западном направлении. Только около девяти часов вечера, после последнего взрыва котла, он совсем потерял ход. В машинных отделениях были заблокированы матросы, о которых никто не мог сказать, не умерли ли они уже от удушья, так как корабль постепенно получал все больший крен, так что вентиляционные отверстия оказались под водой. Внутри корпуса все еще продолжались пожары, и подбитый авианосец был освещен очень странным способом – он, так сказать, пылал изнутри.

Оба эсминца «Кадзагумо» и «Макигумо» кружились вокруг разбитого корабля, на котором находились еще адмирал Ямагути, командир корабля Каку, а также другие старшие офицеры. Все еще спасали раненых, которых не успели заметить после нападения, и которые беспомощно лежали на корабле. Также из воды шлюпки эсминцев при случае еще вылавливали плавающих. Долгое время Ямагути и командир корабля не могли прийти к согласию, можно ли еще отбуксировать «Хирю». Затем Ямагути, наконец, смирился и согласился с аргументами командира, который прогнозировал быстрое потопление, еще до того, как могли бы прийти буксиры.

Ямагути был деморализован. С офицерами своего штаба он обсуждал то, что он один был ответственен за судьбу «Хирю», так как он совершил важнейшие ошибки при использовании своих самолетов и планировании нападения, а также при прикрытии авианосца истребителями. Хотя это и были на тот момент бесцельные рассуждения, но из этой возложенной им самим на себя вины Ямагути выводил обязанность умереть вместе с кораблем, самолетами которого он командовал.

После двух часов ночи последние члены экипажа, последние раненые были перевезены с «Хирю» на эсминцы. Несколько театрально, что было в духе Ямагути, он еще раньше произнес речь, в которой он потребовал от оставшихся в живых отомстить американцам. Последнему офицеру, который сошел с борта, он дал приказ позволить затопить «Хирю» торпедами. Он сам – как и командир Ямагимото на «Сорю» – не был готов спастись; он остался на борту.

Командир эсминца «Макигумо», который должен был исполнить последний приказ адмирала, дождался первого солнечного луча нового дня, прежде чем начать действовать. С одной стороны, он не был уверен, не находились ли еще поблизости от «Хирю» плавающие в воде моряки, которых нужно было спасти прежде, и с другой стороны он втайне все еще считал возможным, что Ямагути передумает и даст об этом знак.

Все же, когда незадолго до пяти часов утра было уже настолько светло, что можно было разглядеть плавающих людей, выяснилось, что на воде больше не осталось никого в живых. Даже в мощный бинокль больше нельзя было найти на опустошенной полетной палубе авианосца Ямагути. Спрятался ли он где-нибудь, чтобы дожидаться гибели в стильной манере японского офицера? Застрелился ли он? Или совершил харакири своим мечом? Никто больше об этом так и не узнал.

Приблизительно в то же время, когда в другом месте тонул «Акаги», эсминец «Макигумо», повинаясь приказу, выпустил две торпеды в «Хирю», который лежал низко над водой, со значительным креном. Послышался глухой треск, поднялся водный столб, типичный знак торпедного попадания, затем волны сомкнулись над быстро опускающимся на дно кораблем. Вместе с тем последний из столь важных для дальнейшего ведения войны тяжелых авианосцев Нагумо тоже был окончательно потерян.

«Йорктаун», единственный американский авианосец, которому японцы нанесли серьезные повреждения, сначала локализовал свои наихудшие разрушения. Но американцы заблуждались. Внутри было несколько не поддающихся тушению пожаров; корабль получил крен на левый борт и мог лишь с трудом медленно покинуть поле боя. Однако он прошел недалеко. Скоро пропал также последний пар, и разбитый гигант беспомощно качался на волнах. В пределах видимости только один эсминец «Хьюз» кружился вокруг корабля. Ремонтные бригады направлялись к авианосцу, чтобы посмотреть, не удастся ли все-таки его спасти. В конце концов, «Йорктауну» сильно досталось также и в Коралловом море.

Адмирал Флетчер приказал по возможности защищать «Йорктаун» от последующих японских атак, однако затопить его, если возникнет безнадёжная ситуация. Пока нужно было попытаться так стабилизировать его, чтобы буксировка стала возможной.

Затем наступила ночь, и работы нужно было остановить, нельзя было показывать свет. Все же корабль был замечен, а именно ранним утром 5 июня самолётом-разведчиком, который был запущен с японского линкора «Тикума», чтобы искать на востоке американский флот.

Незадолго до семи часов утра адмирал Ямамото получил это сообщение. Он понял, что речь идет о поврежденном американском авианосце, и, естественно, он мыслил в похожих категориях, как и его американские противники: поврежденные авианосцы противника нужно потопить, чтобы они были окончательно потеряны и не появились спустя несколько месяцев снова отремонтированные! Итак, он действовал, удостоверившись, что японская подводная лодка I-168 все еще крейсировала поблизости от Мидуэя. В оговоренное для выхода на связь время она получила от Ямамото приказ немедленно взять курс на американский авианосец и в любом случае потопить его. Командир I-168 Танабэ подсчитал, что ему нужно пройти расстояние примерно пятьдесят километров преимущественно в надводном положении, чтобы как можно быстрее оказаться в нужном месте. Цель лежала в северо-восточном направлении.

На «Йорктауне» в это время было некоторое возбуждение, когда внезапно выяснилось, что несколько раненых, которые еще не были найдены, обратили на себя внимание. Они были – кроме одного, который был в состоянии махать – настолько тяжело ранены, что они даже не смогли добраться до полетной палубы. Их быстро отвезли на эсминец «Хьюз». Еще когда были заняты этим, на востоке увидели корабли. По просьбе адмирала Флетчера Пёрл-Харбор немедленно отправил к «Йорктауну» тральщик «Вирео», который должен был попытаться буксировать авианосец. Вскоре после этого подошли еще эминцы «Монахэн» и «Гвин», на которых находились специальные команды, имеющие опыт в спасении потерпевших аварию кораблей.

Затем незадолго до полудня 5 июня эти команды проверили «Йорктаун», и, несмотря на тяжелые повреждения, решили, что шанс на спасение корабля есть, но им нужна была последующая помощь. Task Force 17 Флетчера, на кораблях которой находилось большинство спасенных с «Йорктауна» моряков, крейсировала больше чем в 200 километрах восточнее от подбитого корабля. Когда теперь спасательные команды обратились к адмиралу, он немедленно предложил помощь. Через несколько часов после рассвета должны были быть отобраны добровольцы среди оставшихся в живых моряков с авианосца и доставлены к

нему на трех эсминцах «Хэмманн», «Балч» и «Бенхэм». В большинстве случаев это должны были быть машинисты и инженеры, но также и простые матросы были желанны.

К ним относился и радист старшина Мартинелли, который чувствовал себя здоровым и достаточно сильным, чтобы помогать. Если речь шла о том, чтобы, возможно, все-таки сохранить «Йорктаун» для флота, тогда он хотел непременно принять в этом участие, так же, как и командир авианосца Бакмастер, который, естественно, был привязан к своему кораблю и не хотел оставить неиспользованным шанс отбуксировать его, вероятно, в Пёрл-Харбор.

Все с напряжением ждали, пока первый дневной свет не появился 6 июня, тогда «Хэмманн» подошел с борта, чтобы обеспечивать рабочие бригады на борту авианосца током.

Командир Бакмастер проинструктировал моряков. Так как у авианосца был крен на левый борт, было необходимо сначала с этой стороны выбросить за борт корабля все тяжелое. Вследствие этого крен мог уменьшиться на несколько градусов, и надеялись, что с правого борта можно будет наполнить водой так много отсеков, как только возможно, пока корабль в некоторой степени не уравновесится, выровняется. Тогда можно было начинать буксирный маневр.

Скоро повсюду закипела работа. Обломки, лежащие вокруг бомбы и даже оставшиеся самолеты, бочки с бензином – все, что можно было двигать, летело за борт. Между тем команды сварочными горелками отделяли бронированные плиты, также части полетной палубы, чтобы облегчить разбитый корабль с левого борта и вызвать смещение веса.

Джо Мартинелли взобрался на разрушенный мостик и осмотрелся вокруг. Нет, о восстановлении работы радиостанции нечего было и думать, она была полностью сожжена. Поэтому он отправился к бригаде, которая тянула шланги для воды во внутреннюю часть корабля, где еще были пожары. С помощью питаемых током с «Хэмманна» насосов тушили то, что можно было потушить.

И на самом деле казалось так, что и на этот раз можно будет снова спасти «Старую даму», как в шутку называл экипаж свой корабль, как это уже было после разрушений в Коралловом море. Когда начальник бригады, который находился впереди у брандспойта резинового шланга, внезапно закричал: «Стой!», все почувствовали, что возникла опасность. Мартинелли прошел вперед вдоль шланга, и тогда он увидел, что обнаружил начальник бригады: в частично приплюснутом помещении хранились торпеды, которые были предназна-

чены для самолетов «Йорктауна». Это означало опасность взрыва. Позвали Бакмастера.

- Взрыватели установлены?

Бакмастер отрицал это. – Вряд ли. В торпеду вставляют взрыватель только тогда, когда она уже подвешена к самолету.

- Вы в этом уверены, кэп?

Бакмастер не стал вдаваться в дальнейшие объяснения. Он залез в хранилище и проверил боеголовки торпед, одну за другой, пока не удостоверился. Затем он ощупал стальные стены. Они были теплыми. Где-то, недалеко от этого помещения, должен был быть пожар, который искала пожарная бригада.

- Всем выйти! – крикнул командир начальнику бригады. – Эти штуки нужно выбросить за борт. У нас есть лебедки?

«Хэмманн» передал лебедки, цепи и различные другие устройства. Мартинелли с тремя другими матросами залез в помещение, чтобы прикрепить торпеды к крючкам лебедок, после чего торпеды, одну за другой, вытащили на палубу. Там их ожидала бригада, выбрасывавшая их за борт.

Когда Мартинелли прицепил последнюю торпеду, его охватило легкое чувство головокружения, пот полился из всех пор, хотя он и во время работы вовсе не дрожал от холода. Ему пришлось сесть. Начальник бригады толкнул его. – Ступай наверх. Отдохни. И разузнай там, не смогут ли они с «Хэмманна» передать нам что-нибудь поесть...

- А лучше еще что-то выпить! – крикнул ему другой.

Мартинелли выкарабкался на палубу. На свежем воздухе с его запахом соли он быстро пришел в себя. Был уже почти полдень, старшина с удивлением констатировал это. Под палубой чувство времени совершенно пропало у него. Он видел, как в воду по все еще косо наклонившейся палубе сталкивали остатки орудий, и как несколько инженеров совещались, сидя на корточках вокруг чертежей корабля, какие именно отсеки нужно было в первую очередь заполнить водой, чтобы еще сильнее уменьшить крен. С правого борта находился «Хэмманн», но из-за высоко задравшегося борта «Йорктауна» можно было разглядеть только надстройки эсминца.

Мартинелли с радостью констатировал, что по канатам, натянутым между бортами кораблей, в этот момент перетягивались контейнеры с едой. Несколько позже боцманские дудки позвали всех моряков на обеденный перерыв на наклонившейся палубе. Сварщики оставили свои аппараты, насосы, шланги от которых шли с «Хэмманна», перестали грохотать, каждый зацепился где-нибудь и схватил свой сухой паек, переданный с эсминца.

На «Хэмманне» готовилась смена работавших на подбитом авианосце людей. Они заслужили перерыв для отдыха. Кроме того, нужно было распределять свои силы. Никто не знал, как долго еще придется заниматься этим кораблем.

В это время японская подводная лодка I-168 была уже несколько часов в непосредственной близости. Она подкрадывалось настолько осторожно, что ни на одном из эсминцев гидроакустики не подняли тревогу. Теперь она с застопоренными двигателями лежала на позиции для выстрела с правого борта разбитого корабля на расстоянии примерно 1000 метров от него. Через перископ капитан разглядел шесть эсминцев, один из них пришвартован к разрушенному авианосцу. Нет сомнений, здесь шли ремонтные работы. Капитан подводной лодки добросовестно выбрал свою позицию. Он приказал подготовить четыре торпедных аппарата, бросил еще последний взгляд через перископ, исправил положение лодки коротким маневром заполнения балластных цистерн на корме, и тогда отдал команду: «Огонь!»

Матросы «Хэмманна» увидели четыре приближающихся следа пузырей. Торпеды были направлены точно. В последний момент еще несколько 20-мм автоматических пушек эсминца начали стрелять по приближающимся торпедам, чтобы преждевременно взорвать их, но эта попытка не удалась.

Сначала торпеда ударила «Хэмманн» в средней части корабля, причем так удачно, что эсминец затонул за несколько минут. Другие торпеды прошли сбоку мимо «Хэмманна» и разорвали правый борт «Йорктауна» на куски. Пока эсминец тонул, и всюду на воде качались трупы, раненые и отчаянно борющиеся за свою жизнь плавающие люди, «Йорктаун» с правого борта принял так много воды, что он сначала оказался в почти уравновешенном положении. Вот только полетная палуба его лишь на метр возвышалась над водой, и внутри все больше перегородок трескалось под усиленным напором воды.

Радист старшина Мартинелли в момент взрыва инстинктивно вцепился в один из канатов, которые тянулись с «Хэмманна». Когда эсминец начал тонуть, канат порвался. И так как «Йорктаун» со своей палубой лишь немного возвышался над водой, Мартинелли мог просто сойти вниз. Внизу плавали обломки «Хэм-

манна». Радисту удалось зацепиться за наполненный воздухом шланг от насоса, за другой конец которого держался матрос с «Хэмманна».

Сначала Мартинелли еще подумал, что катастрофу мог вызвать взрыв внутри «Йорктауна». Теперь, однако, он узнал от своего товарища по несчастью: – Это были торпеды, я видел, как они шли!

И тогда эсминцы уже начали сбрасывать первые глубинные бомбы, которые взрывались с треском. Но подводная лодка ушла еще тогда, когда шли торпеды, она проскользнула мимо «Йорктауна» и находилась теперь на том месте, где ее не искали эсминцы. Ее командир был хитрый лис, он опустил подлодку на большую глубину и остановил двигатели. Эсминцам не удалось определить местонахождение лодки, кроме того, им нужно было спасать людей с авианосца и потопленного эсминца. Подводная лодка переждала град глубинных бомб и улизнула через пару часов, ее командир был уверен, что авианосец затонул.

Но японец ошибался, «Йорктаун» еще был на плаву. Под вечер радиста Мартинелли и его товарища по несчастью на другом конце шланга выловили из воды матросы «Балча». Мартинелли был обессилен. После горячего душа, небольшого ужина и сна он снова медленно пришел в себя.

Когда наступила ночь, эсминцы все еще искали оставшихся в живых. Командир Бакмастер и последние матросы ремонтных бригад снимались с палубы «Йорктауна». Всю ночь на 7 июня авианосец тихо лежал на воде, которая теперь уже местами заливала полетную палубу. И только в пять часов неподвижный великан, наконец, исчез под волнами. На воде остались двигающиеся по волнам обломки, пятна нефти и мертвые рыбы. «Йорктаун» был той ценой, которую флот США должен был заплатить за победу у Мидуэя, наряду со многими моряками, которые погибли, утонули, умерли от удушья.

Высокая цена, но по сравнению с катастрофическими потерями японцев, она оставалась незначительной. Адмирал Флетчер с остатками своей Task Force 17 был уже на курсе Пёрл-Харбора. Также эсминцы, которые дождались конца «Йорктауна», шли домой. Task Force 16 следовала за ними. Противник удалялся. Побитый.

Спустя три дня японское радио лживо переделало поражение японцев в их грандиозную победу. Радио Токио гордо провозгласило, что японцы потопили два американских авианосца, в щепки разбили Мидуэй, сбили сотни американских самолетов и не в последнюю очередь обосновались на Алеутских островах, перед входной дверью американского штата Аляска. Собственные потери указали в размере одного авианосца и нескольких десятков самолетов. Все экипа-

жи возвращающихся домой кораблей должны были оставаться на борту. Не было никаких интервью, никаких посещений, почту отправлять было запрещено. Но вопреки всем этим мероприятиям постепенно в военно-морском флоте пошли толки о том, что впервые в этой войне японцы понесли тяжелое по своим последствиям поражение от американцев. Тайком шептали, что время легких побед, похоже, прошло. Это действительно было так, потому что императорский военно-морской флот так никогда больше полностью и не оправился от понесенных им потерь у Мидуэя.

9 июня радист старшина Мартинелли снова ступил на твердую землю в Пёрл-Харборе. Военно-морской флот направил его, как и всех других, кто остался в живых, в военно-морской госпиталь, где полдюжины врачей осматривали его, выстукивали, просили покашлять, просвечивали рентгеновскими лучами, меряли температуру, брали кровь из вены, анализы мочи и кала, так что ему пришлось ждать целый день, пока ему не сказали то, что он и без того чувствовал: «Вы здоровы. Никаких повреждений. Служите, как прежде».

Он вернулся на службу, доложил командованию о своем прибытии, но у него больше не было корабля, и он пока получил отпуск. С несколькими другими выжившими с «Йорктауна» он поселился на предоставленной ему флотом квартире, потом он гулял по трактирам Скид-Роу, района «красных фонарей» в Пёрл-Харборе, где помимо девочек были также очень приличные и в то же время дешевые напитки.

Task Force 16 пришла в Пёрл-Харбор самой последней из участвовавших в операции Мидуэй соединений, а именно 13 июня. Она также прошла самый далекий путь. Корабли швартовались у причалов один за другим.

В это время адмирал Нимиц был занят тем, что пожимал руку командеру Джо Рошфору. Он вызвал его к себе, чтобы официально поблагодарить за замечательный вклад CIU в победу у Мидуэя, и Лейтон, который забирал дешифровщика из подвала радиоразведки, сразу принес на всякий случай свежую рубашку для него.

Теперь седой адмирал говорил ему: – Рошфор, мне известно, что для вас похвалы немного значат. Я знаю вашего брата. Результат – это само собой разумеющаяся вещь. Вопрос личного честолюбия. Мне симпатична эта позиция. Несмотря на это, Соединенные Штаты должны поблагодарить вас. Так же, как и моряков и летчиков, которые сражались в этой битве, и для многих из них она оказалась последней...

Он заметил, что этот потрепанный, взбалмошный, чудаковатый интеллеktуал серьезно слушал его, поэтому он еще прибавил: – Я через час приму офицеров обеих оперативных групп и командиров авиационных частей, которые остались живы и вернулись домой. И я скажу им что-то очень похожее на то, что сказал вам, Рошфор. Мы впервые сначала затормозили это кажущееся безудержным наступление японцев, нанесли их силам большие потери и надломили их боевой дух. И мы вследствие этого выиграли время, в котором мы срочно нуждаемся, чтобы восстановить наш флот, оснастить его новыми линкорами, авианосцами, подводными лодками, самолетами. Это будет означать перелом в войне на Тихом океане, так мы думаем, во всяком случае. После передышки уже мы будем бить. Тогда будет наше наступление, и мы в конечном итоге победим агрессора Японию...

Он сделал паузу, подошел к окну своего офиса и посмотрел на акваторию порта, где в это время швартовался «Энтерпрайз». Снова повернувшись, он отпустил Рошфора со словами: – Америка гордится такими людьми, как вы и ваши сотрудники. И так как они тоже должны заметить это, я сначала устроил так, что перед дверью вашего рабочего помещения был оставлен ящик шампанского. Выпейте его с вашими сотрудниками за победу...

Ящик пива понравился бы мне больше, подумал Рошфор, но он сказал не это, а: – Спасибо, господин адмирал, сэр, также от имени моих людей.

Затем он смог идти, после еще одного рукопожатия.

Поздним вечером радист старшина Мартинелли сидел несколько неуверенно на барном стуле у стойки в «Mimi's Den», одном из популярных трактиров, недалеко от штаба флота. Он пил со второй половины дня и чувствовал себя хорошо, в то время как он снова и снова рассказывал тем, кто сидел вокруг, как взлетали самолеты, как пришли японцы с их проклятыми торпедами, как он плавал в нефти, как за ним охотились акулы, как он позже снова вернулся на «Старую даму», чтобы спасти ее, и как тогда, когда они уже, вероятно, были почти готовы, но тут эта собака японский капитан подлодки выпустил свои торпеды...

У него были снова и снова новые слушатели. С барного стула рядом с ним только что ушел летчик, которого увела девочка. И тогда на освободившееся место уселся худой, выглядевший не особо здоровым штатский и громко рыгнул, прежде чем заказать пиво у бармена.

- Господи, какую же жратву они тебе давали? – осведомился Мартинелли сочувственно.

- Совсем ничего, с завтрака.

- Тогда у тебя язва желудка, – констатировал Мартинелли.

Другой взял пиво и с приятным хрюканьем позволил ему литься в горло. После того, как он поставил пивную кружку, он еще раз звучно рыгнул, потом он повернулся к Мартинелли: – Это было шампанское. Мы сразу выпили целый ящик.

- Сам виноват, если ты не переносишь такое пойло, то и не пей его!

Рошфор заказал для себя и Мартинелли еще два пива, рыгнул, на этот раз несколько тише, и, подняв свой стакан за Мартинелли, сказал: – За победу, старшина!

- Меня зовут Джо, – заметил Мартинелли, принимая во внимание пиво, которым его угостили.

- И меня тоже зовут Джо. Твое здоровье!

- Ты один из этих кабинетных вояк, которые сидят здесь, пока у нас под задницей взрываются лоханки, так?

- Правда.

- И потом ты празднуешь победу с нами. Это твоя единственная радость в жизни, так?

- Единственная. Где-то так.

- Что ты понимаешь в войне? На море, парень, где мы сегодня добиваемся самолетами больше, чем пушками!

- Почти ничего, – весело ответил Рошфор. Этот старшина нравился ему. Он был задирист, но не груб, и он пил с ним. Это делало его приятным собутыльником, после всего этого шампанского из ящика Нимица.

- Ты выпьешь еще пива? – спросил Мартинелли. – На этот раз за мой счет!

- Конечно! Я ничего не понимаю в самолетах и кораблях, но зато разбираюсь в пиве. И я знаю, что от него никогда не стоит отказываться.

Мартинелли заказал пиво, потом он огорченно покачал головой. – И вот ради таких умирают на флоте!

Рошфор взял свою кружку и чокнулся с ним. Серьезно, но несколько мямля, он сказал себе под нос: – Герои. Все. Кроме меня.

Это было утверждение, которым Джо Мартинелли был полностью удовлетворен.

Библиотека Велесова Слобода, 2016 г.

**Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»**

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).